

К.Р.

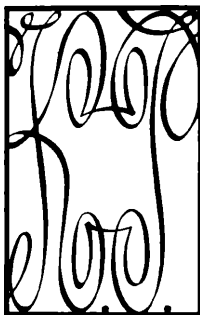
Константин
Романов

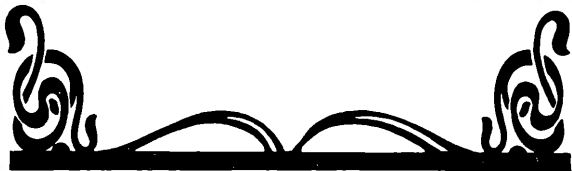
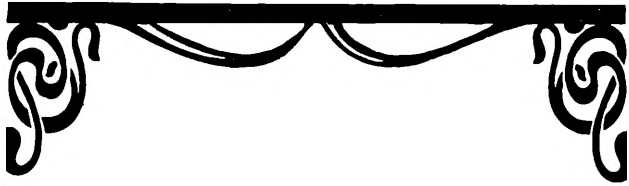
Избранное

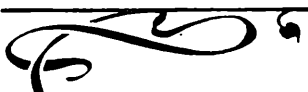

Избранное

Константин
Романов

Избранное

Стихотворения, переводы, драма

Москва
„Советская Россия“
1991

84(2)1
Р69

Составитель и автор предисловия Е. И. Осетров

Художник В. К. Серебряков

Р $\frac{4702010102-100}{M-105(03)91}$ КБ 23—1991 № 033

ISBN 5—268—01248—7

© Е. И. Осетров, 1991 г., составление, предисловие.

ПАТЕНТ НА БЛАГОРОДСТВО

Европейская культура как целое ярче проявилась на берегах Невы, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее,— утверждал Георгий Федотов, выдающийся религиозный мыслитель, оценивая «императорский период» русской истории, как наиболее творческий и динамичный. Одна из примечательных особенностей этого периода — в усвоении и взаимопроникновении общечеловеческих и национальных начал, появление типа «русского европейца», деятеля «петербургской культуры». Ныне, когда произошло возвращение универсальных пластов культуры, связанных с «серебряным веком»,— мы видим свое вчера и позавчера совсем в ином свете, чем еще совсем недавно. Едва ли не самый расхожий афоризм сегодня: новое — хорошо забытое старое.

Весенней свежестью зазвучали привычные слова: «Растворил я окно... И с тоскою о родине вспомнил своей, об отчизне я вспомнил далекой». Ожило в памяти обращение поэта-антологиста к Константину Романову — К. Р.: «Эти милые две буквы, что два яркие огня...»

Современность, девяностые годы,— факсимильный период русской литературы. Напомню, что буквальный перевод латинского ф а к с и м и л е — «делай подобное». Факсимиле может сегодня утолить всеобщую духовную жажду. Сбылось предсказанное еще Гоголем: и стало вдруг видно далеко во все концы света. Когда же (совсем по Гоголю) — зазвучала

струна в тумане! — разом вспомнилось: — а где же люди без имен? Поэты, художники, философы, богословы? Куда, наконец, исчезли книги, любимые всеми?

Бросьте в библиотеке или в магазине, книжном развале беглый взгляд на самые свежие новинки: Владимир Соловьев, Андрей Белый, Александр Добролюбов, Дмитрий Мережковский, Федор Сологуб, Сергей Клычков, Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов, Владимир Ходасевич, Зинаида Гиппиус, Николай Клюев, Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Михаил Кузмин, Георгий Иванов... Книги издательств — «Альциона», «Орфей», «Мусaget»... Каких только нет названий книг — «Одеяние духовного брака», «Заря в восхождении», «Записки вдовца», «Поцелуи»... Перечень можно расширить, но сказать — сколько их! — нельзя. Каждое имя — самостоятельный мир. Даже о звездах третьей — пятой величины можно сказать: мал золотник, да дорог. Как, скажем, забыть об Иване Коневском? Или о возрождении в начале столетия альманаха «Северные цветы»?

* * *

Было бы ошибкой сравнить факсимиле с воскрешением из мертвых, — поэзия живой была снесена на кладбище. Но косной материей она не стала. С наступлением рассвета началось возвращение. Птолемеєво недвижимое небо стало расширяющейся поэтической вселенной.

Нечто сходное произошло и в других областях культуры, да и во всем духовном бытии. Сладко ныне повторять имена художников — Врубель, Борисов-Мусатов, Сапунов, Сомов, Судейкин... Иначе и быть не могло. Невский проспект вновь напоминает о странице Гоголя, Летний сад — о строфах «Онегина». Мы вплотную подошли к тому, что долго и прочно олицетворялось понятием — *петербургская культура*, — «...наш патент на благородство». И даже новым содержанием наполнилось напутствие-завещание Ивана Бунина: «Россия, помни град Петра!»

* * *

«Мир искусства», Валентин Серов и Александр Бенуа, русские сезоны Сергея Дягилева в Париже, Анна Павлова и «звезды» балета, шалыпинский бас, единственные в своем роде поэтические, музыкальные, театральные и живописные имена заставляли все русское рассеяние вспоминать Неву и «оград узор чугунный». Афоризм, который повторялся дома и в зарубежье: «Там некогда гулял и я; но вреден север для меня». Душа Петербурга, покинув родную обитель, все-таки нет, не умирала. И среди руин и травы забвенья вновь раздались животворящие звуки.

* * *

Напомню о полузабытой жизни поэта К. Р.

Константин Романов родился в 1858 году в Стрельне. Его отец — Константин, сын Николая I. Мать — Александра (до замужества — принцесса Саксонская). Надуманным выглядит позднее (1931 год) суждение о том, что «его (К. Р.) умственный кругозор сложился в гвардейской казарме». Среди преподавателей юного Константина мы видим таких маститых знатоков русской истории, как С. М. Соловьев и К. Н. Бестужев-Рюмин. Теорию музыки вел Г. А. Ларош, автор известных работ, посвященных Глинке и Чайковскому. Семья не чуждалась литературных интересов. Отец, управлявший русским флотом и морским ведомством, содействовал появлению и изданию журнала «Морской сборник» (1848—1917), в котором печатались Гончаров (главы из «Фрегата «Паллада»), Островский, Григорович, Писемский, Потехин, Станюкович...

Знакомству с практическими науками способствовали двух-трехмесячные поездки на фрегате «Громобой» по водам Балтики. Дальние плавания гардемарин совершал на фрегате «Светлана».

Название заставляло вспомнить Василия Андреевича Жуковского, воспитателя Александра II. «Стихов пленительная сладость» Жуковского, Петербург с его аристократической и духовно-элитарной средой, Царское Село, помнившее Пушкина и лицейстов первого выпуска, — начальные впечатления бытия.

* * *

Девятнадцатилетний Константин принял участие в военных действиях на Дунае. Был отмечен «Георгием» 4-й степени.

Перечислю его должности и занятия. Кроме флота, служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Был шефом 15-го гренадерского Тифлиского полка, командиром лейб-гвардейского Преображенского полка. Президент с 1889 года Академии наук; снискал сторонников и не менее влиятельных антагонистов в Петербурге и Москве.

* * *

Теперь о делах литературных. К ним царственный отрок был пристрастен с «младых ногтей».

Когда на страницах «Вестника Европы» появилась подпись под стихами — К. Р., едва ли все читатели пребывали в неведении относительно принадлежности криптонима. Не только в столицах, но и в провинции знали, что великий князь Константин Константинович Романов пишет и переводит стихи, состоит в переписке с Чайковским, Фетом, Майковым, увлекается Гете, любит общество музыкантов и художников. Свое призвание видел в служении стране. Словом: «...пусть не тем, что знатного я рода, что царская во мне струится кровь, родного православного народа я заслужу доверье и любовь». Каким же образом? «Пускай прольются звуки моих стихов в сердца толпы людской, пусть скорбного они врачуют муки и радуют счастливого душой». Наивно, но совершенно в духе времени. И никакой не «светский стиль». Мода на риторику в гражданственных мотивах начинала свое шествие.

* * *

В конце 1888 года появилась книжечка «Три поэмы» Е. В. Гаршина, рассматривавшего стихи как стихи — отвечают ли они эстетическим требованиям. Автор писал о трех наиболее заметных

поэмах, вылившихся из-под пера поэтов трех поколений: А. Н. Майкова, А. А. Голенищева-Кутузова и автора, скрывающегося под инициалами «К. Р.». Гаршин делился впечатлениями о напечатанных в «Вестнике Европы» — «Брунгильде» Аполлона Майкова, «Яромире и Предславе» Арсения Голенищева-Кутузова и, наконец, о «Севастиане-мученике» К. Р.

Если источником для Майкова служил «мрачный скандинавский эпос», а для Голенищева-Кутузова — мотивы славянской старины, то К. Р. обратился к образу раннехристианского мученика Севастиана, принявшего страдальческий конец. Гаршин, подчеркивая антологичность повествования, пересказывал сюжет поэмы К. Р.: «Друзья унесли истерзанный труп, но еще успели спасти догоравшую искру жизни, и вот как бы загробной тенью Севастиан является беспощадным обличителем императора в тот момент, когда он торжественно вступает в Колизей». Вполне очевидно, что эссеист отмечает появление заметной новоромантической поэмы, да и направления, исходящего из пушкинского представления о том, что цель поэзии — поэзия.

* * *

Страсти бушевали в литературном взбаламученном море. Чистая поэзия или — «сапоги выше Шекспира»? Эстетство противопоставляло утилитаризму культ Пушкина, воспринимавшегося через Жуковского, царскосельские рукописные тетради пушкинских времен, архитектурные и живописные памятники. И дело даже и не в борьбе с Писаревым и писаревщиной. В глубине спора — вопрос об отношении к общечеловеческим художественным ценностям. Севастиан-мученик пришел в поэзию К. Р. с полотен Эрмитажа. Но образ не стал отзвуком латинской лиры. Перед нами вовсе не парнасские цветы, а язык родных осин. А ведь не за горами были времена стихотворных призывов: «Во имя нашего Завтра разрушим музеи, сожжем Рафаэля...»

«Сонеты к Ночи» — трагическое предчувствие общей судьбы

* * *

Прошли десятилетия. Фуксину было отдано преимущество перед всеми другими цветами. Наша родимая печать высказывала негодование по поводу того, что некогда существовало «преувеличенное внимание к литературной продукции К. Р., как читающей публики, так особенно критики». Но это — потом, а вначале — на рубеже веков — было все-таки поэтическое Слово, а вовсе не какая-то «литературная продукция». Впрочем, не будем придирааться к терминологии, — она совершенно в духе журналов, когда их ведущим авторам-социологам даже во сне не снилось, что в конце жизненного пути они, умудренные драматическим опытом, обратятся к святоотеческой литературе.

* * *

Многое о придворной среде, окружавшей великого князя, академика и поэта, разумеется, можно сказать. Красочные эпизоды и быт музейного, театрального и художественного содержат воспоминания Александра Бенуа, видевшего своими глазами петербургские начала и концы. Конечно, всегда существовал спор Москвы и Петербурга, диалог, насколько Петербург органичен для русской культуры. Пройдя большую историческую дорогу, можем ли мы забывать, что через творения Растрелли, Пушкина, Достоевского отечественная культура давала ответы на мировые вопросы. Но и народное творчество не было у нас задавлено чужим, оно цвело по всей России. Поэтому упомяну, что даже Константин Романов не мог обойтись — согласно времени и вкусу — без своего «хождения в народ». Поэт совершал поездки в Псков и Новгород, по Ладожскому озеру. Он посетил Валаам, Онежское озеро, Петрозаводск, водопад Кивач, — не забудем, что подходили годы Рериха и Нестерова. О поездке К. Р. в Суздаль мне рассказывал И. А. Назаров, стихотворец и библиограф, основатель журнала провинциальных самоучек.

Одновременно Русь постигалась Константином через посещение Палестины, Италии, Греции, Африки.

Пушкинская весна была далеко позади. Поэзия набирала силы, чтобы стать серебряным веком. Ее упрекали в том, что она песнь о песне и существует скорее для литературной культуры, напоминая посвященным «струи версальских фонтанов». Но Версаль был далеко от Невы, а Петергоф — рукой подать. И там в садах Черномора виделась читателям пушкинская Людмила. Но на историческом горизонте для прозорливцев уже был очевиден апокалипсический всадник.

* * *

Печатные отзывы прозрачно намекали о фамилии, который у нас-де принято в артистических и других кругах курить власть предрержащим. Константин Романов писал в трагедии, посвященной Иисусу из Назарета, о тех, кто судят-пересудят в толпе, на площади да «без умолку, как взапуски, болтают о том, кто выше из больших поэтов: Гомер или Вергилий?»

Никогда, оценивая явления, не следует обходить круг и масштаб личностей, составлявших если не окружение, то духовную среду петербургского поэта. Приведу отрывки из письма Ивана Гончарова, оценивающего стихи, данные ему К. Р. на просмотр. Деликатно, но как старший младшему, Гончаров сообщает ему свои соображения: «...Между остальными новыми Вашими произведениями в книжечке есть несколько звучных, нежных, ласковых, полных задумчивой неги или грусти — словом, приятных стихотворений: читатель, особенно читательницы, прочтут их с кроткой улыбкой. Но (позвольте быть откровенным) спирту, т. е. силы и поэзии, в них мало: лишь кое-где изредка вспыхивают неяркие искры. Очевидно, стихи набросаны небрежно, как будто второпях, и мало обработаны».

Далее опять-таки интонация взыскательности, которой и ныне не мешает поучиться: «То же можно сказать и об обращениях к родине из-за границы: желалось бы от такого поэта, как Вы, побольше содержания и спирту, т. е. вдумчивости, определенности, строгой сознательности, даже самого чувства любви к роди-

не. Например, в стихотворении *Цветущий Запад*, впрочем, звучном и эффектном, все хочется спросить, почему «невозделанные степи» далекой родины Вам милее всех великолепий Запада? Потому что они родные, конечно, будет ответ. Но ведь это же скажет всякий, не-поэт: это общее место, где же тут пища для поэзии, для отдельного стихотворения?»

В отзывах Гончарова, как мы понимаем, преобладала поучительная нота, осознание преимущества не возраста, а литературной опытности. Оскорби царя, но не поэта, — восточный афоризм издавна бытовал у нас. Но девизом для антологистов-неоромантиков были все-таки пушкинские слова, обращенные к поэту: «Ты — царь, живи один, дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум».

* * *

Едва ли не одна из основных поэтических идей К. Р. была связана с мыслью об утешительности Музы, — «пусть скорбного, она врачует муку и радует счастливого душой». Что должен делать духовный наследник Василия Жуковского, «единственного святого в русской литературе»? В стихотворении «Поэту» Константин Романов писал:

Любовь — твоя да будет знание.
Проникнись ей — и песнь твоя
В себя включит и все страданье,
И все блаженство бытия.

Конечно, можно сказать, что перед нами скорее прекраснодушная декларация, что всего несколько мгновений ее отделяло от публикаций того, что вот-вот будет нарочито провозглашаться: «Я ненавижу человечество...» Классической ясностью наивность вопросов обнажилась другим поэтом позднее: «Кто любит город, кто поля, кто день, кто ночь, кто зори, кто тут оденщик, кто судья, кто прав в бесцельном споре?»

Споры, ведшиеся в периодике столетие назад, удивительным образом перекликаются с литературными спорами наших дней. Соотношение жизни и поэзии, роль книжности, значение и смысл историко-культурных реалий. Небезынтересно перечитать обширный том критических отзывов К. Р., появившийся в 1915 году. Суждения президента Академии носили деловой характер. К. Р. обильно цитирует авторов, книги которых обозревались в связи с выдвижением на Пушкинскую премию.

Премия была введена еще в 1881 году Академией наук и присуждалась вплоть до 1919 года. Самая престижная литературная премия в России. Среди ее получивших мы видим Чехова, Майкова, Полонского, Бунина, Куприна, таких переводчиков, как Вересаев и Хладковский, пушкиниста П. Е. Щеголева...

Общий уровень отзывов К. Р. в своей выразительности и убедительности носит академический характер. И несомненно — духовно-культурное оснащение. Столетие встречалось со столетием. Наступала, точнее, была не за горами пора эрудиции Мережковского, Брюсова, Вяч. Иванова, торжество русского александрийства, Михаила Кузмина и его школы. Лепту в это своеобразие культурно-художественное явление внес К. Р. — библейскими мотивами — в том числе драмой «Царь Иудейский» — и особенно переводами.

Переводами Константин Романов увлекался на протяжении едва ли не всего своего литературного пути. Он настойчиво работал в такой избранной области, как русский Шекспир. Удачно переводил Гете. Без преувеличения можно сказать, что с ним связано становление русской переводческой школы. Последняя в XX столетии играла в России столь важную роль, что породила переводы конгениальные оригиналам. Знаток утверждает, что бунинская «Песнь о Гайавате» даже превосходит подлинник.

* * *

Поэтическим достижением К. Р. я бы считал шедевр вокальной классики «Растворил я окно...», в котором Чайковский выявил и передал музыкальную идею, заключенную в слове. Лирическое настроение, художественно-образное содержание получили в романсе такое гармоническое воплощение, что выдерживают соседство со всем лучшим, что создано в этой области. Романс Чайковского — жемчужина мировой вокальной культуры — нигде не звучит с такой силой, как во дворцах и садах под Питером, — на родине К. Р., автора памятных строк.

Слово и музыка — черемуха и соловей. Вместе они — волшебство, которое пребудет вечно.

* * *

Современникам запомнилась драма «Царь Иудейский», написанная К. Р. белым стихом, намеренно-величавым языком. Следуя библейской канве, автор создал драму-предсказание судьбы семейства. К. Р. стал одним из зачинателей религиозного Ренессанса в России, вызывающего ныне такой жгучий интерес, сопутствующий, точнее, противостоявший гонениям за веру. Не отступая от канонических подробностей, К. Р. внес в развертывание действия много подробностей, связанных с географическими и историческими наблюдениями: «Там на дворе терновый есть кустарник. И ветвь один из воинов сорвав, сплел из нее венок. С весельем диким им увенчали Узника они». Сказалось посещение Святой земли. Собственно, Константин Романов, обращаясь к библейскому источнику, занимался вопросом, сформулированным Владимиром Соловьевым: «О Русь! в предвиденье высокою ты мыслью гордой занята; каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса иль Христа?» Современникам К. Р. было понятно, что речь шла о том, какой же путь предстоит России — восточной деспотии или носительницы всечеловеческих начал любви. В дальнейшем к мотивам евангельского сказания и Святой земли об-

ращались Мережковский, Булгаков, такие проникновенные религиозные мыслители, как Павел Флоренский или поэт Вячеслав Иванов с его вечным «солнцем Эммауса».

* * *

В связи с деятельностью Константина Романова в Академии чаще всего вспоминается эпизод, связанный с отменой выборов М. Горького в почетные академики. Конечно, К. Р. принял участие в этих событиях. Едва ли здесь нужны новые толки. Если же нас интересуют события и личности, то было бы непростительной ленью не обратиться к обширному дневнику Константина Романова. Записи составляют десятки толстых тетрадей, ведшиеся с мая 1870 года по ноябрь 1913-го. Перед смертью К. Р. передал дневники в Академию наук с запрещением их просмотра в течение 90 лет. «...Лишь правительственная комиссия, производившая чистку Академии наук в 1929 году, сделала их достоянием пролетарской общественности». Каким образом? Журнал «Красный архив» в 1931 году сообщил: «Дневник Константина Романова печатается в извлечениях, так как большую часть его составляют записи различных мелочей». Но через несколько лет и «Красный архив» стал чтением, которое ничего доброго не сулило даже взятым любителям источников. Впрочем, могу порадовать — всеобщая молва гласит, что дневники К. Р. дождались своей поры и вот-вот мы будем держать их в руках.

* * *

История гола без подробностей. Вот запись К. Р., посвященная деятельности в Академии, сделанная 10 января 1906 года в Петербурге: «Опять ездил в город, в Академию, где назначил после шестилетнего перерыва заседание междуведомственной комиссии по вопросу изменения календаря. Пока Победоносцев был обер-прокурором Синода, нечего было и думать двинуть это дело: он всегда на всякое новое дело отзывался отказом. А поэтому я положил этот вопрос «под сукно» и продержал его так, пока

Победоносцева не сменили. В заседании больше всех говорили академики Шахматов, Сонин и Марков и представители министерств юстиции — Чаплин, ведомства православного исповедания — Остроумов, министерства промышленности и торговли — Егоров и изобретатель нового календаря П. М. Салагилов. Много говорилось о затруднениях, которые неизбежно встретятся при переходе к григорианскому или какому-нибудь другому календарю. Указывали и на то, что едва ли очень нужно менять календарь. Учредили из своей среды подкомиссию, чтобы обсудить, стоит ли трудиться над этим вопросом».

* * *

Президент Академии был, разумеется, представителем элитарного сознания, составлявшего краеугольный камень петербургской культуры, заявившей о себе стране и миру именами Чайковского, Глазунова, Дягилева, Серова, Бенуа... Последний, сопоставляя Петербург с Венецией и Амстердамом, говорил, что музыкальность — глубокая и чудесная — заключается в самой петербургской влажности. Именно в музыкальности — по мнению А. Бенуа — душа города, общающаяся с другими посредством музыки. «Священного писания глаголы напоминают звезды в небесах», — провозглашал К. Р., и это не было только декларацией русского александрийства, набиравшего силу. Петербургская цивилизация, родная сестра западноевропейского образования, не могла не вливаться в могучее русло всей русской культуры. И сегодня есть ли занятие едва более увлекательное, чем собирание разбитого в социальных и военных передрыгах — вдребезги. Но и в этом у нас накоплен огромный опыт. Разве не чудо — восстановление после войны разрушенного Петергофа?

* * *

Идущий от Петрарки и Ронсара классический сонет К. Р. посвящал солдатским досугам. В размерных октавах он воспевал не только музыку парков-дубрав, но и невзрачно болотистые

окрестности города. И все-таки неожиданностью было освоение поэтом-академиком такой демократической формы, как романтическая песня, приведший к созданию самого популярного произведения К. Р.:

Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...
Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.

Невероятно, но «Бедняга», став народной песней, бытовал по всей стране, да и ныне еще полностью не ушел из народного песенного репертуара

Когда зародилась синема,— сюжет, мелодия, да и слова К. Р. были использованы для создания двух-трех кинолент. Они с успехом показывались в Москве, Питере, Киеве, провинциальных городах.

Песня-находка явилась для К. Р. несомненным примером удачи в этой области. Граммофонные пластинки разнесли песню вместе с эмигрантами и беженцами по миру. Даже после второй мировой войны у нас калеки и нищие пели ее на базарах, волжских пристанях и по вагонам. Последний классик русской литературы Леонид Максимович Леонов не раз говорил мне, что «Беднягу» по популярности в народе можно сравнить только с «Гибелью «Варяга»,— время не властно над строфами, запечатлевшимися в народной душе.

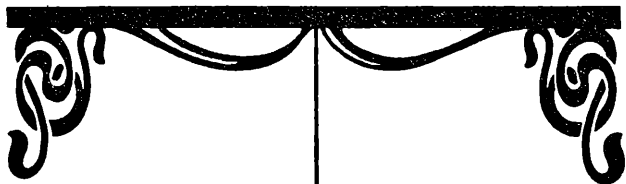
Жизнь и творчество поэта-академика — страница из истории культуры, которую нет необходимости пропускать и приbedнять-ся,— ведь мы идем навстречу к новому столетию.

* * *

Немного об экземплярах, по которым велась работа. Трехтомник К. Р. (Петроград, 1915) пришел в мою библиотеку из книжного собрания Александра Евгеньевича Грузинского, бессменного в начале столетия председателя Общества любителей российской словесности. Книга «Царь Иудейский» (издание четвертое) принадлежала Щепкиным, потомкам великого актера.

Поистине — книги имеют свою судьбу.

Евгений ОСЕТРОВ

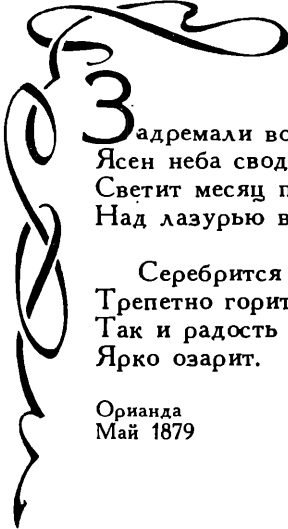

Из цикла «У берегов»

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

Орианда
Май 1879

ЗАТИШЬЕ

Голубые покоились волны,
Голубой свод небесный дремал...
В мертвом сне цепenea, безмолвный
Час томительный полдня настал.
Застывала, палима лучами,
Раскаленная почва земли,
Трепетала лишь чайка крылами
И вилась, и кружилась вдали...
Притупилися все ошущенья,
Все застыли волненья в груди,
И душа, забывая стремленья,
Ничего не ждала впереди.
Лишь испуганно, где-то глубоко
В задремавшем уме притаясь,
О минувшем мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась...

Афины
23 декабря 1882

Вы помните ль? Однажды, в дни былые,
К пруду мы с вами в полдень забрели,
В воде играли рыбки золотые
И белые кувшинчики цвели.

Мы на скамью уселись с вами рядом,
Рассеянно следя усталым взглядом
Игривый пестрых бабочек полет...
Над нами зеленел тенистый свод
И, липовым нас цветом осыпая,
Затейливую сетью рисовал
Узоры по песку; благоухая.

Куст алых роз вблизи нас расцветал...

И так тепло, и солнечно так было!
Без слов мы наслаждались тишиной,—
Но сердце все ж сжималось и ныло,
Как бы перед грозящею бедой.
И предвкушая будущие муки,
Душа, робея, торопилась жить,
Чтоб близость неминуемой разлуки,
Хоть на одно мгновенье, отдалить.

Афины
30 марта 1883

* * *

Умолкли рыдания бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась;
Опять выплывает луна из-за тучи,
Над гладью морской тишина разлилась.

В борьбе непрестанной с мятежною страстью
Опять побежден ненасытный недуг,
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух!

Красное Село
2 июля 1883

* * *

Затишье на́ море... За бурею строптивой
Настала мертвая, немая тишина:
Уж выбившись из сил, как вяло, так лениво,
Едва колышется усталая волна.

Затишье на́ сердце... Застыли звуки песен,
Тускнея, меркнет мысль, безмолвствуют уста,
Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен,—
В душе холодная такая пустота.

Но налетит гроза и дрогнут неба своды,
Заблещут молнии, и разразится гром,
И грозный ураган на дремлющие воды
Дохнет властительным, победным торжеством.

Так минет наконец пора дремоты косной,
Унылая душа воспрянет ото сна,
И снова грянет песнь моя победоносно,—
И потечет стихов созвучная волна!

Венеция
16 апреля 1885

* * *

Озеро светлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое
Над голубою волной!
О, если б сердце тревожное, бурное
Так же могло быть светло,
Как это озеро в утро лазурное,
Только что солнце взошло!

Фридрихсгафен
27 сентября 1887

У ОЗЕРА

М. Д. Давыдову

Усталый сын земли, в дни суетных забот,
Средь мелочных обид и светского волнения,
У озера в лесу ищу уединенья.

Не налюбуйшься прозрачной гладью вод:
В ней словно тайная есть сила притяженья.

Не оттого ль меня так к озеру влечет,
Что отражается в струях его порою
Вся глубина небес нетленною красою —
И звезд полуночных лучистый хоровод,
И утро ясное румяною зарею,
И светлых облаков воздушная семья?
Не оттого ль, что здесь, хоть и пленен землю,
К далеким небесам как будто ближе я?

Близ станции Белой
5 октября 1889

НА ИМАТРЕ

I

Ревет и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную, в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.

На берег скалистый влечет меня снова.
И любо, и страшно зараз:
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.

И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.

Весь ужаса полный, внимая, гляжу я,—
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушуя,
Кипят в вековечной борьбе.

10 мая 1890

II

Над пенистой, бурной пучиной
Стою на крутом берегу,
Мятежной люблюсь стремниной
И глаз оторвать не могу.

Нависшими стиснут скалами,
Клокочет поток и бурлит;
Сшибаются волны с волнами,
Дробясь о недвижный гранит.

И рвутся, и мечутся воды
Из камня гнетущих оков,
И молит немолчно свободы
Их вечный неистовый рев.

О, если б занять этой силы,
И твердости здесь почерпнуть,
Чтоб смело свершать до могилы
Неведомый жизненный путь;

Чтоб с совестью чистой и ясной,
С открытым и светлым челом
Пробиться до цели прекрасной
В бореньи с неправдой и злом.

Иматра
5 августа 1907

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

I

И. А. Зеленому

Здесь не видно цветов, темный лес поредел,
Словно чарам земли здесь положен предел.
Над пустынной, песчаною гранью
Отдаешься здесь волн обаянью.

Глубь небесная, моря безбрежная даль,—
Разве может ничтожная сердца печаль
Обладать просветленной душою
Пред могучею ширью такую?

Сладко взором тонуть в глубине голубой,
Вольно дышится, мир забываешь земной,
Исчезает мгновенное горе,
Как та чайка в лазурном просторе.

Усть-Нарова
25 августа 1890

II

Барону К. Н. Корфу

Не вчера ли, о, море, вечерней порой
К берегам ты ласкалось лукавой волной?
В алом блеске зари не вчера ли
Небеса голубые сияли?

А сегодня косматой грядою валы,
В грозном беге крутятся у прибрежной скалы,
Бурно рвутся на приступ могучий,
Обгоняя свинцовые тучи.

В битве жизни не так ли и ты, человек,
Терпишь зол и гонений мятежный набег?
Но не вечны страданья и беды:
Ты дождешься над ними победы.

Верь, улягутся волны и завтра опять
Будут берег любовно и нежно ласкать,
Просветлеют небесные дали,
И рассеются сердца печали.

Вайвара
28 августа 1890

III

Ты безмолвно, затихшее море,
Ты безбрежен, привольный простор.
Как от шумного, тесного света
Здесь и слух отдыхает, и взор!

Но надолго ли это затишье,
И всегда ли ясна эта даль?
Как и в сердце, живут, чередуясь,
В мире радость и злая печаль.

Миг — и море взревет, даль померкнет,
Волны яростно ринутся в бой,
И под черною тучей белея
Крылья чайки заспорят с грозой.

Ты не та же ли чайка, о, сердце?
Долго ль тишью пленяться тебе?
Грянет гром, разбушуется буря —
Будь готово к отважной борьбе.

Стрельна
19 июня 1902

ЭЛЕГИИ

I

Орианда

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья.

Тогда еще был цел наш милый дом.
Широко сад разросся благовонный
Средь диких скал на берегу морском;
Под портиком фонтан неугомонный
Во мраморный струился водоем,
Прохладой в зной лаская полуденный,
И виноград, вясь между колонн,
Как занавескою скрывал балкон.

А ныне я брожу среди развалин:
Обрушился балкон; фонтан разбит;
Обломками пол каменный завален;
Цветы пробилась между звонких плит;
Глицинией, беспомощно печален,
Зарос колонн развечанных гранит;
И мирт, и лавр, и кипарис угрюмый
Вечнозеленою объаты думой.

Побеги роз мне преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь.

Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вдохнуть
Так много прелести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирился я плененною душой.

Орианда — Вильдунген
10 августа 1908

II

Осташево

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пенек:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за дерев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный, суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый, светлый березняк

С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.

Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаше ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алеет мухомор
И белый гриб украдкой дразнит взор.

Другой овраг. Вот мост желтеет новый.
С него взберусь опять на холм другой,
И прихожу, минуя бор сосновый,
К ответному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот крутой,
Простор, и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.

А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом,
Двумя рядами окон и балконом.
— Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.
Уж огонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.

Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина, и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,

Твердя, что слишком скоро дни бегут...
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

Осташево
20 августа 1910

III

В Крым

Княгине Э. Н. Юсуповой

Навстречу птицам перелетным
На дальний юг стремились мы
Из царства северной зимы
К весны пределам беззаботным.

Небес полдневных глубины
Чем дальше, тем ясней синели;
Алмазней звезды пламенели
Среди полнотной тишины.

И все обильнее цветами,
Благоуханьем и теплом
Весна дарила с каждым днем,
Лаская нежными лучами.

Пустынных гор последний кряж
Нас отделял еще от цели;
Вдали ворота зачернели,
Все ближе, ближе... О, когда ж!

Мы трепетно переступали
Порог скалистый... Наконец!..
В нас сердце замерло... Творец!
Не сон ли это, не мечта ли?

У наших ног обрыв крутой,
А впереди — неизмеримый,
Безбрежный, необозримый,
Лазоревый простор морской.

Неописуемое море,
Лицом к лицу перед тобой,
Пред этой дивной красотой
Не всякое ль забудешь горе!

Корениз
27 апреля 1911

IV

Из Крыма

Баронессе Н. Ф. Майендорф

Необъятное южное море,
Млея в золоте жарких лучей,
Ты надолго сокроешься вскоре
Из плененных тобою очей.

К морю севера путь мой, к печальным
Побережьям туманов и бурь;
И объемлю я взором прощальным
Беспредельную даль и лазурь.

За скалистой исчезла горою
Бирюзовая гладь... О, прощай,
Зачарованный вешней порою
Благодатный полуденный край!

Не видать уж лиловых глициний,
Кипарисов, повитых плющом,
По горам стройных кедров и пиний,
И фиалок над звонким ключом.

Но мой север, мой край полуночный
Мне сулит вместо лавров и роз
Милых ландышей цвет непорочный
И душистую свежесть берез.

И спешу я от знойной и темной
Красоты пышнозвездных ночей
В край родной, где заря в неге томной
Во всю ночь не смыкает очей.

Павловск
21 мая 1911

Из цикла «Библейские песни»

ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О, царь, скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!

О, царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется,—
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О, царь, и торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Татой (близ Афин)
Сентябрь 1881

ЦАРЬ САУЛ

Душа изнывает моя и тоскует,—
О, пой же мне, отрок мой, песню твою:
Пусть звуки ее мою скорбь уврачают,—
Я так твои песни святые люблю!

Гнетут меня злобного духа объятья,
Опять овладело уныние мной,
И страшные вновь изрыгают проклятья
Уста мои вместо молитвы святой.

Томлюся я, гневом пылая, и стражду;
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей... Крови я жажду,
И тщетны усилия зло побороть.

Не раз, жалом немощи той уязвленный,
Тебя мог убить я в безумном бреду.
О, пой же! Быть может, тобой исцеленный,
Рыдая, к тебе я на грудь упаду!..

Петербург
15 мая 1884

ЛЕГЕНДА ПРО МЕРТВОЕ МОРЕ

В знойной степи, у истока священной реки Иордана,
В каменных сжато объятиях скал, раскаленных полуднем,
Чудно синяя, безмолвно покоится Мертвое море.
Мрачной пустыни бесплодная почва безжизненна, скудна.
Издали волн заколдованных гладь голубую завидев,
В ужасе зверь убегает; пугливо небесные птицы
С жалобным криком спешат улететь от проклятого места;
Змеи одни обитают в глубоких расщелинах камней;
Лишь бедуин одинокий, копьем тростниковым махая,
Быстрым конем уносимый, промчится песчаным побережьем.
Тайны зловещей печать тяготит над страной забвенья.
Древнее ходит сказанье про это пустынное море:
Лишь только звезды золотые зажгутся в безоблачном небе,
Тьмою огней отражаясь в заснувших лазоревых волнах,
Лишь в вышину голубую серебряный выплывет месяц,—
Вдруг просветляется влажное лоно прозрачной пучины;
Сноп белоснежных лучей всю глубокую бездну морскую
С глади незыблемой вод и до самого дна пронизает.
Там, в глубине, озаренные блеском полночного неба,
Груды развалин толпятся в безжизненном древнем величье;
Словно как трупы недвижимые, в мертвенном сне цепenea,
Эти обломки морское песочное дно покрывают...
— Это Содом и Гоморра... Господь их порочное племя
В оные дни покарал за великие, тяжкие вины.
Долготерпенья превичного Бога исполнилась мера:
Огненный дождь ниспослал Он на царство греха и
разврата:
Недра земные разверзлись и те города поглотили;
Бездну провала залили морские соленые воды...
Там, где был край многолюдный, подобно великой могиле,
Ныне, синяя, безмолвно покоится Мертвое море.

Палермо
15 февраля 1882

СФИНКС

В знойной пустыне веками покоится сфинкс полногрудый,
Гордо главу приподняв и очей неподвижные взоры
В даль устремив беспредельную... Только песчаные гряды
Всюду вокруг разостлалися в необозримом просторе...
— Кем ты воздвигнут, незыблемый страж раскаленной
пустыни?

Кто твои мощные члены изваял рукой безыскусной?
Что за значение придал твоей он недвижной твердыне?
И отчего улыбаешься ты так загадочно-грустно?
Древнее ходит сказанье о том, как в Египет бежала
Божия Матерь с Младенцем Божественным из Палестины.
Был утомителен путь. С голубой вышины обливало
Знойное солнце лучами поверхность песчаной равнины.
Между гранитными лапами сфинкса Она приютилась;
Идол, своими объятьями тень расстилая над Нею,
Зной умерял нестерпимый. И вот незаметно спустилась
Тихая звездная ночь, безмятежно, спокойно синяя.
Сладостным сном позабылася Мать у подножья кумира,
И на руках у Нея Искупитель покоился мира...
Сфинкс ощутил неземного Создания прикосновение,
И улыбнулся он, тайну пытаясь постичь искупленья...
Не оттого ли, поведай, пустыни жилец одинокий,
Не оттого ли еще до сих пор отпечаток глубокий
Той неразгаданной тайны твои сохраняют черты,
И через много веков еще все улыбаешься ты?

Афины
9 января 1883

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

I

И А Зеленому

...Сѣ стою при двѣрехъ и толкѹ:
аше кто оуслышитъ гласъ мой, и
отвѣрзеть двѣри, внидѹ къ немѹ,
и вечераю съ нимъ, и той мною.

III 20

Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня в келью свою!
Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь и далек.
Скитаюсь Я по миру беден и нищ,
Стучуся у многих жилищ:
Кто глас Мой услышит, кто дверь отопрет,
К себе кто Меня призовет,—
К тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе,—
Я силы прибавлю тебе;
Ты плачешь,— последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять...
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою!

Усть-Нарова
Август 1883

II

Я новое небо и новую землю увидел...
Пространство далекое прежних небес миновало,
И прежней земли преходящей и тленной не стало,
И моря уж нет... Новый город священный я видел,
От Бога сходящий в великом, безбрежном просторе,
Подобный невесте молодой в подвенечном уборе,
Невесте прекрасной, готовой супруга принять.

«Се скиния Бога с людьми. Обитать
«Здесь с ними Он будет». — Я слышал слова
громовые:

«Сам Бог будет Богом в народе Своем,
«И всякую с глаз их слезу Он отрет. И земные
«Печали исчезнут. В том граде святом
«Не будет ни плача, ни вопля, ни горьких стенаний,
«Не будет болезни, ни скорби, ни тяжких страданий,
«И смерти не будет. Таков Мой обет;
«Прошло все, что было, и прежнего нет».

Петербург
6 марта 1884

ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ

Сѣ женихъ градѣтъ въ полѹноши,
и блаженъ рабъ, егѡже шбращеть
бдаша: недостѡинъ же паки, егѡже
шбращеть оунываюша.

Тропарь

Они засветили лампы свои;
На встречу они Жениху поднялися толпою
На радостный праздник любви.
Их пять было мудрых и пять неразумных.

Уж тьмою

Бесчисленных звезд небеса заблестали,—
Но медлил Жених. Долго девы прождали;
Уж сон безмятежный спустился на них,
И дремой смежились усталые очи.

Внезапно в немой тишине полуночи

Послышался клик: «Се Жених
«Грядет! Исходите на встречу!» И девы восстали,
Спеша полуночный исполнить обряд.

Елеем пять мудрых лампы свои напитали,

И так неразумные им говорят:

«Мы не взяли, сестры, елея с собою,

«Светильников пламень угас,

«И ныне мы к вам приступаем с мольбою,

«Елея мы просим у вас».

Им мудрые молвят в ответ: «Хоть помочь мы и рады,
«Но только ни вам неостанет, ни нам на лампы;

«Купить у торгующих вы бы могли».

И вот к продающим спешат неразумные девы...

Тогда раздалися веселья напевы:

Жених приближался. С Ним вместе вошли

Пять мудрых на свадебный пир со своими
Лампадами. И затворилися двери за ними.

И прочие девы к закрытым дверям

Вернулись. Стеная и плача, они восклицали:

«Отверзи, о, Господи, Господи, нам!»
И слышат в ответ в неутешной печали
Они Жениха уккоризненный глас:
«Аминь, говорю вам, не ведаю вас!»

Красное Село
11 июля 1884

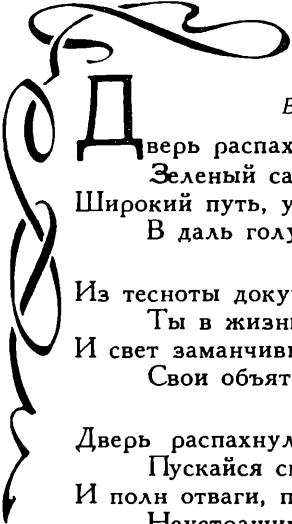
Из цикла
«Послания и стихотворения
на разные случаи»

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ:

I

Великому Князю Георгию Михайловичу

Дверь распахнулась... Облитый лучами
Зеленый сад благоухал;
Широкий путь, усеянный цветами,
В даль голубую убежал.

Из тесноты докучливой и душевной
Ты в жизнь привольную вступил,
И свет заманчивый тебе радушно
Свои объятия раскрыл.

Дверь распахнулась... С Богом, отрок милый,
Пускайся смело в дальний путь
И полн отваги, полн надежд и силы
Неустршим и крепок будь!

Красное Село
11 августа 1883

II

Великому Князю Александру Михайловичу

Что корабль под всеми парусами,
Гавань тихую забыв,
Уносимый буйными ветрами
Мчится смел и горделив
В голубом потешиться просторе
С прихотливою волной,—
Ты стремишься в жизненное море,
Увлекаемый судьбой.
В добрый час! Не бойся урагана,
Перед бурей не робей,
Не страшись ни мели, ни тумана,
Ни обманчивых зыбей!
Смелым Бог владеет: полон силы,
Полн отваги юной будь,
Не бросай надежного кормила
И держи прямее путь.
Чист душой стремись неустрашимо
Полон веры в подвиг свой
И борись, борись неутомимо
С бурной жизненной волной!

Мраморный дворец

1 апреля 1886

А. Н. МАЙКОВУ

I

В ответ на его письмо с новыми стихотворениями

Опять твое раздалось пение,
Опять звучит нам песнь твоя!
К ней, очарован, в восхищенье
Опять прислушиваюсь я.

Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призыв,
И, словно крылья расправляя,
Вмиг вострепнувшись и ожив,

Душа и просится, и рвется
В те неземные высоты,
Откуда голос твой несется,
Туда, откуда манишь ты.

О, пой нам! Пой не умолкая
С той высоты, чтоб и опять
Я в этой дивной песне рая
Мог вдохновенье почерпать.

Мраморный дворец
23 февраля 1887

II

**На пятидесятилетие его писательской деятельности
30 апреля 1888**

Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты черни ветреной в угоду
Себе, певец, не изменял,
Свою священную свободу
Страстям толпы не подчинял;

Ты пел в течение полвека,
Бессмертья лаврами увит,
Ту песнь, что́ душу человека
И возвышает, и живит.

О, если б струны эти пели
Нам долго, долго твой завет,
Как несравненной должен цели
Быть верен истинный поэт!

Мраморный дворец

А. А. ФЕТУ

I

Отважно пройдена дорога,
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в Бога,
Свершил высокий подвиг свой.

И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть путеводною звездю
Сияет вера мне твоя.

А ты, испытанный годами,
Не унывающий боец,
Ты, убеленный сединами,
Венчанный славою певец,

Меня, возвращенного судьбою
В цветах, и счастье, и любви,
Своей дряхлеющей рукою
На трудный путь благослови.

Мраморный дворец
29 марта 1887

II

На пятидесятилетие его писательской деятельности
28 января 1889

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты в душевной глубине:
Не выразить словами их значенья,
Неведомы таятся в нас оне.

Ты понял их: ты вылил в пенопенье
Те звуки, что в безгласной тишине
Пленяют нас, те смутные виденья,
Что грезятся лишь в мимолетном сне.

Могучей силой творческого духа
Постигнув все неслышное для уха,
Ты угадал незримое для глаз.

И сами мы тех сердца струн не знали,
Что в сладостном восторге трепетали,
Когда, чаруя, песнь твоя лилась.

Мраморный дворец
25 января 1889

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

На пятидесятилетие
его писательской деятельности
10 апреля 1887

Незабвенных поэтов бессмертную лиру
Унаследовал ты, о, певец!
Ты ревниво и свято сберег ее миру
И стяжал себе славы венец.

В чутких струнах будила волшебные звуки
Вдохновенная песня твоя,
То врачую сердец сокровенные муки,
То веселье и радость лия.

Лишь во имя того, что светло и правдиво,
Что волнует восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.

И за то, что завет тех певцов незабвенных
Ты исполнил, трудясь и любя,
Никогда в песнопеньях твоих вдохновенных
Не забудет отчизна тебя.

Мраморный дворец

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ А. А. МОЙРА

Одной прекрасною душою
Меж нами менее опять,—
Она рассталася с землею,
Чтобы бессмертие приять.

Она из мира слез и тленья
Переселилася туда,
Где ждет ее упокоенье
От многой скорби и труда.

Но в небесах не позабудет
Она земной юдоли сей:
За нас, горюющих по ней,
Она молитвенницей будет.

Сарагосса
31 октября 1887

ВДОВЦУ

А. А. Цицовичу

Блеск и сиянье сменило ненастье,
Осень сгубила все наши цветы...
Где твое первое, светлое счастье?
Где молодые мечты?

Горе подкралось с той грозною тучей:
Льются дожди,— льются слезы твои;
Их проливаешь струею горячей
Ты о погибшей любви.

Плачь, и рыдай, и печалься, и сетуй!
Но да не молвят хулений уста;
С верой из мрака стремися ты к свету,
Бремя подъявля креста.

Минет зима... И цветы, и сиянье
С юной весною увидишь ты вновь:
Верь же в грядущую радость свиданья!
Верь, что воскреснет любовь!

Штадтгаген
(Княжество Шаумбург-Липпе)
28 ноября 1887

И. А. ГОНЧАРОВУ

Венчанный славою нетленной,
Бессмертных образов творец!
К тебе приблизиться смиренно
Дерзал неопытный певец.

Ты на него взглянул без гнева,
Своим величьем не гордясь,
И звукам робкого напева
Внимал задумчиво не раз.

Когда ж бывали песни спеты,
Его ты кротко поучал;
Ему художества заветы
И тайны вечные вещал.

И об одном лишь в умиленье
Он ныне просит у тебя:
Прими его благодаренье
Благословляя и любя!

Гатчина
31 декабря 1887

ЖЕНИХУ

На помолвку Великого Князя Павла Александровича

Ты томился всю ночь до рассвета,
Погруженный в тревожные сны;
Долго, долго прождал ты расцвета
И улыбки душистой весны.

Но настал этот день светозарный,
Солнце счастья взошло над тобой,
И за яркость весны благодарный,
Просиял ты расцветшей душой.

Весь в лучах, в этот миг просветленья,
В ослепительном блеске зари
Ты, чья жизнь — лишь твоей отраженье,
Ты любовью своей озари,

Чтоб на ней все яснее и жарче
Разгорался твой радостный свет,
Чтоб любви все пышнее и ярче
Распускался пленительный цвет!

Мраморный дворец
30 октября 1888

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ

На пятидесятилетие его музыкальной деятельности

Игры упоительной звуки текли.
Мы в нежном восторге внимали.
Все радости неба, все горе земли
Те звуки в себе отражали.

Пленять нас и трогать им было дано:
Пред ними стихали сомненья,
И было так много обид прощено
И пролито слез умиленья!

О, пусть нас уносит волшебной игрой
Туда, в те надзвездные дали,
Где нет ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

Павловск
17 ноября 1889

ГРАФУ П. Д. БУТУРЛИНУ

в ответ на его «Двенадцать сонетов»

Когда певучие твои звучат сонеты,
Мне мнится, что на миг взвились края завес,
Сокрывших славный век художества чудес,
Любовью к вечному, к прекрасному согретый.

О, как далек тот век! И где его поэты?
Где незабвенные избранники небес?
Не их ли дух, певец, в твоём стихе воскрес
За то, что набожно ты их хранишь заветы?

Не изменяй же им! Верь в светлый идеал,
Что, как звезда, тебе путь жизни осиял,
Звезда, какой была Лаура для Петрарки!

Люби, как он любил; как он, пой до конца,
Чтоб звучный, словно гром, и, словно молнья, яркий
Твой стих восторгами воспламенял сердца!

Контрксевиль
18 мая 1892

НА ДВУХСОТЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Среди полночных диких скал
При блеске северных сияний
Его томила жажда знаний
И свет науки привлекал.
Еще над русской землею
Невежества царила ночь,
И долго, долго превозмочь
Ее он силился мечтою.
Его пленяло с ранних пор
Величье северной природы:
Двины стремительные воды
И моря Белого простор,
И в необъятном океане
Плавающие громады льдин,
И блеск алмазный их вершин
В золото-пурпурном тумане,
И ночь, забывшая зимой
Про утра свет, про вечер ясный,
И беззакатный день прекрасный
Цветущей летнею порой.

Юношей, светлой надеждой манным,
Зимнею ночью, тайком,
С севером смело расставшись родимым,
Отчий покинул он дом.
Труден, пустынен был путь до столицы,
Долго он брел... И вдали
Стены зубчатые, башни, бойницы
Путника взор привлекли,
Встала Москва перед ним: золотые
Главы соборов горят,
Алой морозною мглой повитые
Высятся кровли палат.

Гулко разносится звон колокольный,
Словно пришьельца зовет.
Радостно внемля призыв богомольный,
Смело пошел он вперед.
Начал под эти гудящие звуки
Дальнего севера сын
Жадно умом погружаться в науки,
В тайну их вечных глубин.

Монастырский ученик
Много лет трудолюбиво
Черпал мыслью терпеливо
Вековую мудрость книг.
Из развенчанной столицы —
Белокаменной Москвы
К берегам реки Невы,
В город северной царицы
Был он вызван. И его
Отослали к иноземцам,
За рубеж, к ученым немцам,
Чтоб постигнуть существо
И искусства, и науки...
Он пытливостью своей
Превзошел учителей.
Там любви восторг и муки
Он впервые пережил.
Страсти творческой волненья
И усладу вдохновенья
Странник сердцем ощутил.
Испытал он много, много
И лишений, и забот,
И напастей, и невзгод;
Но идя прямой дорогой
И томясь в чужих краях,
Претерпел лихую долю

И рекрутскую неволю
В прусских воинских рядах.
После долгих лет скитанья,
Возвращаясь в край родной,
Из земли привез чужой
Он сокровища познания.

У престола сплотясь, в те года
Чужеземцы гнушались нами.
Весь отдался он жизни труда
И упорной борьбе со врагами.
Словно молотом тяжким ковал
Он певучее русское слово,
И стихами его зазвучал
Наш язык величаво и ново.
Он познал тяготенье миров,
В горных недрах металлов рождение.
Грозный ток молниеносных громов
И небесных созвездий течение.
В темный век свой всезрящим умом
Разгадал он средь тайн мироздания,
Что теперь лишь мы смело зовем
Достоянием наук и познания.

Горячий, в гневе страстный,
Любил он и душой
И сердцем свой прекрасный,
Свой милый край родной.
Надеждой окрыленный
Провидел он мечтой
Россию просвещенной,
Счастливою страной.
И мы любовью нежной
Покроем страстный пыл,
Который так мятежно
Всю жизнь его палил.

Тебя страна родная
Уж третий славит век,
Тебе хвалу слагая,
Великий человек.

Стрельна
8 сентября 1911

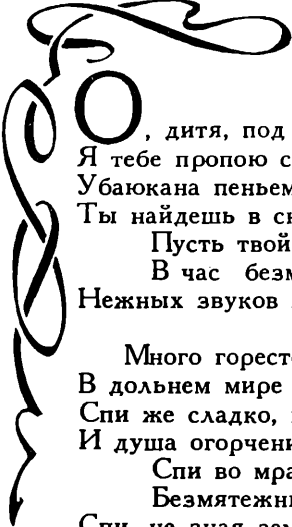

Из цикла «Мечты и думы»

СЕРЕНАДА

О, дитя, под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...
Убаюкана пеньем моим,
Ты найдешь в сновиденьях отраду;
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Много горестей, много невзгод
В дольном мире тебя ожидает;
Спи же сладко, пока нет забот,
И душа огорчений не знает,
Спи во мраке ночном
Безмятежным ты сном,
Спи, не зная земного страданья!

Пусть твой ангел-хранитель святой,
Милый друг, над тобою летает
И, лелея сон девственный твой,
Песню рая тебе напевает;

Этой песни святой
Отголосок живой
Да дарует тебе упованье!

Спи же, милая, спи, почивай
Под аккорды моей серенады!
Пусть приснится тебе светлый рай,
Преисполненный вечной отрады!
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Палермо
5 марта 1882

ТЫ ПОБЕДИЛ, ГАЛИЛЕЯНИН!

Сраженный стрелою парфянской, пал
Кесарь, отступник Христова учения;
В смертной тоске к небесам он воззвал:
«Ты победил, Галилеянин!»

Погиб Юлиан, враг Христова креста,
Церковь свободна от злого гонения.
Снова воскликнули верных уста:
«Ты победил, Галилеянин!»

Расторгнем же сети порока и зла,
К свету воспрянем из тьмы усыпления;
Вновь да раздастся и наша хвала:
«Ты победил, Галилеянин!»

Палермо
30 марта 1882

* * *

Опять снизошло на меня вдохновенье,
И звонкие струны рокочат опять:
Иль прежние снова вернулись волненья,
Иль снова я стану любить и страдать?

Нет, выдохлись старые, скучные песни,
Вы их от меня не услышите вновь.
Доныне дремавшая сила, воскресни!
Воскресни, проснися, иная любовь!

Любви безнадежной забота напрасна.
К чему тяготиться уныньем, тоской?
Взгляните, как жизнь хороша и прекрасна,
И сколько блаженства дано нам судьбой!

Гремите же, струны! Полна увлеченья,
В честь жизни раздайся, о, песня моя!
Забыв и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья!

Стрельна
12 июля 1882

* * *

Поймете ль вы те чудные мгновенья,
Когда нисходит в душу вдохновенье,
И зародившись, новой песни звук
В ней пробуждает столько тайных мук
И столько неземного восхищенья?
Те приступы восторженной любви,
Тот сокровенный творчества недуг —

Поймете ль вы?..

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души

Излил в свои стихотворенья...

Но если, бессознательно порою
Высокий долг поэта позабыв,
Пленялся я чарующей мечтою,
И звуков увлекал меня наплыв,—
Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голос тайный.
Что может ум без сердца сотворить?
Я не умею петь без увлеченья

И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!..

Стрельна
13 июля 1882

ОТДОХНИ

Отдохни, отдохни! Совершая
Утомительный жизненный путь,
Ты устала, моя дорогая!
Не пора ли тебе отдохнуть?

Среди всякого зла и гоненья,
Всякой злобы и желчи людской
Не нашла ты себе утешенья
В этой грустной юдоли земной.

Как волна беспокойного моря,
Без тревоги ты жить не могла:
Если б даже и не было горя,
Ты сама бы его создала!

Но взглядишь: в нашей жизни печальной
Разве нет и хороших сторон?
Ведь не все слышен звон погребальный,—
Раздается ж и радости звон.

Помирись же с судьбою суровой,
Горемычной земли не кляни
И, собираясь с силою новой,
Милый друг, отдохни, отдохни!

Стрельна
8 августа 1882

* * *

Уж гасли в комнатах огни...

Благоухали розы...

Мы сели на скамью в тени

Развесистой березы.

Мы были молоды с тобой!

Так счастливы мы были

Нас окружавшею весной;

Так горячо любили!

Двурогий месяц наводил

На нас свое сиянье:

Я ничего не говорил,

Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синих глаз твоих

Ты опускала взоры:

Красноречивей слов иных

Немые разговоры.

Чего не смел поверить я,

Что в сердце ты таила,

Все это песня соловья

За нас договорила.

Павловск

30 июля 1883

* * *

Принцессе Елизавете Саксен-Альтенбургской

Взошла луна... Полуночь просияла,
И среди немой, волшебной тишины
Песнь соловья так сладко зазвучала,
С лазоревой пролившись тишины.

Ты полюбила,— я любим тобою,
Возможно мне, о друг, тебя любить!
И ныне песнью я зальюсь такою,
Какую ты могла лишь вдохновить.

Стрельна
8 сентября 1883

РАЗЛУКА

Еще последнее объятье,
Еще последний взгляд немой,
Еще одно рукопожатье,—
И миг пронесся роковой...
Но не в минуту расставанья
Понятна нам вся полнота
И вся действительность страданья,
А лишь впоследствии, когда
В семье, среди родного круга,
Какой-нибудь один предмет
Напомнит милый образ друга
И скажет, что его уж нет.

Пока разлука приближалась,
Не верилось, что час пробьет;
Но что несбыточным казалось,
Теперь сознанию предстает

Со всею правдой, простотою
И очевидностью своей.
И вспоминается с тоскою
Вся горесть пережитых дней;
И время тяжкое разлуки
Так вяло тянется для нас,
И каждый день, и каждый час
Все большие приносят муки.

Стрельна
5 октября 1883

* * *

Принцессе Елизавете Саксен-Альтенбургской

Я засыпаю... Уж слабея и бледнея,
Сознание еле властно надо мной,
И все еще, как наяву, дрожа, немея,
Я вижу образ твой перед собой.

За мной смыкаются действительности двери,
Я сплю,— и в царстве призраков и снов
Ты мне являешься, пленительная пери,
И звуки ласковых я слышу слов.

Я просыпаюсь, полн волшебных впечатлений,
К тебе протягиваю руки я,—
Но расступились уже ночные тени,
Уж воцарилось сиянье дня.

И пронесли мимолетные виденья...
И целый день с томлением, с тоской
Я темной ночи жду,— жду грез и усыпленья,
Чтоб хоть во сне увидеться с тобой!

Мраморный дворец
9 октября 1883

* * *

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюся порою
Средь всяких дряг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.

Я говорил себе не раз:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри: не каждый ли из нас
Несовершенное созданье?
Мы жертвы слабые судьбы,
Проступки наши так понятны:
У розы даже есть шипы,
И есть на самом солнце пятна.
Но нет, пусть ум твердит свое!
Душа с рассудком не мирится,
И сердце бедное мое
Тоской и злобою томится.
И тщетно ищешь рифм и слов,
Зовешь напрасно вдохновенье,—
И раздраженный, в озлобленье
Я не могу писать стихов!

Дрезден
22 мая 1885

* * *

Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья
О жизни в гроб с собой не унесем;
Что смерть, прервав навек и радость, и страданья,
Нас усыпит забвенья тяжким сном.

Раскрывшись где-то там, ужель ослепнут очи,
И уши навсегда утратят слух?
И память о былом во тьме загробной ночи
Не сохранит освобожденный дух?

Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете,
И Моцарт Реквием свой разлюбил?

Не может быть! Нет, все, что свято и прекрасно,
Протившись с жизнью, мы переживем
И не забудем, нет! Но чисто, но бесстрастно
Возлюбим вновь, сливаясь с Божеством!

Штадттаген
24 мая 1885

* * *

Мне снилось, что солнце всходило,
Что птицы очнулись от сна
И стайей неслись легкокрылой
Поведать природе унылой,
Что скоро вернется весна!

Забыты снега и морозы,
Уж льды расторгает поток;
И вот — оживают березы,
Повеяло запахом розы,
И теплый пахнул ветерок...

То сном мимолетным лишь было,
Обманчивым призраком грез:
Нет, солнце еще не всходило,
И в мире царили уныло
И льды, и снега, и мороз!

И прежнего боле тоскуя,
Душа нетерпенья полна,
Я жду твоего поцелуя,
Дождаться тебя не могу я,
Весна, молодая весна!

Мраморный дворец
16 декабря 1885

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловск
4 сентября 1886

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Жених в полночи грядет!
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет,
И кто с лампадою возжженной
На брачный пир войдет за Ним?
В ком света тьма не поглотила?

О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила,
Моя молитва пред Тобой!
Я с безутешною тоскою
В слезах взираю издалека
И своего не смею ока
Возвесть к чертогу Твоему.
Где одеяние возьму?

О, Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду
Во дни святых Твоих Страстей!
Услышь, Господь, мои моления
И тайной вечера Твоей,
И всечестного омовенья
Прими причастника меня!

Врагам не выдам тайны я,
Вспомнить не дам Иуду
Тебе в лобзании моем,
Но за разбойником я буду
Перед Святым Твоим крестом
Зывать коленопреклонный:
О, помяни, Творец вселенной,
Меня во царствии Твоем!

Мраморный дворец
Страстная Среда 1887

В ДОЖДЬ

Великому Князю Сергею Александровичу

Дождь по листьям шелестит,
Зноем томящий сад
Жажду теперь утолит;
Слаще цветов аромат.

Друг, не страшись. Погляди:
Гроз не боятся цветы,
Чуя, как эти дожди
Нужны для их красоты.

С ними и я не боюсь:
Радость мы встретим опять...
Можно ль наш тесный союз
Жизненным грозам порвать?

Счастье не полно без слез;
Небо синей из-за туч,—
Лишь бы блистал среди гроз
Солнышка радостный луч.

Красное Село
4 июля 1888

* * *

О, не гляди мне в глаза так пытливо!
Друг, не заглядывай в душу мою,
Сияясь постигнуть все то, что ревниво,
Робко и бережно в ней я таю.

Есть непонятные чувства: словами
Выразить их не сумел бы язык;
Только и властны они так над нами
Тем, что их тайну никто не постиг.

О, не гневись же, когда пред тобою,
Очи потупив, уста я сомкну:
Прячет и небо за тучи порою
Чистой лазури своей глубину.

Красное Село
17 июля 1888

* * *

Принцу Петру Александровичу Ольденбургскому

Говорят мне: «Собою владеть ты умей,
«Научиться пора хладнокровью;
«Надо сдержанней быть; ты не мало людей
«Необдуманной сгубишь любовью...»

Но любовь удержать разве властна душа,
Как добычу орел в сильных лапах?
Нет, цветам, благовоньем весенним дыша,
Не сдержать упоительный запах!

Коль любить, так безумствуя в страсти слепой,
В этом бреде бессилен рассудок...
Знать ли солнцу, что им с вышины голубой
Спалена красота незабудок?

Красное Село
19 июля 1888

* * *

Любовью ль сердце разгорится,—
О, не гаси ее огня!
Не им ли жизнь твоя живится,
Как светом солнца яркость дня?
Люби безмерно, беззаветно,
Всей полнотой душевных сил,
Хотя б любовью ответной
Тебе никто не отплатил.
Пусть говорят: как все в творенье,
С тобой умрет твоя любовь,—
Не верь во лживое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,
Угаснет в срок определенный
Наш мир, а с ним и тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возжженный,
Пребудет в вечности веков.

Павловск
10 октября 1889

* * *

П. И. Чайковскому

О, люди, вы часто меня язвили так больно,
Слезы не редко мои с досады текли,
И все-таки вас люблю я невольно,
О, бедные дети земли!

Виновники скорби своей, творите вы злое,
Множа печаль на земле неправдой своей,
Но, если поздней скорбите вы вдвое,
Мне жаль вас, как малых детей.

И как от души не простить задора ребенка,
Коль не под силу ему свой гнев затаить?
Хоть больно его колотит ручонка,
Но можно ль дитя не любить!

Павловск
24 октября 1889

В ДЕТСКОЙ

Князю Гавриилу Константиновичу

Крошка, слезы твои так и льются ручьем
И прозрачным сверкают в глазах жемчугом.
Верно, няня тебя в сад гулять не ведет?
Погляди-ка в окно: видишь, дождик идет.
Как и ты, словно плачет развесистый сад,
Изумрудные капли на листьях дрожат.
Полно, милый, не плачь и про горе забудь!
Ты головку закинь: я и в шейку, и в грудь
Зацелую тебя. Слезы в глазках твоих
Голубых не успеют и высохнуть, в них
Уж веселье блеснет; в пухлых щечках опять
Будут взор мой две мягкие ямки пленять;
И зальешься ты хохотом звонким таким,
Что и сам небосвод синим оком своим
Засияет тебе из-за сумрачных туч,
И сквозь капли дождя брызнет солнышка луч.

Павловск
4 ноября 1889

В РАЗЛУКЕ

Великой Княгине Елизавете Маврикиевне

В тени дубов приветливой семьею
Вновь собрались за чайным мы столом.
Над чашками прозрачною струею
Душистый пар нас обдавал теплом.

Все было здесь знакомо и привычно,
Кругом все те же милые черты.
Казалось мне: походкою обычной
Вот-вот пойдешь и сядешь с нами ты.

Но вспомнил я, что ты теперь далеко
И что не скоро вновь вернешься к нам
Подругою моей голубоокой
За чайный стол к развесистым дубам!

Павловск
29 июня 1890

* * *

О, как люблю я этот сад тенистый!
Со мною здесь лишь птицы да цветы.
Беспечно я вдыхаю воздух чистый
Здесь, вдалеке от светской суеты.

Как я им рад, певцам крылатым неба,
Когда, слетясь доверчивой семьей,
Клюют они, порхая, крошки хлеба,
Что любящей им сыплю я рукой!

А вы, питомцы северного лета,—
Цветы мои,— я каждого из вас,
Лишь расцветет, улыбкою привета
Люблю встречать, счастливый всякий раз.

О, милый сад, приют отдохновенья,
Приветливой и мирной простоты!
Ты мне даришь часы уединенья,—
Со мною здесь лишь птицы да цветы.

Красное Село
19 июня 1893

* * *

Княгине С. Н. Голицыной

Родного севера картина:
Полей зеленых предо мной
Необозримая равнина
И церковь Божья над рекой.

Кругом, что ни обнимут взоры,
Жилья далеко не видать;
Луга, овраги, лес да горы,
Простор, раздолье,— благодать!

Как веют на сердце целебно
И этот мир, и тишина!
И песнью радостно хвалебной
Опять душа моя полна.

Стрельна
25 мая 1899

* * *

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Красное Село
10 июня 1899

* * *

Бывают светлые мгновенья:
Земля так несравненно хороша!
И неземного восхищенья
Полна душа.

Творцу миров благоуханье
Несет цветок, и птица песнь дарит:
Создателя Его создание
Благодарит.

О, если б воедино слиться
С цветком и птицею, и всей землей,
И с ними, как они, молиться
Одной мольбой;

Без слов, без думы, без прошенья
В восторге трепетном душой гореть
И в жизнерадостном забвенья
Благоговеть!

Стрельна
2 июля 1902

* * *

Угасло дитя наше бедное
В расцвете младенческих дней;
Все грезится личико бледное
Мне милой малютки моей.

Черты ее детски прекрасные
Не детскую думу таят,
А светлые, чистые, ясные
Смежились очи; их взгляд

Со строгостью, с грустью блаженною
Как будто во внутрь устремлен,
Лазурь созерцая нетленную
И ангельских сил легион.

Над гробом малютки склоненные,
На милые глядя черты,
Горюем мы, тайной плененные
Небесной ее красоты;

И плачем, бояся рыданьями
Смутить этот сон гробовой,
Стяжавшей земными страданьями
Бессмертия вечный покой.

Павловск
10 марта 1906

* * *

Блаженны мы, когда идем
Отважно, твердою стопою
С неунывающей душою
Тернистым жизненным путем;

Когда лукавые сомненья
Не подрывают веры в нас,
Когда соблазна горький час
И неизбежные паденья

Нам не преграда на пути,
И мы, восстав, прах отряхая,
К вратам неведомого края
Готовы бодро вновь идти;

Когда не только дел и слова,
Но даже мыслей чистоту
Мы возведем на высоту,
Все отрешаясь от земного;

Когда к Создателю, как дым
Каильный, возносясь душою,
Неутомимую борьбою
Себя самих мы победим.

Иматра
1 августа 1907

* * *

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышали дело, мысль и речь!

Но силы мрачные не дремлют,
И тучи — дети гроз и бурь —
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядною объемлют.

Как пламень солнечных лучей
На небе тучи заслоняют —
В нас образ Божий затемняют
Зло дел, ложь мыслей и речей.

Но смолкнут грозы, стихнут бури,
И — всепрощения привет —
Опять заблещет солнца свет
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совесть соблюдаем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

Стрельна
21 августа 1907

Из цикла «Времена года»

* * *

Повеяло черемухой,
Проснулся соловей,
Уж песнью заливаётся
Он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздаётся песнь моя
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть все им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

Красное Село
20 июня 1884

СИРЕНЬ

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манит кистями:
О, выйди! Опять любоваться мы ей
Восхищенными будем глазами.

Смотри: гнутся ветви все в пышном цвету,—
Как обильны они и пушисты!
Не долго глядеть нам на их красоту
И вдыхать этот запах душистый.

Весна промелькнет словно шаткая тень,
Как во сне пронесется крылатом...
Скорей! Наглядимся ж на эту сирень
И упьемся ее ароматом.

Красное Село
6 июня 1888

* * *

Вчера соловьи голосистые
Запели порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во сне меж собой.

С зарею встречаясь малиновой,
Другая заря занялась...
С тобою за рощей осиновою
В полночный мы встретились час.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я, сладкой объятый истомою,
Не мог любоваться тобой.

Любуясь той ночью единою,
Я молча и млея, и дрожал;
За песнью следя соловьиною,
Я тополей запах вдыхал.

О, вешняя ночь благовонная!
Я понял волшебный твой свет:
Земля, в это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвет.

Красное Село
8 июня 1888

ЛЕТОМ

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садов
Уж не качались опухала
Благоухающих цветов.

По длинным жердям хмель зеленый
Вился высокою стеной,
И рдели пышные пионы,
Нагнувшись низко над травой.

Гляделись звезды золотые
В струи прозрачные реки,
И словно очи голубые
Во ржи синели васильки.

Мы дождались середины лета,
Но вешних дней мне было жаль,
И с этой радостью расцвета
Прокралась в душу мне печаль.

Лишиться вновь мне страшно стало
Всего, чем жизнь так хороша,
Чего так долго сердце ждало,
Чего так жаждала душа!

Красное Село
14 июля 1888

С. А. Философовой

Я нарву вам цветов к именинам,
Много пестрых, пахучих цветов:
И шиповнику с нежным жасмином,
И широких кленовых листов.
Подымуся я ранней порою,
Заберуся в густую траву
И, обрызганных свежей росой,
Вам лиловых фиалок нарву.
Побегу я в наш садик тенистый
И по всем буду шарить кустам:
Есть у нас и горошек душистый,
И гвоздика махровая там;
Камыши берега облепили,
Отражаясь в зеркальном пруде,
Белоснежные чашечки лилий
Распустились в прозрачной воде.
Я в широкое сбегаю поле,
Где волнуется нива кругом,
Где хлеба дозревают на воле,
Наливается колос зерном;
Где кружится рой пчел золотистый,
Копшатся проворно жуки,
Где, пестрея во ржи колосистой,
С алым маком цветут васильки.
Я обеими буду руками
И цветы, и колосья срывать
И со всеми своими цветами
Вас скорей побегу поздравлять.

Стрельна
28 августа 1884

* * *

Как жаль, что розы отцветают!
Цветов все меньше по садам,
Уж дни заметно убывают,
И звезды ярче по ночам.

Жасмин отцвел, сирень увяла,
Давно нет ландышей нигде,
Один шиповник запоздалый
Еще алеет кое-где.
Уж сено убрано; долины
Лиловым вереском полны;
Уж спеют ягоды рябины,
Уж листья желтые видны...

Мы и заметить не успели,
Как осень скучная пришла,
Как пронеслися те недели
Весны, и солнца, и тепла,
Как миновало наше лето,
А с ним и все его цветы,
И все благоуханье это,
Весь этот праздник красоты!

Красное Село
3 августа 1885

* * *

Смеркалось; мы в саду сидели,
Свеча горела на столе.
Уж в небе звезды заблестели,
Уж смолкли песни на селе...
Кусты смородины кивали
Кистями спелых ягод нам,
И грустно астры доцветали,
В траве пестрея здесь и там.
Между акаций и малины
Цвел мак махровый над прудом,
И горделиво георгины
Качались в сумраке ночном.
Тут и березы с тополями
Росли, и дуб, и клен, и вяз,
И ветви с зрелыми плодами
Клонила яблоня на нас;
Трещал кузнечик голосистый
В кусте осыпавшихся роз...

Под этой яблоней тенистой
В уме столпилось столько грез
И столько радужных мечтаний,
Живых надежд, волшебных снов
И дорогих воспоминаний
Былых, счастливейших годов!

Сад задремал; уже стемнело,
И воцарилась тишина...
Свеча давно уж догорела,
Всходила полная луна,—
А мы... мы все в саду сидели,
Нам не хотелось уходить!
Лишь поздней ночью еле-еле
Могли домой нас заманить.

Мыза Смерди
15 августа 1885

* * *

Улыбкою утра пригретые снова,
В лесную мы прячемся тень.
Казалось, зима разлучить нас готова,—
Вдруг теплый один еще день.

Осенней красою любуются взоры,
И радость в душе и печаль:
Нас радужно-пестрые тешат узоры,
И листьев опавших нам жаль.

И сердце о крае незримом мечтает,
Где вечер не ведает тьмы,
Где осени гүбящей лето не знает
И где не расстанемся мы.

Павловск
21 сентября 1889

ЕЛИ

Когда листы, поблекнув, облетели,
И сном зимы забылось все в лесу,
Одни лишь вы, задумчивые ели,
Храните прежнюю красу.

И словно шепчете вы с тихой грустью:
«Спи, темный лес! Уснуло все кругом;
«Струи ручьев, в живом стремлении к устью,
«Застыли, скованные льдом;

«Мороз дохнул; метель спугнула стаю
«Жильцов твоих осиротелых гнезд,
«И песнь ее к иному рвется краю,
«Где ярче блеск полночных звезд;

«Охваченный дремотой непробудной,
«Ты изнемог под саваном зимы...
«Нам не вздремнуть: одеждой изумрудной
«Всегда равно пленяем мы.

«Но минут дни, и сон стряхнувши зимний,
«Ты зацветешь, взломают лед ручьи,
«И прилетят под кров гостеприимный
«Певцы крылатые твои.

«Пускай тогда ты юною красою
«Затмишь, о, лес, печальный наш наряд:
«Твоих ветвей объятья нас от зною
«Листвой душистой защитят».

Павловск
21 октября 1889

* * *

Красу земли сгубил жестокий
К зиме от лета переход,
И полн лишь неба свод глубокий
Неувядаемых красот.

Грустят цветы в саду печальном,
Им ароматом не дохнуть;
Но взор поднимешь; в небе дальном
Все так же ярк Млечный Путь.

Здесь все так тускло и ненастно,
Лесов осыпался наряд,
А звезды неба так же ясно
В лучах немеркнущих горят.

Пусть влажной мглой и туч клубами
Лазурь небес заволокло:
Мы знаем, там, за облаками,
Всегда и пышно, и светло!

Павловск
27 октября 1889

* * *

Зарумянились клен и рябина,
Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина,
Что спалит ее первый мороз.

Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотят
И, последние дни доживая,
Сохраняют зеленый наряд.

И, пока не наваяло снега
Ледяное дыханье зимы,
Нас томит непонятная нега,
И печально любимся мы.

Но промчалось лето с весною,
Вот и осени дни сочтены...
Ах, уж скоро мы с этой красою
Распростимся до новой весны!

Павловск
Осень 1897

* * *

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.

Давно скосили за рекой
Широкий луг, и сжаты нивы.
Роня листья, над водой
Грустят задумчивые ивы.

В красе нетронутой своей
Лишь озимь зеленеет пышно,
Дразня подобьем вешних дней...
— Зима, зима ползет неслышно!

Как знать. Невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без бою;

И с тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, с улыбкой ясной
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежную зимой!

Козельский уезд
1 октября 1901

ЗИМОЙ

О, тишина
Глуши безмолвной, безмятежной!
О, белизна
Лугов под пеленою снежной!

О, чистота
Прозрачных струй обледенелых!
О, красота
Рощ и лесов заиндевелых!

Как хороша
Зимы чарующая греза!
Усни, душа,
Как спят сугробы, пруд, береза...

Сумей понять
Природы строгое бесстрастье:
В нем — благодать,
Земное истинное счастье.

Светлей снегов
Твои да будут сновиденья
И чище льдов
Порывы сердца и стремленья.

У ней учись,
У зимней скудости прелестной,
И облекись
Красою духа бестелесной.

Павловск
18 марта 1906

ЛАНДЫШИ

Если ландыша листья средь жаркого лета
Мне в тени попадутся лесной,
Я не вижу на них благовонного цвета,
Облетевшего ранней весной.

Затаенною грустью и радостью ясной
Сердце сладко занует в груди:
Много счастья изведено в жизни прекрасной,
Мне не знать уж весны впереди.

Пусть земле возвращает она ежегодно
Белоснежного ландыша цвет,—
Призрак старости манит рукою холодной:
Юным дням повторения нет.

Но не жаль мне покинуть земное жилище:
Там, в неведомой сердцу дали
Расцветают красы и светлее, и чище
Милых ландышей бедной земли.

Либенштейн
3 июля 1909

ВРЕМЕНА ГОДА

Совет

О, радость утра ясного весной!
Ты ласточек навеяна крылами.
Вы, незабудки, споря с небесами,
Так празднично убрались бирюзой.

О, летний день! Сияя над землей,
Ты теплыми даришь ее лучами
И мака знойными во ржи цветами
И жаворонка песне заливной.

О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлет зарей прощальной.

О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной
И лунный свет, и глушь, и немота...

Симбирск — Москва
28 октября 1910

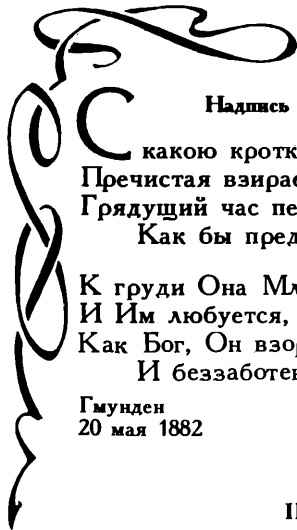

Из цикла «На чужбине»

ВЕНЕЦИЯ

I

Надпись к картине

С какую кроткостью и скорбью нежной
Пречистая взирает с полотна!
Грядущий час печали неизбежной
Как бы предчувствует Она!

К груди Она Младенца прижимает
И Им любуется, о Нем грустя...
Как Бог, Он взором вечность пронизает
И беззаботен, как дитя!

Гмунден
20 мая 1882

II

Баркарола

Плыви, моя гондола,
Озарена луной,
Раздайся, баркарола,
Над сонною волной.

Настроена гитара:
О, друг, я в честь твою
Всего земного шара
Все песни пропою!
Смотри, уж на Пьяццетте
Потушены огни,
При ярком лунном свете
С тобою мы одни.
Замолкли серенады,
И ставни заперты,—
Среди ночной прохлады
Не спим лишь я да ты.
До Лидо не далеко,
Мы быстро доплывем;
Там море так широко
Раскинулось кругом;
Там месяц волны любит:
Смотри, как с вышины
Лучами он голубит
Морские глубины.
Там, в голубом просторе,
В лазоревой дали
Забудем мы и горе,
И бедствия земли.
Пусть звуки поцелуя
Подслушает волна,
И, как тебя люблю я,
Пусть подглядит луна!

Гмунден
24 мая 1882

III

Мост вздохов

Под мостом вздохов проплывала
Гондола позднею порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.
Зачем таинственной сенью
Навис так мрачно этот свод?
Зачем такой зловещей тенью
Под этим мостом обдаёт?
Как много вздохов и стenanий,
Должно быть, в прежние года
Слышали стены этих зданий
И эта мутная вода!
Могли б поведать эти своды,
Как в дни жестокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьем тела с вышины;
И волн, и времени теченье
Спешило тело унести:
То были жертвы отомщенья
Совета Трех и Десяти...
Но не болтливы стен камня,
Не разговорчива вода,
И лишь в одном воображенье
Встают минувшие года.
Безмолвна мраморная арка,
Безмолвен сумрачный канал...
Крылатый лев Святого Марка
Сном вековечным задремал.

Штутгарт
4 июня 1882

IV

Скользила гондола моя над волной
Морского широкого лона.

Заката малиновый луч надо мной
Румянил лазурь небосклона.

Жемчужные сверху ряды облаков
Гляделись в спокойное море,
И слышался бой отдаленный часов,
Теряясь в безбрежном просторе.

Желанием сладостным, нежной тоской
Душа изнывала и млела:
Хотелось слиться с волной голубой,
Лететь выше неба предела;

Хотелось угаснуть, как луч золотой,
Застыть, как те звуки в просторе,—
Хотелось объять ненасытной душой
Все небо и целое море!

Стрельна
12 июля 1882

V

Помнишь, порою ночью
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескам внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихим Венеция сном,
В сонные воды канала
Звезды гляделись кругом.

Мимо палатко мы дожей,
Мимо Пьяццетты колонн
Плыли с тобою... О, Боже,
Что за чарующий сон!

Искрились волны лагуны...
Где-то в дали голубой
Плакали нежные струны,—
Пел гондольер молодой;

Пел он про месяц и море,
Про голубую волну,
Пел про блаженство и горе.
Пел про любовь и весну.

Дивная песнь навевала
Грезы блаженной любви,
В душу она проникала,
Страсть разжигала в крови...

Помнишь, порою ночью
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною...
О, что за ночь то была!

Красное Село
28 июля 1882

VI

На площади Святого Марка,
Где вьются стаи голубей,
Где меж бесчисленных колонн за аркой арка
Пленяют взор каймой узорчатой своей,
Остановился я... Уж угасал, бледнея,
Тревожный, суетливый день;

С безоблачных небес, таинственно синяя,
На землю сонную спускалась ночи тень;
И колокола благовест унылый
Сзывал к вечерне христиан. Меня
Влекло неведомою силой
К старинному собору, чтобы дня
Забуть и шум, и утомленье.
Благоговейного исполнен умиленья,
Переступил святыни я порог...
Лампады теплились, дымились кадила,
И сумрачная мгла, казалось, говорила:
Здесь соприсутствует нам Бог! —
И стал молиться я спокойный и безмолвный.
Орган откуда-то с незримой вышины
Звучал торжественно, и стройных звуков волны
Лились среди мертвой тишины.
В них слышались и слезы, и стенанья,
Скорбь за утраченные небеса,
И неземные воздыханья,
И райских песен голоса.
Прозрачный, легкий дым каждений благовонных,
Струясь вокруг мраморных столбов,
Скользя по плитам стен, вдоль сводов закопченных,
Вился и таял в мраке куполов,
Молитвой и веками освященных.
И лики строгие угодников святых
Со злата греческой мусии
Глядели на меня... И о родных
Иконах матушки России
Невольно вспомнил я тогда;
Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину, туда,
На север, где теперь, согретая весною,
Душистая черемуха цветет,
Благоухают пышные сирени,
И песни соловей поет...

В уме столпилось столько впечатлений!..
И вздохом я вздохнул таким,
Каким вздохнуть один лишь Русский может,
Когда его тоска по родине изложет
Недугом тягостным своим.

Венеция
19 апреля 1885

* * *

Растворил я окно,— стало грустно невмочь,—
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

Мейнинген
13 мая 1885

РАФАЭЛЬ САНЦИО

1483—1520

В Страстную пятницу недаром он родился,
В Страстную пятницу недаром умер он!
В него божественный дух творчества вселился,
Он свыше тайною был силой облечен.

*

Небесной, ангельской красою одаренный,
Недаром имя он бесплотного носил,
И верить хочется, что кистью несравненной
Его руководил архангел Рафаил...

С.-Петербург
30 мая 1885

КОЛОКОЛА

Несется благовест...— Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Штутгарт
20 октября 1887

Из цикла «Севастиан-Мученик»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Королеве Эллинов Ольге Константиновне

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пусть же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь заносит больно
Тоской по нашей стороне,
Пусть же тогда они невольно
Тебе напомнят обо мне.

И пусть хоть тем тебе поможет
Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может,
И чья душа полна тобой.

СТРОФЫ

Севастьян-Мученик

Претерпѣвый же до конца, той спасѣтса.

(Матѣ. XXIV, 13)

I

В Риме праздник. Рыщут колесницы,
Топот, стук колес по мостовой,
Ржанье, свист бича и крик возницы
В гул слилися. К форуму толпой
Повалил народ. Снуют носилки,
Пыль клубится облаком густым;
Фыркает, храпит и рвется пылкий
Конь под всадником лихим.

II

В честь богини зеленью, цветами
Убран был Венеры пышный храм;
От курильниц синими клубами
Возносился легкий фимиам.
В наготе божественного тела,
Фидия рукою создана,
В благовонном сумраке белела
Олимпийская жена.

III

Совершая жертвоприношенье,
Цезарь сам стоял пред алтарем,
И жрецы в немом благоговеньи
С утварью теснились кругом.
Все во прах повергнулись толпою,
Преклонился сам Максимиан,—
Не поник отважной головою
Лишь один Севастьян.

IV

Засверкали цезаревы очи
И зловещим вспыхнули огнем,
Вне себя он стал мрачнее ночи
Искаженным яростью лицом:
«Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
«Возмущая наше торжество!
«Ты ль, трибун мой, дерзкою гордыней
«Оскорбляешь божество!»

V

И бесстрашно, твердо и спокойно
Отвечал ему Севастиан:
«Человеку, цезарь, недостойно
«Почитать бездушный истукан.
«Правды нет в твоей безумной вере,
«Ваши боги — лживая мечта,
«Не могу я кланяться Венере,
«Исповедуя Христа!»

VI

«Он — мой Бог! Его святою кровью
«Грешный мир искуплен и спасен;
«Лишь Ему с надеждой и любовью
«Я молюсь коленопреклонен.
«Небеса Он создал, создал землю,
«Создал все, что дышит и живет.
«Лишь Его велениям я внемлю,
«Он мне помощь и оплот!»

VII

Неподвижно, в трепетном молчанье,
Царедворцы робкою толпой

Роковое слушали признание,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумел цезарь, злобы полный,
Ярый гнев уста его сковал,
И смятенным ликторам безмолвно
Он трибуна указал.

VIII

Вмиг вокруг него живой стеною
Их сомкнулись тесные ряды;
Повлекли они его с собою
В гору, в Палатинские сады.
Нумидийской цезаревой страже
Сдали там с рук на руки его...
И покорно стал от злобы вражьей
Он конца ждать своего.

IX

Гаснет алый запад, догорая
В небесах багряною зарей;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой,
Уж померкло небо голубое,
Тихо все... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

X

Уж во власти тихого Морфея,
Под его чарующим крылом
Все, в дремоте сладкой цепенея,
Позабылось безмятежным сном.

Лишь к стволу привязан кипариса,
Молодой трибун-христианин,
Там, в саду цветущем Адониса,
В эту ночь не спит один.

XI

А кругом на храмы, на чертоги
Налегла таинственная тьма;
Сторожат извѣянные боги
Роши Палатинского холма;
Сладко в них цветы благоухают,
Водометы плещут и журчат
И росой свежей орошают
Мрамор царственных палат.

XII

Полночь дышит влажною прохладой...
У стены на каменном полу
Стража крепко спит под колоннадой.
Догорев, костер дымит в углу;
Пламя, вспыхнув, озарит порою
То карниз, то вазу, то плиту,
И кружась, искры над золою
С треском гаснут на лету.

XIII

И задумчив узник одинокий,
Кротких глаз не сводит он с костра:
Скоро мрак рассеется глубокий,
Минет ночь,— не долго до утра.
Заблестит восток воспламененный,
Брызнут солнца первые лучи
И разбудят этот город сонный,
И проснутся палачи.

XIV

На него они наложат руки,
Истерзают молодую грудь,
И настанет час предсмертной муки,
И окончен будет жизни путь.

Словно искра, в мраке исчеза,
Там, над этим тлеющим костром,
Жизнь его, как утро, молодая
В миг один угаснет в нем.

XV

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даров земных ему не жаль,
Не страшит его порог могилы;
Отчего ж гнетет его печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце в нем?
Иль ослаб он бодрюю душою
Пред мучительным концом?

XVI

Не его ли пламенным желаньем
Было встретить доблестный конец,
Радость вечную купить страданьем
И стяжать мучения венец?
Не мечтал ли дни он молодые
Положить к подножию Креста
И, как те избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

XVII

Но они не ведали печали:
Не в тиши безмолвной и глухой,—

Посреди арены умирали
Пред ликующей они толпой.
Нет, в душе их не было кручины,
Погибать отрадной было им:
В Колизее славной их кончины
    Был свидетель целый Рим.

XVIII

Может быть, звучали в утешенье
Им слова-напутствия друзей,
Их молитвы, их благословенья;
Может быть, меж сотнями очей
Взор они знакомый различали
Иль привет шептавшие уста;
Мужества, дивясь, им придавали
    Сами недруги Христа.

XIX

А ему досталась доля злая
Позабытым здесь, в глуши немой,
Одиноко, в муках замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого в последнее мгновенье
Не увидит он, кто сердцу мил,
Кто б его из мира слез и тленья
    Взором в вечность проводил.

XX

А меж тем над спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно месяц бледнолицый
Уж плывет по выси голубой.

Просияла полночь; мрак редет,
Всюду розлит серебристый свет,
И земля волшебным блеском рдеет
Небу чистому в ответ.

XXI

Там белеет храм Капитолийский,
Древний форум стелется под ним;
Здесь колонны, арки, обелиски
Облиты сияньем голубым;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали, извиистой каймой
Тибра мутные струятся волны
За Тарпейскою скалой.

XXII

И любясь дивною картиной,
Позабылся узник молодой;
Уж теперь не горем, не кручиной, —
Сердце полно сладкой тишиной.
Приутихло жгучее страданье,
И в душе сомненье улеглось:
Этой ночи кроткое сиянье
Словно в грудь ему влилось.

XXIII

Примиренный с темною судьбою,
Вспоминает он былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на севере они.
Видит он зеленые равнины,
Где блестят сквозь утренний туман
Альп далеких снежные вершины, —
Видит свой Медиолан.

XXIV

Видит дом родной с тенистым садом,
Роши, гладь прозрачную озер
И себя, ребенком малым, рядом
С матерью; ее он видит взор,
На него так нежно устремленный...
Как у ней был счастлив он тогда,
Этим милым взором осененный,
В те беспечные года!

XXV

От нее услышал он впервые
Про Того, Кто в мир тоски и слез
Нам любви учения святые
И грехов прощение принес;
Кто под знойным небом Галилеи
Претерпел и скорбь, и нищету,
И Кого Пилат и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

XXVI

Но года промчались стрелою...
— Детства дней счастливых не вернуть! —
Он расстался с домом и семьею,
Перед ним иной открылся путь:
Он, покорный долгу, в легионы
Под знамена бранные вступил
И свой меч, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрил.

XXVII

Бой кипел на западе далеком:
Там с врагами Рима воевал

Юный вождь. Ревнивым цезарь оком
На победный лавр его взирал.
Против франков, в войске Константина,
Острых стрел и копий не страшась,
Севастьян и с ним его дружина
Храбро билися не раз.

XXVIII

Но и в грозный час кровавой битвы,
Поминая матери завет,
Благодатной силою молитвы
Соблюдал он в сердце мир и свет.
Бедный дух его не утрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Он сносил без жалоб, без печали
Тягость ратного труда.

XXIX

И властям всегда во всем послушный,
Он жалел подвластных и щадил;
С ними он, доступный, благодушный,
И печаль, и радости делил.
Кто был горем лютым иль несчастьем,
Или злой невзгодой удручен,
Шел к нему, и всякого с участием
Принимал центурион.

XXX

И за то с любовью беспримерной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины верной
Он не даст в обиду никому,
И везде, из всех центурий стана,

И в бою, и в пору мирных дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

XXXI

И привязан был он к этой сотне
Всеми силами души своей;
В ней последним ратником охотней
Был бы он, чем первым из вождей
Всех когорт и легионов Рима.
Не желал он участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбия мечтой.

XXXII

В бранном стане, в Галлии далекой
Скромный дорог был ему удел,
И его на блеск и сан высокий
Променять бы он не захотел.
Почесть с властью или роскошь с силой,
Или все сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
Заменить бы не могли.

XXXIII

Что людьми зовется верхом счастья,
То считал тяжелым игом он.
Но, увы, непрошеною властью
Слишком рано был он облечен!
О, какую горькою кручиной
Сердце в нем исполнилось, когда
С этой храброй, доблестной дружиной
Он расстался навсегда.

XXXIV

Никогда доселе сердцем юным
Ни тщеславен не был он, ни горд;
У преторианцев став трибуном,
Во главе блестящих их когорт,
Он остался воином смиренным,
Ни наград не ждавшим, ни похвал,
И горя усердьем неизменным,
Честно долг свой исполнял.

XXXV

Но душе его прямой и нежной
Чужд был этот гордый, пышный Рим,
Этот Рим порочный и мятежный,
С ханжеством, с безверием своим
Утопавший в неге сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этотдушный Рим с подобострастной
Развращенною толпой.

XXXVI

Здесь, в тревожной суетной столице,
Окружен неправдою и злом,
Как в глухой, удушливой темнице,
Изнывал он сердцем и умом.
Полн отваги, мужества и рвения,
До конца готовый претерпеть,
Жаждал он скорей принять мученья
И за веру умереть.

XXXVII

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну,
И настанет час успокоенья.

С упованьем глядя в вышину,
Он привет читает в блеске ночи:
Звезд лучи, пронизывая тьму,
С голубых небес, как Божьи очи,
Светят радостно ему.

XXXVIII

Небо залито лазурью нежной,
Закатился месяц в облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплывает ночь. Вот ветерка
Предрасветная прохлада веет,
Край небес, светлея и горя,
Заалел с востока... Тьма редет,—
И зарделася заря.

XXXIX

Узник видит утра пробужденье,
Светом солнца обдало его,
И за день последнего мученья
Он прославил Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тело обнажили;
Высоко над головой

XI

Подняли беспомощные руки,
Притянули к дереву плотней...
Лютые принять готовый муки,
В ожиданьи участи своей,
Он стоял живой пред ними целью
В алом блеске утренних лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидийских палачей.

XLI

В этот час предсмертного томленья
Все земное мученик забыл;
Полн восторга, в сладком упоеньи,
В небесах мечтою он парил.
Перед ним отверзлись двери рая;
Озарен сияньем неземным,
Звал его, венец ему сплетая,
    Лучезарный серафим.

XLII

И не видел узник Нумидийца
С длинным луком, с стрелами его;
В забвенье не видел, как убийца
Долго, долго целился в него,
Тетива как дрогнула тугая,
Не видал, как спущена была
И примчалась, воздух рассекая,
    Смертоносная стрела.

XLIII

Лишь когда отточенное жало
Глубоко в нагую грудь впилося,
В ней от боли сердце задрожало,
И очнулся он от светлых грез.
Шумный говор, крики, взрывы смеха
Услыхал он, мукою томим:
Зверская, кровавая потеха
    По душе пришлось им.

XLIV

Чередуясь, каждый в нетерпенье
В грудь стрелу спешил ему послать,

Чтобы силу, ловкость и уменье
Над бессильной жертвой показать.
И стрела вонзалась за стрелою...
Он терпел с молитвой на устах;
Кровь из жгучих ран лилась струею,
И мутилося в глазах.

XLV

Уж сознание гасло и бледнело,
И молитв мешались слова;
На руках без чувств повисло тело,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабые колени...
В область тьмы, забвения и сна
Погрузился дух... Земных мучений
Чашу он испил до дна.

XLVI

А честное мученика тело,
Брошено руками палачей,
Скоро б незарытое истлело
Под огнем полуденных лучей,
Где-нибудь во рву иль яме смрадной,
Где бы хищный зверь, в ночную тьму,
Оглодал его, где б коршун жадный
Очи выклевал ему.

XLVII

Уж его от дерева поспешно
Отвязать мучители хотят...
Той порою, плача неутешно,
Две жены прокрались тайно в сад.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются из очей:

Им в ответ звучат одни угрозы
С бранью злобной палачей.

XLVIII

Жены им дрожащими руками
Сыпят деньги... Шумный спор возник,
Зазвенело злато... Меж стрелками
Завязалась драка; слышен крик...
А они страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полные печали,
Унесли его с собой...

I

Рим ликует. Зрителей без счета
Уж с утра стеклоя в Колизей:
Христианам вновь грозит охота,—
Под ареной слышен вой зверей.
И до зрелищ жадный, в нетерпении,
Ожидает цезаря народ...
Вдруг раздались клики в отдалении:
«Тише, тише! Он идет!»

II

Распахнулась дверь. Цветов кошницы
Высоко держа над головой,
Дев прекрасных сходят вереницы
Меж колонн по лестнице крутой.
Из дворца идут они, как тени,
Устлан путь узорчатым ковром;
Их цветы на гладкие ступени
Пестрым сыплются дождем.

III

Двигается дружина за дружиной:
Здесь и Дак косматый, и Сармат,
Здесь и Скиф под шкурою звериной.
Блещут медь, железо и булат,
Рог и трубы воздух оглашают,
И проходят пращники, стрелки;
Серебром и золотом сияют
Стражи цезарской полки.

IV

Свищут флейты, и гремят цевницы,
Скачет шут, и вертится плясун.
Вот певцов проходят вереницы
И под звуки сладкогласных струн

Воспевают в песне величавой
Вечный Рим с владыками его,
Их полки, увенчанные славой,
И знамен их торжество.

V

Звонких лир бряцанье заглушает
Грохот бубнов и кимвалов звон.
Горделиво цезарь выступает,
Облеченный в пурпур и виссон.
Скиптр его из драгоценной кости
И орлом украшен золотым;
Дорогой венец на длинной трости
Черный раб несет над ним.

VI

Вдруг кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застыл кифар и гуслей звук,
В отдалении замер голос трубный,
Все кругом недвижно стало вдруг.
Цепenea в ужасе безмерном,
Цезарь глаз не сводит со стены,
И к стене той в страхе суеверном
Взоры всех устремлены.

VII

Там в окне, над мраморною аркой,
Между двух порфировых колонн,
Полосою света залит яркой,
Полунаг, изранен, изможден,
Словно призрак иль жилец загробный,
Отстрадавший юноша предстал.
Красотой небесной, бесподобной
Ясный взор его сиял.

VIII

Волоса на плечи упали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткий лик, исполненный печали,
Выражал величье и покой;
Бледны были впалые ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
    Как печать на нем легла.

IX

Посреди молчанья гробового
Он, вздохнув, отверз уста свои;
Плюилось восторженное слово,
Как потока вешние струи:
    «Цезарь! О, возьми меня с собою!
    «В Колизее ждет тебя народ...
    «Христиан замученных тобою
    «Кровь на небо вопиет.

X

«Уж песок арены зверь взрывает...
«Медлишь ты, бледнеешь и дрожишь!
«Иль тебя то зрелище пугает?
«Что ж смущен ты, цезарь, и молчишь?
«Содрогнешься ль ты перед страданьем?
«Иль твой слух еще не приучен
«К детским крикам, к воплям и стенаньям
    «Старцев, юношей и жен?

XI

«Мало ль их, смерть лютую приявших!
«Мало ль их, истерзанных тобой!
«Одного из тех перестрадавших

«Ныне видишь ты перед собой.
«Эта грудь — одна сплошная рана,
«Вот моя кровавая броня!
«Узнаешь ли ты Севастиана?
    «Узнаешь ли ты меня?»

XII

«Но сильней любовь и милосердье
«Жала стрел убийственных твоих:
«Я уход, заботу и усердье
«Близ твоих чертогов золотых,
«Под одною кровлею с тобою
«Находил у праведных людей;
«Я их доброй, ласковой семьею
    «От руки спасен твоей.

XIII

«О, как тяжело было пробужденье
«После казни той, когда я ждал,
«Что очнуся в небе чрез мгновенье,
«Осушив страдания фиал.
«Но не мог расстаться я с землею,
«Исцелела немощная плоть,
«И ожившим, цезарь, пред тобою,
    «Мне предстать судил Господь.

XIV

«Страху чужд, тебе отдавшись в руки,
«Я пришел принять двойной венец.
«Претерпеть опять готов я муки
«И отважно встретить свой конец.
«Цезарь, там, я слышу... гибнут братья.
«С ними смертью пасть хочу одной!
«К ним иду я кинуться в объятья,—
    «Цезарь! Я иду с тобой!»

XV

Недвижимо, притаив дыханье,
Как волшебным скованные сном,
Тем словам, в томительном молчанье,
Все внимали трепетно кругом.
Он умолк, и как от грез очнулся
Цезарь, а за ним и весь народ;
Гордый дух в нем снова встрепенулся
И над страхом верх берет.

XVI

«Надо мной ты смеешь издеваться,
«Или мнишь, что кары ты избег!
«Червь со львом дерзает ли тягаться,
«Или с Зевсом смертный человек?
«Испытай же гордой головою,
«Что мой гнев громов небес грозней,
«И что казнь, придуманная мною,
«Когтя львиного страшней!

XVII

«Пусть потрачены те стрелы даром.
«Но палач мой справится с тобой:
«Под тяжелым палицы ударом
«Размножится жалкий череп твой.
«И погибнешь — миру в назиданье —
«Ты за то, что вел безумный спор
«С тем, кто власть свою могучей дланью
«Над вселенною простер!»

XVIII

Он шагнул вперед; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.

В колоннадах снова песнь раздалась,
Свищут флейты, и гудит труба,
Плясуны вновь пляшут по ступеням,
Вновь грохочут бубны и кимвал,
И вдоль лестниц с кликами и пеньем
Лязг оружия зазвучал.

ХІХ

Но в последний раз борца Христова
С вышины послышались слова,—
И мгновенно все умолкло снова,
Как объято силой волшебства.
Над немой, смятенною толпою
Словно с неба слово то гремит
И ее, как Божьею грозою
Разражаяся, громит:

ХХ

«Ты ужели страхом новой казни
«Возмечтал слугу Христа смутить?»
«Воин твой, о, цезарь, чужд боязни,
«Казнь одну успел я пережить,—
«Верь! Приму вторую также смело,
«Умирая с радостью святой:
«Погубить ты властен это тело,
«Но не дух бессмертный мой.

ХХІ

«О, Господь, простивший Иудеям,
«На кресте их злобою распят,
«Отпусти, прости моим злодеям:
«И они не знают, что творят.
«Пусть Христовой веры семенами
«В глубине поляжем мы земли,

«Чтоб побеги веры той с годами
«Мощным деревом взошли.

XXII

«Верю я! Уж время недалеко:
«Зла и лжи с земли сбегает тень,
«Небеса зарделися с востока,—
«Близок, близок правды яркий день!
«Уж вдали стекаются дружины,
«Юный вождь свою собирает рать,
«И ничем его полет орлиный
«Вы не можете сдержать.

XXIII

«Константин — тот вождь непобедимый!
«Он восстанет Божиим посланцем,
«Он восстанет, Промыслом хранимый,
«Укрепленный Господом Христом.
«Вижу я: в руке его державной
«Стяг, крестом увенчанный, горит,
«И богов он ваших в битве славной
«Этим стягом победит.

XXIV

«Тьму неправды властно расторгая,
«Словно солнце пламенной зарей,
«Засияют истина святая
«И любовь над грешною землей.
«И тогда, в день радости и мира,
«Осенятся знаменьем креста
«И воспрянут все народы мира,
«Славя Господа Христа!»

Павловск
22 августа 1887

Из цикла «Гекзаметры»

I

Любо глядеть на тебя, черноокий приветливый отрок,
В ясное утро, когда ты диском играешь блестящим.
Спину согнув, опершись в колено левой рукою,
Правую ловко ты круг увесистый бросишь далеко.
Если ж никто с тобой не сравнится в уменьи, и диск твой,
С медным звоном в плиту ударяясь, всех мимо промчится,—
Стройно ты выпрямишь стан, задорно голову вскинешь,
Кудри встряхнешь и таким заразительным смехом
зальешься;

В душу твою просится смех, и думаю я в восхищеньи:
Как хороша ты, о, жизнь! О, юность, как ты прекрасна!
Петергоф
20 июля 1888

II

Счастье ж твоим голубям! Ты снова в дверях
показалась
С пестрой корзиной в руках, зерном наполненной крупным.
Все встрепенулись они, все вдруг над тобой закружились,
Близко уселись к тебе и, нежно ласкаясь, воркуют,

Голуби всюду: в самой корзине над лакомым кормом,
Те на плечах у тебя доверчиво так приютились,
Эти у ног и клюют на пороге упавшие зерна.
О, не спешите вспорхнуть! Побудьте здесь, кроткие птицы!
Дайте завидовать мне вашей близости к деве прекрасной,
Дайте хоть издали мне на нее любоваться подоле.

Красное Село
22 июня 1888

III

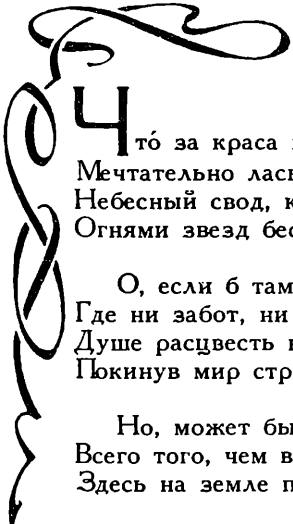
Завтра вот эти стихи тебе показать принесу я.
Сядем мы рядом; опять разовью заветный я свиток;
Голову нежно ко мне на плечо ты снова приклонишь,
Почерк затейливый мой на свитке с трудом разбирая.
С робостью тайной в душе и трепетом сладким объятый,
Взора не смея поднять на тебя, притаивши дыханье,
Буду безмолвно внимать; угадывать буду стараться
Все, что в этих стихах ты осудишь, и все, что похвалишь.
Каждую темную мысль, неловкое слово, неровность
Голоса звук оттенит, невольное выдаст движенье.
Если ж все до конца дочитаешь ты без запинки,
В очи тебе загляну я и в них приговор прочитаю.
Ласковой, ясной меня озаришь ты, быть может, улыбкой...
Мне ль благодарным не быть вдохновенью за эту улыбку!
О, если б только оно меня осеяло почаще!

Красное Село
26 июля 1888

«Сонеты к Ночи»

Ч¹тó за краса в ночи благоуханной!
Мечтательно ласкает лунный свет;
Небесный свод, как ризой златотканой,
Огнями звезд бесчисленных одет.

О, если б там, в стране обетованной,
Где ни забот, ни слез, ни горя нет,
Душе расцвести красою перевозданной,
Покинув мир страданий, зол и бед!

Но, может быть, там суждено забвенью
Всего того, чем в нежном умиленью
Здесь на земле пленялася душа?

Нет, будем жить! Хоть скорбью и тоскою
Больная грудь сжимается порою,
Хоть страждем мы, но жизнь так хороша!

Красное Село
23 июля 1890

II

За день труда, о, ночь, ты мне награда!
Мой тонет взор в безбрежной вышине,
Откуда ты глядишься в душу мне
Всею красотой нетленного наряда.

В сиянии твоём — что́ за услада,
И что́ за мир в отрадной тишине!
Я признаю в сердечной глубине
Власть твоего чарующего взгляда.

Цари, о, ночь, и властвуй надо мной,
Чтоб мне забыть о суете земной,
Пред тайною твоей изнемогая,

И, немощным восхитив к небесам,
Окрепнувшим верни, о, неземная,
Меня земле, к заботам и трудам!

Контрксевиль
18 мая 1892

III

Здесь, в тишине задумчивого сада,
Опять, о, ночь, меня застанешь ты,
И все одной душа полна мечты,
Что я калиф, а ты Шехеразада.

Последняя нарушена преграда
Меж миром слез и дольной суеты
И царством грез и горней красоты;
Я твой, о, ночь! Меж нами нет разлада.

Ты шепчешь мне про таинства небес,
И словно я с лица земли исчез,
Отдавшись весь твоей волшебной воле.

Калиф внимал красавице своей,
Но ты одна мне рассказала боле,
Чем в тысячу уведал он ночей.

Штадтгаген
11 июня 1892

IV

Люблю, о, ночь, я погружаться взором
В безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Как с вышины
Ласкаешь ты лазоревым убором!

Ты так светла, что меркнет лик луны,
Пустыней горнею плывя дозором,
И сонмы звезд бледнеющим узором
Двойной зари сияньем спалены.

О, нежная, прозрачно-голубая!
Гляжу, с тебя очей не отрывая,
Лицом к лицу пред тайною твоей.

Дай от тебя, о, ночь, мне научиться
Средь дольной тьмы душою становиться,
Как ты сама, все чище и светлей!

Новгород
21 июня 1899

V

Нет, не туда, о, ночь, в плененном созерцанье
Взор устремляется, где в ризе золотой,
В огнях и пурпуре сокрылся царь дневной,
Багряным заревом пылая на прощанье.

Усталые глаза хотят красы иной:
Там, у тебя они найдут очарованье,
Где кротко теплится нетленное сиянье
И млеет ясною и томной синевою.

От рубежа небес с его зарей огнистой
Я очи возвожу к твоей лазури чистой
И признаю меж нас таинственный союз.

Тебе, о, ночь, тебе, царице светозарной,
С восторгом радости, с молитвой благодарной
Я умиленную душою отдаюсь!

Стрельна
4 июля 1899

VI

Она плывет неслышно над землею,
Безмолвная, чарующая ночь;
Она плывет и манит за собою
И от земли меня уносит прочь.

И тихой к ней взываю я мольбою:
— О, ты, небес таинственная дочь!
Усталому и телом, и душою
Ты можешь, бестелесная, помочь.

Умчи меня в лазоревые бездны:
Свой лунный свет, свой кроткий пламень
звездный
Во мрак души глубокий зарони;

И тайною меня обвеяв чудной,
Дай отдохнуть от жизни многотрудной
И в сердце мир и тишину вдохни.

Мраморный дворец
19 сентября 1904

VII

Какой восторг! Какая тишина!
Благоуханно ночи дуновенье;
И тайною истомой усыпленья
Природа сладостно напоена.

Тепло... Сияет кроткая луна...
И очарованный, в благоговенье
Я весь объят расцветом обновленья,
И надо мною властвует весна.

Апрельской ночи полумрак волшебный
Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
Из глубины души опять исторг.

Цветущую я созерцаю землю
И, восхищен, весне и ночи внемлю...
Какая тишина! Какой восторг!

Павловск
21 апреля 1906

VIII

О, лунная ночная красота,
Я пред тобой опять благоговю.
Пред тишиной и кротостью твоею
Опять немеют грешные уста.

Так непорочна эта чистота,
Так девственна, что омовенный ею
Восторгом я томлюсь и пламенею.
Как эта ночь, будь, о, душа, чиста!

Отдайся вся ее целебной власти,
Забудь земли и помыслы, и страсти,
Дай пронизать себя лучам луны.

И просветленной, бестелесней ночи,
И мира полная, и тишины,
Ты вечности самой заглянешь в очи.

Осташево
17 августа 1909

БУДДА

Годы долгие в молитве
На скале проводит он.
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Выше туч святому старцу
И отрадней, и вольней:
Там к Создателю он ближе,
Там он дале от людей.

А внизу необозримо
Гладь безбрежная кругом
Разлилась и тихо дышит
На просторе голубом;
Солнце ходит, месяц светит,
Звезды блещут; вокруг скалы
Реют мощными крылами
Над пучиною орлы;

Но красою Божья мира
Муж святой не восхищен:
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Он не слышит, как порою
Грозно воеет ураган,
Как внизу грохочут громы
И бушует океан.

Неподвижный, цепenea
В созерцаньи Божества,
Над измученною плотью
Духа ждет он торжества,
Ждет безмолвия Нирваны
И забвения всего,
В чем отрада человека
И страдание его.

С той поры, когда свой подвиг
Стал свершать он, каждый год,
Как шумел крылами в небе
Первых ласточек прилет,
Пташка старцу щебетала,
Что опять весна пришла,
И гнездо в иссохшей длани
Безбоязненно вила.

И в руке его простертой,
Средь заоблачных высот,
Много птенчиков крылатых
Выводилось каждый год.
И уж праведнику мнилось,
Что навеки стал он чужд
Упований и желаний,
И земных страстей, и нужд.

Что же ласточек все ждет он
С нетерпеньем из-за гор?
Разве снег еще не стаял?
Разве года нет с тех пор,
Как последние вспорхнули
И, простясь с родным гнездом,
Белогрудые, в тумане
Потонули голубом?

И о них воспоминанья
Отогнать не может он.
Для того ль он мир покинул,
Звал забвенья вечный сон,
Заглушал борьбою с плотью
Всякий помысел земной,
Чтобы пташки мимолетной
Ждать с ребяческой тоской?

Иль не все еще живое
Страшный подвиг в нем убил?
Или тщетно истязанье?
Или... Чу! не шум ли крыл?
Он глядит: в лучах восхода
Мчится с дальней стороны
Стая ласточек,— все ближе
Провозвестницы весны,

Ближе!.. Но к нему не вьется
Ни единая из них...
Стая, мимо уплывая,
Тонет в безднах голубых...
И у праведника, руки
Простирающего к ней,
Слезы градом полилися
Из померкнувших очей.

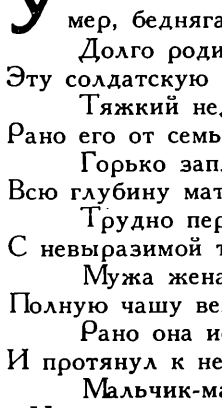
Гатчина
8 декабря 1891

Из цикла «В строю»

УМЕР

У мер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...
Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.
И протянул к нему с плачем ручки
Мальчик-малютка грудной...
...Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш по долгом пути;
Сдали его в Государеву роту
Царскую службу нести.

С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смысленый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами,
Ну, молодец молодцом.
Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке,
Сметливый был ученик.
Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом Измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И подготовленный, он бы весною
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным...
Но не сбылись те мечты!
...Кончились лагеря; ветром холодным
Желтые сдуло листы,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца...
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, понемногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдал он душу свою.

Умер вдали от родного селенья,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили,—
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела в военной больнице
Взвод был от нас наряжен...
По небу тучи неслись вереницей
В утро его похорон;
Выла и плакала снежная вьюга
С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!
Вынесли гроб; привязали на дроги,
И по худой мостовой
Серая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла хоть дойти:
Всюду до первого лишь поворота
Надо за гробом идти.
Дрогам вослед мы глядели, глядели
Долго с печалью немой...
Перекрестились, шапки надели
И воротились домой...
Люди чужие солдата заруют
В мерзлой земле глубокó,
Там, за заставой, где ветры лишь воют,
Где-то в глуши далеко́.

Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
Спи же, покойся себе
В этой могилке сырой и глубокой!
Вечная память тебе!

Мыза Смерди
22 августа 1885

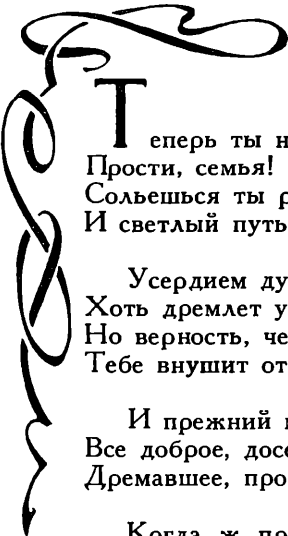

Из цикла
«Солдатские сонеты»

I

Новобранцу

Теперь ты наш. Прости, родная хата,
Прости, семья! С военной семьей
Сольешься ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Усердием душа твоя богата,
Хоть дремлет ум, объят глубокой тьмой;
Но верность, честь, все доблести солдата
Тебе внушит отныне долг святой.

И прежний мрак уступит дня сиянью:
Все доброе, досель в груди твоей
Дремавшее, пробудится к сознанию;

Когда ж придешь к своим, в простор полей,
Не изменяй высокому призванью
И сей добро на родине своей!

С.-Петербург
11 января 1891

II

Часовому

Взят от сохи, полей вчерашний житель,
Ты на часах сегодня, рядовой,
Недремлющий, терпенья выразитель,
Неколебим, могуч и тверд душой.

Предстань тебе крылатый небожитель
И повели с поста сойти долой,—
Не внял бы ты: лишь тот твой повелитель,
Чьим словом здесь стоишь ты, часовой.

Твоя рука оружия не положит,
Тебя ничто лишить его не может,
Ты лишь Царю отдать его готов.

В глазах толпы пусть твой удел ничтожен.
Нет! На тебя великий долг возложен:
Здесь на посту ты Божий да Царев!

С.-Петербург
13 февраля 1891

III

Пред увольнением

В его глазах прочел я скорбь немую,
Лишь он предстал впервые предо мной:
Семью и дом, и сторону родную
Покинул он для жизни боевой.

Прошли года. Всю силу молодую,
Весь рьяный пыл он в долг влагает свой.

Усердие и простоту святую —
Как не любить в солдате всей душой?

И я люблю с отеческой заботой;
Но сжиться он едва успеет с ротой,
Как подойдет срок выслуженных лет.

Я с ним делил и радости, и горе,
А он — печаль в моем прочтет ли взоре,
Которым я взгляну ему вослед?

Красное Село
26 июля 1890

IV

Полк

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старó, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою!*

Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

---

* Вариант:

О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,
Ты, бранной славою увенчанный в бою!

Лихая удаля, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове том сливается: наш полк!

Красное Село
31 мая 1899

V

Порт-артурцам

Среди громов и молний бури бранной
Твердыни вы незаблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.

О, страстотерпцы! Мукой несказанной
Запечатлен осады грозный год...
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?

Вы претерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвением.

России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищеньем.

Псков
8 декабря 1904

VI

Кадету

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.

Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд и знание, и усилья.

Пускай твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

Воронеж — Вольск
11 марта 1909

VII

Юнкеру

Ты — что рассвета вешняя заря:
Минула ночь, до дня еще далеко,
Как утра блеск твое сияет око,
Решимостью и удалью горя.

Мир тесен для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко,

И рад сражаться с недругом жестоко
За родину, за веру, за Царя.

Повеет лето за весной прекрасной.
О, встретить его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь;

Чтобы закатом осени холодной
До зимней тьмы стезею благородной
Светильник правды и добра донести.

Полоцк
6 декабря 1910

ВЕЧЕР В ЕГИПТЕ

И. Н. Дараган

Алеет Нил румяным блеском...
Длиннее тени пирамид...
Багряный вал ленивым плеском
С прибрежной пальмой говорит.

Объята заревом пустыня.
Все ниже солнце... Через миг
Надгробья царского твердыня
Сокроет пламеносный лик.

Коснувшись грани мавзолея,
Горит он кругом огневым
И закатился, пышно рдея,
За исполином вековым.

Хелуан
31 декабря 1912

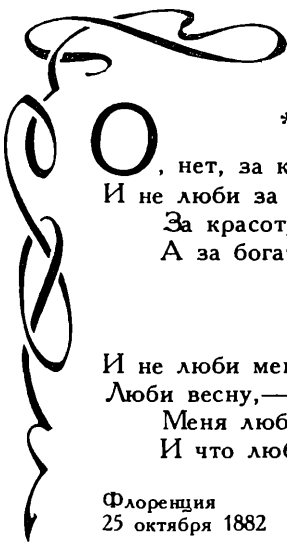

Из Фр. Рюккерта

* * *

О, нет, за красоту ты не люби меня
И не люби за то, что я живу богато:
За красоту люби сиянье дня,
А за богатство — серебро и золото.

*

И не люби меня за молодость мою:
Люби весну, — она все та же бесконечно.
Меня люби за то, что я люблю,
И что любить тебя я буду вечно!

Флоренция
25 октября 1882

ТРИ ПТИЦЫ

А. Л. Герхену

Я горлице сказал: «Лети в тот край прекрасный,
Где плещет Ганга тихая волна,
И мне достань цветок любви всевластный». —
«Далеко», — молвила она.

Орлу сказал я: «Дай мне молнию из тучи;
Любовь, что хладно мной пренебрегла,
Пускай согреет пламень неба жгучий». —
«Высоко», — был ответ орла.

Я коршуну сказал: «О, выключи образ милый,
Запечатленный в сердца глубине:
Переболеть, ни позабыть нет силы...» —
«Уж поздно», — молвил коршун мне.

Павловск
26 ноября 1909

Из Елены Энгельгардт

ЖИЗНЬ ПЕСНИ

I

Раз над детской колыбелью
На серебряных крылах
Пролетал посланник рая
С арфой ангельской в руках.

Зорко зренье у ребенка —
Блеском неба озарен
На виденье неземное
Устремляет очи он,

С гостя светлого не сводит
Их и к арфе золотой
Он протягивает ручки,
Восхищен ее игрой.

С нежной лаской ниспустился
Из лазоревой дали
Неба посланный к ребенку,
Сыну бедному земли.

Он простер, благословляя,
Крылья над его главой;
Уст его коснувшись, молвил:
«Пуй, что прожито тобой».

II

Много лет всходило солнце,
Солнце меркло много лет —
В душу детскую запавший
Дремлет ангельский завет.

Развеваются туманы
От весенней теплоты —
И в душе младенца зреют
Предрассветные мечты.

Чует он прилив неожиданный
Пробуждающихся сил.
С мукой сладкой слов он ищет,
Хочет петь, что пережил.

В песне юноши сказались
Грезы утра, сны ночей,
Детства радости и горе,
Грусть и счастье юных дней;

Страсти творческой улада,
Бранной сечи стон и кровь,
Солнце, грозы странствий дальних,
Жажда славы и любовь.

Все, чем сердце пламенело,
Спела песнь. Не даром он
Слышал смутно в колыбели
Шелест крыл и арфы звон.

III

Лист опавший попирая,
Шел задумчиво седой
Престарелый песнопевец
В бурю осени сырой.

Шел он, в кровь изранив ноги,
Шел по темному пути,

Возводя с надеждой взоры,
Пел о свете впереди.

«О, безумец!» — говорили
Люди, — «гредишь, хоть и сед,
Все поешь, иль не довольно
Вынес горестей и бед?»!»

Кротко старец улыбнулся,
Обратясь к толпе людской, —
И пленительно запели
Струны арфы золотой:

«Пусть я лучшие растратил
Силы в жизненном бою —
Но один есть дар: донные
Душу красит он мою.

«Нет, не ждите, чтоб я в сердце
Песню вольную сокрыл:
С колыбели мне уж пели
Звоны арфы с плеском крыл.

«Возвожу ли очи к свету,
Лью ли слезы я порой,
Не смолкая должно петь мне
Все, что пережито мной,

«До поры, когда умчавшись
На серебряных крылах,
Жизнь другую, песнь иную
Я узнаю в небесах!»

Осташево
26 июня 1910

Из Сюлли-Прюдомма

I

Просьба

О, если б знали вы, как больно
Жить без подруги одному,
То к дому подошли б неволью
Вы моему.

И знали б вы, что взором сладко
Вам утешать меня дано,
Вы заглянули бы украдкой
Ко мне в окно.

Когда бы знали вы, как много
Я в жизни выстрадал своей,
Тогда вы сели б у порога
Моих дверей.

А знали б вы, что вас люблю я,
Как никому вас не любить,
Зашли бы, счастье мне даруя,
Вы, может быть.

Красное Село
14 июня 1888

II

Глаза

Как много карих, голубых,
Любимых глаз зарю встречало!
В могилах спят они теперь,
А солнце всходит, как бывало.

Ночь краше дня; как много глаз
Ее пленялося красою!
На небе звезды все горят,
А те глаза оделись тьмою.

Ужель угас их взгляд? Нет, нет,
Не может быть! Они взирают
Куда-то вдаль и то, что мы
Зовем незримым, созерцают.

Светила меркнут, заходя,
Но все ж на небе остаются:
Так и у глаз есть свой закат,
Но смерть не может их коснуться.

Как много карих, голубых
Закрылось глаз, любимых нами!
За гробом вечная заря
Им светит дивными лучами.

Красное Село
30 июля 1895

Из маркиза де-Фудра

СОНЕТ

Д. С. Арсеньеву

Ты в моряки идешь; то славное влечение:
Оно пленяет всех, кто бодр и смел душой.
Мятежный океан и в мир грозит войной
И в буре отдых шлет усталому в сраженье.

Но чтоб высокое исполнить назначенье,
У Бога доблести проси на подвиг свой;
Не может обойтись без них солдатский строй,—
Вдвойне их требует — матросское служенье:

Готовься жертвовать и жизнью вместе с кровью,
Люби Отечество горячею любовью
И с гордой радостью честь флага защищай.

Бесчувствен к похвалам, к наградам равнодушен,
Единой совести внушеньям будь послушен
И, мздой гнушаяся, успехи презирай.

Павловск
7 мая 1910

Из Альфреда де-Мюссе

* * *

Не забывай! Когда заря рассвета
Чертог волшебный солнцу распахнет;
Когда сребристой ризою одета
Задумчиво по небу ночь плывет;
Когда трепещет грудь от жажды наслаждений,
И вечер сладостных навеет сновидений,
О, слушай, лес шумит,—
Тебе он говорит:
Не забывай!

Не забывай, хотя б судьба разлукой
Грозила нам с тобою навсегда;
Хотя бы блекло с безнадежной мукой
В изгнании сердце долгие года;
Припомни грусть любви, припомни расставанье.
Что́ даль и время тем, кто знал любви страданье!
К тебе, пока я жив,
Стремится мой призыв:
Не забывай!

Не забывай, когда засну глубоко
С разбитым сердцем я в земле сырой;
Когда цветок тихонько, одиноко
Над гробовой распушится плитой.
Мне не видать тебя; но верною сестрою
Бессмертная душа все будет жить с тобою.
Услышь в ночной тиши
Ты стон моей души:
Не забывай!

Павловск
30 декабря 1910

Из Виктора Гюго

НАДЕЖДА НА БОГА

Надейся, о дитя! Все завтра, завтра снова
И завтра и всегда. Верь в Божью благодать!
Надейся, и когда заря зардеть готова,
Благословенья мы с молитвой будем ждать.

За грех, о, ангел мой, нам суждены страданья.
Быть может, за святой молитвы лишний час,
Господь, благословив и слезы покаянья
И грезы чистоты,— благословит и нас.

Мраморный дворец
5 января 1911

* * * *

М. И. Ростовцеву

Здесь, о Гликарья, здесь, о царица, Асандра супруга,
Из родника твоего выпил воды я с вином;
Жажду свою утолив, я промолвил: и в жизни и в смерти
Всем, кому гибель грозит, ты избавленья даришь.

Павловск
28 января 1910

---

* Фонтан у могилы нимфы в Нимфее. Эпиграмма.

Из Стеккети

* * *

В. В. Пушкаревой-Котляревской

Когда спадут листья, и ты пойдешь
Искать на кладбище мой крест могильный,

В укромном ты углу его найдешь
И всход цветов вокруг него обильный.

Для русских кос твоих сорви же ты
Живые сердца мертвого цветы:

То недопетых песней расцветанье,
То недосказанной любви признание.

Мраморный дворец
16 февраля 1910

Из Шекспира

КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV

Часть II. Акт IV, сцена IV

Отрывок

От переводчика

«...Король Генрих IV» неоднократно был переводим на русский язык. Приведем указания на все переводы второй его части, о которых могли собрать библиографические справки.

В сборнике «Наставник, или Всеобщая система воспитания». Часть I. С.-Пб. 1789. В отделе примеров для театральной декламации (стр. 268—274) помещен перевод сцены между королем и принцем Генрихом. Сборник этот в оригинале писан на английском языке. Русский перевод с немецкого издания сделан Михаилом Веревкиным.

В сборнике «Учитель, или Всеобщая система воспитания». Часть I. М., 1789. Перевод той же сцены сделан с немецкого, в прозе, Александром Андреевичем Петровым и помещен на стр. 101—103.

«Шекспир. Перевод с английского Н. Кетчера». Часть I. М. 1841. Полный прозаический перевод обеих частей хроники «Король Генрих IV». Этот же перевод вышел вторым изданием «Драматические сочинения Шекспира». Перевод с английского Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэн Колльером старому экземпляру 1632 года. Часть 1. М. 1862.

«Сочинения Генриха Гейне» в переводе русских писателей, под редакцией Петра Вейнберга. Т. III. С.-Пб. Здесь на стр. 205—207 помещен монолог Болинброка (стихи 312—350 нашего отрывка) в стихотворном переводе Ф. Н. Устрялова. Во втором издании «Сочинений

Гейне» (Т. III. С.-Пб. 1875) перевод того же монолога помещен на стр. 249—251.

«Полное собрание драматических произведений Шекспира» в переводе русских писателей. Издание Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. II. С.-Пб. 1866. Обе части хроники переведены стихами и прозой А. Л. Соколовским. Этот же перевод выходил в 1876 и 1880 годах — Н. В. Гербель. «Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира» в переводе русских писателей. Т. II. С.-Пб. 1888*. Обе части хроники переведены стихами и прозой П. А. Каншиным.

«Полное собрание сочинений В. Шекспира». Перевел П. А. Каншин. Т. IV. С.-Пб. 1893. Обе части хроники переведены прозою.

...Далеко не все английские издатели Шекспира ведут счет стихам текста; из знакомых нам изданий только у Делиуса и Ирвинга число стихов выставлено на полях. Мы принимаем счет по Делиусу.

Передадим вкратце содержание IV-й сцены IV-го акта II-й части хроники.

Действие происходит в одной из комнат дворца в Вестминстере 20-го мая 1413 года. Появляется король Генрих IV; ему не более 46 лет, но он изнурен болезнью. За ним входят его сыновья: второй, двадцатипятилетний Томас Кларенс, и четвертый, Гомфрей Глостер, с одним из приверженцев короля, графом Варвиком. Король говорит им, что, если ему удастся одержать верх над восставшими против него вассалами, он направит молодые силы Англии к более высокой цели, то есть предпримет крестовый поход. Флот вооружен, войска в сборе; остается только самому оправиться от болезни и дожидаться поражения мятежников. Он спрашивает сыновей о их старшем брате, Генрихе,

---

* Эти библиографические указания были составлены в 1893 году. С той поры перевод обеих частей хроники перепечатан в 1896 году в пятом томе «Полного собрания сочинений Шекспира» в переводе А. Л. Соколовского.

принце Валлийском и, узнав от них, что наследник престола веселится в Лондоне в обществе своих беспутных приятелей, сокрушается над поведением старшего сына. Варвик, заступаясь за принца Валлийского, говорит, что он не бесчинствует, подобно своим спутникам, а только изучает их, как изучают чужой язык: при этом надо узнать каждое слово, даже самое непристойное, чтобы, узнав, избегать его. Так и принц: он со временем отвернется от недостойных товарищей.

Тут один вскоре за другим приходят граф Вестморланд и Гаркорд с известием о победе королевских войск над возмутившимися вассалами. Как ни обрадован король счастливым известием, болезнь превозмогает радость, и он лишается чувств. Окружающие полагают, что ему уже не очнуться от этого обморока. Однако Генрих приходит в себя и просит, чтоб его перенесли в другую комнату.

В этом-то месте некоторые издатели, как было сказано выше, и начинают новую сцену. В других же изданиях говорится: они (то есть принцы и лорды) переносят короля в глубину комнаты и кладут на кровать.

Король просит, чтоб около него не было шума и чтоб ему наигрывали тихую и нежную музыку. Он велит положить свою корону подле себя на подушку и засыпает.

В это время, веселый и беспечный, входит принц Генрих; он уже знает о поражении мятежников и спрашивает, слышал ли о том король? Глостер отвечает брату, что отцу стало хуже по получении добрых известий. Все оставляют короля и зовут с собою принца Генриха; но он остается один при отце.

Здесь начинается переведенный нами отрывок [стих 152-й по Делиусу и 21-й по Ирвингу]. Мы кончаем его словами принца Генриха [стих 355-й по Делиусу и 225-й по Ирвингу]. Затем до конца сцены у Шекспира еще 16 стихов, нами не переведенных. Вот их содержание: к королю приходит его третий сын, Джон Ланкастер, сражавшийся против мятежников. Отец говорит ему, что радость свидания с

ним не может продлить угасающей жизни и что смерть близка. Он зовет Варвика и спрашивает, нет ли какого названия у комнаты, где он впал в обморок? Варвик отвечает, что она называется Иерусалимскою комнатою. Тогда король вспоминает, что ему была предсказана смерть в Иерусалиме, что поэтому он предполагал умереть в Святой земле, и велит нести себя обратно в ту комнату для того, чтобы предсказание сбылось.

Переводя нижеследующий отрывок, мы не строго придерживались пятистопного ямба и часто позволяли себе заменять его шестистопным.

У самого Шекспира нередко встречаются шестистопные стихи; он обращается с размером довольно небрежно. Английские слова большею частью короче русски., и потому, желая соблюсти число стихов подлинника, переводчику были вынуждены удлинять самые строки. Везде же, где у Шекспира стих короче пятистопного, мы старались воспроизвести это в переводе, сохраняя такую своеобразную особенность. Близость к подлиннику нами по возможности соблюдена; но там, где буквальная точность шла бы в ущерб поэтической красоте и свойствам нашего языка, мы не считали себя вправе переводить слово в слово. Вообще мы стремились передать не столько слова, сколько смысл, дух и настроение подлинника.

С.-Петербург
27 декабря 1893

Принц Генрих

Зачем корона здесь у изголовья,
Тревожная на ложе снов подруга?
О, тревожных блеск! О, золото заботы!
Ты часто двери сна широко растворяешь
Ночному бдению!— Спи с ней теперь,
Хоть и не крепким сном, и сладким, и глубоким
Того, кто, на брови колпак надвинув грубый,
Храпит всю ночь до света. О, величье!
Ты голову сжимаешь венценосца,
Как дорогая бронь, что в жар дневной,
Спасая, жжет. Вот перышко повисло
Близ уст его... Оно не шелохнется:
Когда б дышал он, легкая пушинка
Должна бы двигаться...— Мой государь! Отец мой!
Твой крепок сон. Да, это сон, которым
Многих английских уж отнял королей
Сей обруч золотой. Мой долг тебе —
Печаль глубокая и родственные слезы:
Все существо мое, любовь и нежность сына,
О, дорогой отец, заплатят их сполна;
А мне твой долг — корона властелина,
Что мне, ближайшему по сану и по крови,
Принадлежит. И вот, возложена она.

[Надевая ее.]

Господь ее хранит: вся сила мира
Одной рукой гигантской не сорвет
Сего державного наследья. Мне твое
Досталось; так моим достанется мое.

[Уходит.]

Король Генрих

Варвик! Глостер! Кларенс!

[*Варвик и другие возвращаются.*]

К л а р е н с

Звал ли король?

В а р в и к

Что вашему величеству угодно?

Как чувствуется вам?

К о р о л ь Г е н р и х

Зачем меня вы, лорды,
Здесь одного оставили?

К л а р е н с

Принц, брат мой,
Оставшись здесь, хотел побыть с тобой.

К о р о л ь Г е н р и х

Валлийский принц? Где он? Его хочу я видеть.
Его здесь нет.

В а р в и к

Дверь эта отперта: сюда он вышел.

П р и н ц Г о м ф р е й

Он не входил в покой, где ждали мы.

К о р о л ь Г е н р и х

Корона где моя? Кто взял ее с подушки?

В а р в и к

Мы, уходя, здесь видели ее.

К о р о л ь Г е н р и х

Принц взял ее,—искать его подите.

Ужель он так нетерпелив, что принял

Мой сон за смерть? —
Поди, заставь его прийти, лорд Варвик.

[*Варвик уходит.*]

С недугом съединясь, его поступок
Ускорит мой конец. Вот дети каковы!
Мгновенно восстает мятежная природа,
Когда ей злато цель!
Вот для чего отцы в безумном попеченьи
Сон губят думами, заботой — ум,
Трудами — тело,
Вот для чего скопляют груды злата,
С трудом добытого в чужих краях,
Вот для чего детей пекутся обучить
Художествам и ратному искусству!
Подобны пчелам мы: они со всех цветов
Собирают сладкий сок
И, мед держа во рту и в ножках воск, летят
Обратно в улей свой, и словно пчел, в награду
За труд нас убивают... Горечь эта
Отцам заботливым предсмертное возмездье!

[*Варвик возвращается.*]

Но где же он, дожждаться не хотящий,
Чтоб доконал меня недуг, его сообщник?

В а р в и к

В соседней комнате застал я принца: тихо
Слезам орошал он нежные ланиты
С таким глубоким скорби выраженьем,
Что и злодейство в вечной жажде крови,
Его узрев, омыло бы свой нож
Слезам кротости. Сюда идет он.

К о р о л ь Г е н р и х

Но отчего корону он унес?

[*Принц Генрих возвращается.*]

Вот он идет. Сын, подойди ко мне.—
Ступайте все, оставьте нас одних.

[*Кларенс, принц Гомфрей, лорды и проч. уходят.*]

Принц Генрих

Не думал я твой вновь услышать голос.

Король Генрих

Твоим рожден желаньем помысл этот:
Мой слишком долгоден; тебе я в тягость.
Так алчешь ты занять престол мой опустелый,
Что славою моею тебе облечься надо,
Хоть час твой не приспел? О, юноша безумный!
Величья ищешь ты: оно тебя задавит.
Пожди немного; власть моя — что тучка:
Слаб ветерок, ее несущий; скоро
Поникнуть надо ей. Мой меркнет день.
То, что похитил ты, твоим бы стало
Чрез час какой-нибудь. Мне перед смертью
Ты подтвердил провиденье мое:
Ты не любил меня, — то жизнь твоя являла,
И хочешь, чтобы в том уверенный я умер.
Кинжалов тысячи ты в мыслях затаил
И их точил о каменное сердце,
Чтобы на полчаса убавить жизни мне.
Как! Не даешь ты мне и получаса?
Тогда иди, рой мне могилу сам!
Пусть весело колокола трезвонят
Венчанью твоему, а не моей кончине;
Пусть капли слез, что оросили б гроб мой,
На голову твою святым прольются миром;
Меня же с прахом ты смешай забвенья,
Отдай червям того, кем жизнь дана тебе,
Слуг разгони моих, нарушь мои законы;
Пришла пора над чинностью глумиться:
Увенчан Генрих Пятый! Суетность, восстань!

Долой, величье царское! Прочь, мужи
Совета и ума! И к нашему двору
Отсюда праздности собирайтесь обезьяны!
Вы, сорубежники, изблюйте к нам всю мерзость;
Коль блудник есть у вас, шут, пьяница бранчивый,
Ночной кутила, вор, убийца, кто творит
Старейшие грехи на новый лад,—
Возрадуйтесь: уж вас он не встревожит.
Здесь, в Англии, его озолотят вдвойне,
Будь грешен он втройне; здесь, в Англии, найдет он
Занятье, власть, почет, затем, что Генрих Пятый
Сорвет намордник с буйства, и зубами,
Как лютый пес, оно вопьется в неповинных.
О, бедный край, междоусобий жертва!
И власть моя в тебе не сдерживала смуты;
Что ж будешь ты, коль смуты власть придет?
О, станешь вновь ты дикою пустыней,
Обителью волков, как в старину.

П р и н ц   Г е н р и х
[Преклоняя колени.]

Прости меня, о, государь! Когда бы
Моих речей не заглушали слезы,
Предупредил бы я и строгий твой, и тяжкий
Упрек и не дослушал бы твоей
Печали излишня. Вот твоя корона.
Тот, у Кого венец бессмертья, сохрани
Тебе ее надолго. Если мне
Она милей, чем честь твоя и слава,
Не встану боле я: в покорности, как учит
Меня дух верности в сердечной глубине,
Пусть пред тобой простертый ниц пребуду.
Войдя сюда, застал я бездыханным
Твое величество, и — видит Бог —
Застыла в сердце кровь. Когда притворщик я,
О, пусть, как жил, так и умру в распутстве;

Мир недоверчивый пусть не узнает век,
Какой во мне свершился перелом.
Я шел к тебе, взглянул, — ты мертв мне показался,
[И вправду мертв мог показаться ты], и вот что
Короне я сказал, как существу живому,
Ее коря: «Тебе присущая забота
«Снедала моего отца, и потому,
«О, золото чистое, ты злое золото.
«Другое есть, дешевле, но ценнее:
«Оно дарует жизнь в целительном напитке;
«Ты ж, золото чистое величия и славы,
«Носившего тебя сгубило». Государь,
Так обличал ее я, возлагая,
Чтоб с ней померяться, как со врагом,
В моих глазах отца мне умертвившим,
Померяться борьбой преемника по праву.
Но если радостью мне отравила кровь
Она иль помыслы превознесла гордыней,
Но если некий дух мятежного тщеславья
К малейшему меня склонял желанью
Приять могущество венца, Господь на веки
Да отстранит ее от головы моей;
Последним подданным да буду я, пред ней
В священном ужасе склоняющим колени!

Король Генрих

О, мой сын!
Бог в мысль тебе вложил ее унесть,
Чтобы отцу ты вдвое стал милее,
Оправданный столь мудрою защитой.
Сюда, мой Генрих! Сядь к моей постеле
И выслушай совет — последний, полагаю, —
Пока еще дышу я. Сын мой, знает небо,
Какими ложными, окольными путями
Корону я добыл. И сам я знаю,
Как на главе моей она держалась шатко.

Ее ты примешь с миром, с доброй славой,
И утвердишь ее ты за собой.
Вся скверна, мне стяжавшая ее,
Со мною в гроб сойдет. Она была на мне,
Что почесть, буйной схваченная дланью,
А многие сообщники мои
Живым служили мне укором, и отсюда
Рождались, что ни день, раздор с кровопролитьем,
Тревожа мнимый мир. Средь вечных опасений
За эти ужасы ответчиком был я.
Вот драмою какой мое правленье было!
Но ныне все изменит смерть моя:
Что силою добыто было мною,
К тебе путем законным перейдет:
Наследственную ты носить корону будешь.
Но, хоть стоишь ты тверже моего,
Все ж мало утвержден, пока свежа обида:
Врагов, которых ты назвать друзьями должен,
Еще недавно я лишил зубов и жал.
Их кознями сперва был вознесен я
И опасаться мог вновь их же властью
Быть свергнутым. Чтоб этого избегнуть,
Я истреблял их. И теперь хотел
Я многих за собой увлечь в Святую Землю:
Покой бездействия взглядеться дал бы им
В правление мое. А потому, мой сын,
Ты шаткие умы старайся занимать
Борьбою внешнею, и память дней минувших
Изгладят подвиги на дальней стороне.
Я б продолжал, но грудь изнемогает,
И говорить не в силах боле я.
Грех воцарения мне да простит Творец
И с миром за тобой да утвердит венец!

П р и н ц Г е н р и х

Мой государь! Его добыл,
Носил, хранил и мне ты завещал,

Дабы я им по праву владел;
И за него я стану головой,
Хотя б весь мир вступил в борьбу со мной!

С.-Петербург
6 октября — 5 декабря 1892

*Благодарно посвящается вечно дорогой
памяти незабвенного
Павла Егоровича
Келлена*

Действующие лица

Понтий Пилат, прокуратор Иудеи.

Прокула, его жена.

Иосиф Аримафейский

Никодим

Иоанна, жена Иродова домоправителя.

Префект когорты.

1-й трибун легиона.

2-й трибун легиона.

Центурион.

Саддукей.

1-й

2-й

3-й

4-й

фарисеи.

Симон Кириянин, садовник Иосифа

Александр, невольник Прокулы

Руф, поселянин.

Лия, иудейка, невольница Прокулы.

Вартимей, поселянин из окрестностей Иерихона.

1-я

2-я

3-я

мироносицы.

члены синедриона.

сыновья

Симона.

1-й	}	из народа.
2-й		
3-й		
4-й		
5-й	}	женщины
1-я		
2-я		
1-я	}	девушки — продавщицы цветов.
2-я		

Слуга Иосифа.

Голос глашатая.

Голос левита.

Сирийские рабы

Сирийские рабыни } пляшущие, без речей.

Воины, невольники, народ.

Действие в Иерусалиме; оно обнимает неделю от торжественного входа в этот город Христа Спасителя до дня воскресения Христова. Между первым и вторым действиями проходит четверо суток; между третьим и четвертым с небольшим сутки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

У городской стены; она со своими башнями тянется слева, глубоко вдаль. В стене на первом плане ворота; видна только верхняя их часть, нижняя же скрывается под сценой. Дорога, ведущая от них, пролегая ниже уровня сцены, в начале не видна и, постепенно поднимаясь, сравнивается с полом сцены правее ее середины. Здесь дорога загибает влево и, все повышаясь, доводит до узкого прохода, сделанного в здании на заднем плане в глубине, правее середины. Отсюда дорога круто заворачивает влево и тянется на высоте в глубине сцены параллельно рампе, до городской стены, проходя мимо нескольких лавок, где торгуют различным товаром. Эти лавки замыкают вид в глубину слева; плоская крыша их навеса при поднятии занавеса густо занята народом. Дорога, изгибаясь, образует слева площадку, посреди которой растет вековая развесистая маслина, за объемистым стволом которой могут скрыться два человека; между могучих корней этого дерева врос в землю большой камень, служащий сиденьем. С этой площадки слева, приткнувшись к зданиям, которые лепятся вдоль городской стены, ведет вверх узкая лестница с каменной стенкой; ступенями этой лестницы площадка соединена с проходящей в

глубине над нею дорогой. Справа площадка замыкается водоемом, выходящим на образуемый дорогой уклон. Справа на первом плане, против водоема, помещение центуриона и составляющих стражу воинов; с дороги к двери этого помещения ведут несколько ступеней, а самая дверь, расположенная наискось, не видна. Это помещение воинов тянется в глубину и соединяется со зданием, в котором проделан уже упомянутый узкий проход. На площадке, примыкающей к этим постройкам, возвышаются несколько старых запыленных кипарисов. Справа на авансцене, между дорогой и ступенями, ведущими к воинам, угол на уровне пола сцены; в этом углу каменная скамья, прислоненная к стенке, ограждающей ступени. Вечерет. До поднятия занавеса слышны клики восторженной народной толпы.

Явление первое

Сцена запружена народом. У многих в руках пальмовые и масличные ветви и цветы. Уклон дороги до узкого прохода, проделанного в здании на заднем плане, забросан цветами и зеленью и устлан верхними одеждами. За проходом из глубины города слышны постепенно удаляющиеся клики. В проходе давка. Среди общего ликования и радостного шума раздаются отдельные голоса.

1 - й из народа

Благословен Давидов сын!

2 - й

Осанна!

1 - й

Осанна! Царь Израилев, грядущий
Во имя Господа!

2 - й

Осанна в вышних!

1 - й

Благословен наш Царь!

2 - й

На небе мир,
И слава в вышних!

1 - й

Будь благословенно
Грядущее во имя Бога царство
Царя Давида, нашего отца!

3 - й

Кто это?

4 - й (*презрительно*).

Галилеянин!

5 - й (*с верою*).

Пророк!

1 - й

То Иисус, пророк из Назарета.

1 - я ж е н щ и н а

Смотри, вот след копыт Его ослицы.

2 - я

Я подостлала свой платок; по нем
Она ступала со своим осленком.

1 - я

Дай мне платок, отдай!

2 - я

О, нет! Его я
На память о Пророке сохраню. (*Шум тише.*)

В а р т и м е й

* [Нет, не протиснуться! Я опоздал.
Дождусь здесь. Когда закат померкнет,

---

* Налечтанное в скобках при исполнении на сцене выпускается.

И с неба первые заблещут звезды,
Он здесь пройдет в Вифанию обратно.
К ученикам Его пристану я,
И на Себя позволит наглядеться
Божественный, вернувший зренье мне.

(Приходят девушки, продавщицы цветов, с пустыми корзинами.)

1 - я д е в у ш к а

Вернусь домой с пустыми я руками:
Толпа забрала все мои цветы
И под ноги Пророку побросала.

2 - я

Сестра, не сетуй, что за целый день
Труда пропал наш заработок даром.
Я добровольно путь Его устлала
Цветами орошенными лугов.
Верь, розы все и лилии твои
Господь наш примет жертвой благовонной,
Что принесла Его пророку ты.
Он любит лилии полей; не даром
Он говорит о них, что даже сам
Царь Соломон в своей великой славе
Не одевался так роскошно в пурпур
И золото, как всякая из них.]

С а д д у к е й

Обманщик Он! Охота же вам верить,
Что нищий свергнет Кесарево иго
И, воцарившись в городе святом,
Воссядет на Давидовом престоле.

В а р т и м е й

Но и Давид не знатного был рода:
Вчера пастух — на завтра стал царем.

1 - й ф а р и с е й

Презренный! Галилейского бродягу
С Царем Давидом сравниваешь ты!

2 - й из народа

Он бесноватых укрощает словом...

5 - й

Он прокаженным здравие дает...

1 - й

Учитель даже мертвых воскрешает...

С а д д у к е й

То бабьи рассказы. Одни глупцы лишь
В наш век способны верить в чудеса.

1 - я ж е н щ и н а

Но как не верить, если всенародно
Слепорожденному отвёрз Он очи...

2 - я

В Наине юношу вернул Он к жизни,
У матери единственного сына.

1 - й из народа

А в Галилее, в городе одном,—
В каком, теперь названья не припомню,—
Есть Иаир, начальник синагоги;
Он дочь его от смертного одра
Воздвиг...

2 - й

Вчера в Вифании, я видел,
Восстал мертвец по слову Иисуса.

[Зачем ходить далеко: Вартимей,
Скажи нам, как тебя в Иерихоне
Избавил Он от слепоты твоей.

В а р т и м е й

Тому уже лет восемь будет скоро,
На молотье глаза я засорил;
Они болели долго; я все хуже
Стал видеть ими — и вконец ослеп.
Протягивать за подаяньем руку
Пришлось мне и милостыней жить.
Раз, сидя у ворот Иерихона,
Из города я шум далекий слышу:
Как будто моря бурные валы,
Рокоча, бьются о скалистый берег.
Все ближе, ближе шум толпы народной,
И в возгласах и кликах различил
Я имя Иисуса Назаря,
Я понял, что проходит предо мною
Тот праведный Пророк из Галилеи,
Кого молва зовет у нас Мессией,
Целителем недужных и калек
И другом обездоленных и нищих.
И стал взывать к Нему я со слезами:
— «О, Иисус, Давидов Сын, помилуй!» —
Меня молчать напрасно понуждали,
Я все кричал. Другие ж говорят:
— «Остановился Он; вставай, вставай же,
Иди, не бойся: Он тебя зовет». —
Я живо скинул верхнюю одежду,
Бегу к Нему, колени преклоняю
И слышу голос ласковый и тихий:
— «Чего ты хочешь от Меня?» — Ему
Я говорю: — «Учитель, чтоб прозреть мне!» —

И тот же дивный голос раздался —
О, и теперь в ушах моих звучит он:
— «Иди! Тебя твоя спасает вера!» —
И я прозрел.

2 - я ж е н щ и н а

Ну, как Ему не верить!

С а д д у к е й

Вольно вам верить нищему, бродяге!
Меня не убедит сновидец этот,
Помешанный, что бредит на яву.]

2 - й ф а р и с е й

Учитель ваш обманщик, обольститель,
А не пророк и не Давидов сын.

(Возбужденная толпа наступает на саддукея и фарисеев.)

В а р т и м е й

Он оскорбил Учителя!

1 - я ж е н щ и н а

Пророка
Бесчестит он!

3 - й ф а р и с е й

Молчать! Кто дал вам право его пророком
звать?

4 - й ф а р и с е й

Он не от Бога,
А лжепророк.

1 - й и з н а р о д а

Как смеешь ты хулить
Посланца Божия!

1 - й ф а р и с е й

А ты как смеешь
Его посланцем Божьим признавать!

2 - й и з н а р о д а

Самарянин!

3 - й

Пес!

5 - й

Нечестивец!

2 - й ф а р и с е й

Вон!

1 - й и з н а р о д а

Камнями их побить!

С а д д у к е й (подбежав к помещению воинов).

Сюда!

(Народ хватается за камни, угрожая саддукею и фарисеям.)

1 - й ф а р и с е й *(тоже у помещения воинов).*

На помощь!

Явление второе

(На крики из двери выбегает римская стража с центурионом во главе.)

Ц е н т у р и о н

Что здесь за шум?

С а д д у к е й

**Мы, воин благородный,
Здесь справиться не можем с низкой чернью:**

Она царем провозгласить готова
Бродягу, нищего из Назарета;
А мы — мы чтим единого царя!..

1 - й ф а р и с е й

И вашего, и нашего владыку...

2 - й

Да здравствует Тиверий!

3 - й

Много лет, .

И слава кесарю.

В а р т и м е й (в сторону).

У, лицемеры!

1 - й и з н а р о д а (так же).

Приспешники!

2 - й

Продать народ готовы
Они, дрожа за собственную шкуру.
(Ропот толпы.)

Ц е н т у р и о н

Не страшен кесарю и не опасен
Безвредный галилейский проповедник.
Здесь, что ни день, усобья и раздор. (Фарисеям.)
Не сами ли затеяли вы ссору,
Толпу хулой Пророка раздражив?
Ступайте лучше по домам.

(Саддукей и фарисеи спешно уходят в город.)

Явление третье

Центурион (народу).

Уймись! (Воинам.)

Всех, у кого в руках найдется камень,

Схватить и заковать. Ну, разойтись!

(Воины хватают некоторых и уводят. Центурион уходит за ними. Народ разбегается с криками.)

Явление четвертое

1-й из народа

Насильники!

2-й

Злодеи!

3-й

Палачи!

4-й

Нам долго ль иго римское терпеть!

5-й

Скорей бы от неверных нас избавил
Мессия!

1-я женщина

Воцарится Иисус —

И нас освободит...

2-я

Когда ж дождемся!

(Сцена пустеет. Вартимей уходит налево. Солнце начинает садиться. Местность залита красноватым светом. Выходят, беседуя, Иосиф и Никодим.)

Явление пятое

Никодим

[Сбылись слова Захарии-пророка:
«Ликуй от радости, о, дщерь Сиона!
Ликуй и торжествуй, Ерусалим!
К тебе грядет твой Избавитель, Царь твой,
Спасающий, и праведный, и кроткий,
Грядет к тебе, сидящий на ослице
И на осленке, сыне подъяремной».
Но душу мне сомнения терзают:
О, если б мог и я Его признать!]
Четвертый год идет уж, друг Иосиф,
Как Он впервые в Иерусалим
Пришел на праздник. Чистое ученье
И чудеса Его, каких никто
Творить не мог бы, если бы с ним не был
Господь, уже тогда внушили мне,
Что Он от Бога посланный Учитель.
[Уже тогда я тайно ночью темной
К Нему пошел, и дивные глаголы
Услышал от Него. Он говорил,
Что Царства Божия тот не увидит,
Кто не родится свыше от воды
и Духа.

Иосиф

Да, необычайны эти
Слова! И все же, как пловец, который
И сквозь туман угадывает берег,—
В неясной мгле таинственных речей
Я истину божественную чую...
Что продолжай: что дальше, Никодим?

Никодим

Дух дышит там, где хочет; голос Духа
Мы слышим и не ведаем, откуда

Приходит и куда уходит он.
Бывает так со всяким, кто от Духа
Рожден.

И о с и ф

Но как же может это быть?

Н и к о д и м

Он говорил со мной о том, что знает,
Свидетельство давал о том, что видит.
Незлюбивый, Он кротко укорял,
Что земнородные не принимают
Свидетельства Его. Он о земном
Вещал, но не смогли мы верить,— как же
Уверуем, когда заговорит
Нам о небесном Он? Свет в мир явился.
Но в мире тьма была милее людям,
Чем свет затем, что злы дела их были.
Творящий злое ненавидит свет
И не идет ко свету, полный страха,
Что свет деянья злые обличит,
А правое творящий сам ко свету
Идет, чтоб добрые его дела,
Содеянные в Боге, явны были.

И о с и ф

Как глубоко мне в душу западают
Его проникновенные слова!
Ты повторяешь их с благоговеньем,
Три долгих года в сердце носишь их,
Готовый верить чистому ученью,
Ты чудотворца видишь в Иисусе
И все ж Мессию в Нем не признаешь?

Н и к о д и м

В том глубина страданья моего,
Что сердцем я давно Его признал,]

Но ум и знание не допускают
Уверовать в любимую мечту.
[Могу ли я, Израилев учитель,
Пророков отменяя и закон,
Забыть все то, что им противоречит,
И с совестью сомненья примирить?]
Мы знаем: Иисус из Назарета —
Сын плотника, а Избавитель наш,
Израиля надежда, Моисеем
Издавна предреченный нам Мессия,
Восстанет из Давидова потомства
И в Вифлееме должен быть рожден.

И о с и ф

Не сведущ я в законе и пророках...
[И не по мне их глубина и мудрость;
Благоговейно святость их я чту
И верую отеческим преданьям.]
Священные Писания глаголы
Напоминают звезды в небесах;
В тиши ночей из темно-синей дали
Загадочно, таинственно оне
Льют нам свое сияние на землю;
Восхищены нетленною красою,
Мы трепетно подъемлем взоры к ним,
Но их течение в вышине безбрежной,
Неисчислимость их нам непонятны,
Их светлый сонм непостижим и чужд.
Как звездочет, вникающий пытливо
В небес полных огненную книгу,
Ты изучил пророков и закон;
Я ж отдаюсь души слепому чувству,
Порывам сердца повинуюсь я.

(Появляются Симон Киринянин, ведя ослицу с осленком,
и Руф.)*

---

* Ослица с осленком на сцене не появляются.

Явление шестое

С и м о н (Иосифу).

Привет тебе, мой добрый господин!

И о с и ф

Откуда, Симон?

С и м о н

Был я на работе

В полях и виноградниках твоих.
Вдруг слышатся из города мне крики
И шум какой-то: сад твой, господин,
От городской стены совсем ведь близко —
Я в город поспешил на голоса
И увидел на площади близ храма
Несметную толпу; она в восторге
Учителя, ликуя, провожала.
Он ехал впереди, и я узнал
Под ним свою ослицу и осленка.

Н и к о д и м

Но как они Учителю достались?

Р у ф

Так, господин, случилось это: дома
Я был один. Отец ушел работать,—
Послышались шаги. Глянул в окно я —
Пылит дорога. Вот, к ограде нашей
Какие-то два мужа подошли
И, от ствола смоковницы тенистой
Хотят ослицу нашу отвязать.
— «Что делаете вы?» — им закричал я;
Они ж спокойно молвят мне в ответ:
— «Учителю нужна ослица ваша». —
Я посмотрел: от Вифании шел
С толпой учеников Своих Учитель.

Усердно мы — отец, брат Александр
И я, чтим Иисуса. И охотно
Я уступил отцовскую ослицу.
Воссел Учитель, продолжая путь
Через гору Елеонскую в наш город.
Побрел и я за Ним. И вот с горы
Спускаться стали, и внизу открылся
Как на ладони весь Ерусалим,
В лучах горячих золотясь на солнце...
[Запели мы: «Осанна», славя Бога.
Заслыша песнь, из города навстречу
Нам повалил народ; и все росла
Толпа. Пророку нашему бросали
Мы под ноги одежды и цветы.
Лишь в городские Он вступил ворота,
Пришел в движенье весь Ерусалим,
И радостно звучал народный клик:
— «Осанна, Царь Израилев, осанна!» —
В толпе средь нас и знатные нашлись;
Недобрым оком глядя исподлобья
На Праведника нашего, они
Со злобой на ухо Ему шептали:
— «Учитель, удержи учеников»,—
И им Он отвечал:— «Вам говорю Я:
Когда б ученики Мои замолкли,
То камни возопили бы за них!»]

С и м о н

У входа в храм остановился Он.
Я бросился Учителю навстречу
И под уздцы держал свою ослицу,
Когда с нее слезал Он. И, меня
Узнав, Он с кроткою взглянул улыбкой
Мне пристально в глаза и молвил тихо:
— «Ты оказал одну услугу Мне:
Другой жду от тебя Я вскоре, Симон».—

И с этим словом медленно всходить
Стал по широким мраморным ступеням
Он в Божий храм.

[В притворе Соломона
Его подростки обступили.— Он
Детей так любит и так ласков с ними,
И дети льнут к Нему.— «Осанна Сыну
Давидову!» — запела их толпа,
Отцам и взрослым братьям подражая.
Когда ж первосвященник, негодуя,
Ему заметил:— «Или Ты не слышишь,
Что отроки поют?» — Пророк ответил
Словами нашего Царя Давида:
— «Из уст младенцев и грудных детей
Звучит хвала»...] —

А я побрел домой,
Все думу думая, гадая тщетно,
Какую бы еще услугу вскоре
Мог оказать я Божью человеку.

Р у ф

Его слова сбываются всегда.

С и м о н

Пора домой мне с Руфом. Добрый вечер!
Храни вас, Боже!

И о с и ф

Мир тебе. Прощай!

*(Симон и Руф уходят. Иосиф и Никодим садятся под масли-
ной слева.)*

Н и к о д и м

[Я с завистью смотрю и умилением
На простодушие этих поселян.

Они по зову сердца слепо верят,
Не ведая сомнений. Словно птицы
Небесные иль полевые звери,
Они пытливой мыслью не стучатся
В чертога знания запертую дверь.
Им жизнь ясна, страх смерти им неведом,
И нет для них загадки бытия.

И о с и ф

Народ признал Мессию в Иисусе,
Но наши фарисеи, саддукеи,
Законники и книжники навряд
Народную в Него разделят веру.
Не по душе им проповедь Его.
Учение любви и всепрощенья
Не привлечет того, кто сердцем черств,
А гордость их, корысть и лицемерье
Суровых не потерпят обличений.
В среде синедриона злоба зреет,
Борьба идет не на живот, а на смерть,
И должен в ней погибнуть Иисус!]

Явление седьмое

(Входят саддукей и несколько фарисеев. Они не замечают Иосифа и Никодима.)

С а д д у к е й

Об Иисусе можно здесь свободно
Поговорить...

Н и к о д и м

Об Иисусе? Слышишь,
Иосиф?

И о с и ф

Слышу, слышу. Нам с тобою
Они знакомы. Не охота мне
Встречаться с ними: доброго не жду я
От них. (*Пытается уйти.*)

Н и к о д и м (*задерживая Иосифа*).

Молчи!

1 - й ф а р и с е й

Я в храме не был. Что же
Случилось там, скажи?

С а д д у к е й

А вот что; слушай:
Тот, бесом одержимый, галилейский
Пророк, а попросту — бродяга, нищий...

1 - й

Ну, знаю. Дальше.

С а д д у к е й

В храм забрался...

2 - й ф а р и с е й

Где-то

Веревку поднял, свил ее жгутом
И, угрожая, стал распоряжаться:
Гнать покупающих и продающих.

3 - й

Скамьи торговцев голубями Он
Принялся опрокидывать...

4 - й

А также
Столы меновщиков...

С а д д у к е й

Не позволяя
Чрез храм пронести какую-либо вещь...

2 - й

Хоть там был и сам первосвященник,—
Стал разглагольствовать, напоминая
Толпе слова Исаии-пророка:
«Для всех народов будет дом Мой домом
«Молитвы; вы же сотворили в нем
«Вертеп разбойников».

1 - й

Нет, это слишком!
Пора унять Его!

2 - й

Какая дерзость!

1 - й

Расправиться бы с Ним!

С а д д у к е й

На то и звал
Тебя я вон из города. На воле,
Здесь, вдалеке от проклятой толпы,
Что за своим Мессией самозванным .
Бежит, как стадо глупое баранов,
Обсудим лучше мы, что делать нам.
Пусть с вами, фарисеями, нередко
Мы, саддукеи, ладить не хотим.

Но Иисус и вам, и нам опасен:
Объединиться мы должны теперь.
Вы видите, мы сладить с Ним не в силах:
Весь мир идет за Ним из-за чудес
Им яко бы творимых. Коль Его мы
Оставим на свободе, наш народ
Уверует в Него, а там, пожалуй,
Провозгласит царем над Иудеей.
И римляне тогда, бесповоротно
Страною нашей завладев, разрушат
Святой Сион и Соломонов храм.

1 - й

Не лучше ль для избранного народа,
Чтоб галилеянин один погиб,
Чем гибнуть всем из-за Него?

2 - й

Конечно.

Спасти бы нам хоть призрак той свободы,
Которую еще дарит нам Рим!

3 - й

Да здравствует веки Иудея!

4 - й

Да здравствует Израильский народ!

1 - й

Смерть Назарею!

2 - й

Гибель лжепророку!

3 - й

Да гибнет Галилеянин!

4 - й

На смерть!

С а д д у к е й

Вы ничего не смыслите! И тронуть
Теперь вам не дадут Его. Народ
Им только лишь и бредит. Не сейчас ли
Вы сами видели, с каким восторгом
За Ним текла бессмысленная чернь?
Она камнями мигом забрасает
Того, кто б не почтил ее кумира.
Но дайте срок: остынет этот пыл,
И если без народа...

1 - й (в полголоса).

Понимаю!

Тайком...

2 - й (так же).

В глухом, безлюдном месте...

3 - й (так же).

Ночью...

1 - й

Впотьмах...

С а д д у к е й

Внезапно схватим Иисуса...

1 - й

Сведем к первосвященнику на суд...

2 - й

Свидетелей найдем...

3 - й

Вину подыщем...

4 - й

И к смерти без труда приговорим.

И о с и ф (тихо *Никодиму*).

Какая низость! Изверги, убийцы!
Их молча слушать — свыше сил моих.

Н и к о д и м (так же).

Молчи! Зачем нам связываться с ними!

С а д д у к е й

И эта же толпа, за Ним сегодня
Бежавшая как за своим Царем,
Боготворившая Его, поверит
Посмевающим осудить ее Мессию
И будет казни требовать Его.

2 - й

Да, да, ты прав: народ непостоянен
И переменчив, как весной погода.

1 - й

Но чтоб Его схватить в пустынном месте,
Не при народе, надо б разузнать,
Где пребывает Он, где ночь проводит...

С а д д у к е й

Об этом всем разведать я успел.
Среди Его учеников знаком мне
Один, по имени Иуда, родом
Искарот. Звон серебра ушам
Его милее, чем слова ученья

О бескорыстии. Я посулил
Иуде этот сладкий звон; еще мы
В цене не сговорились, но уже
В болтливости его сказалась алчность.

2 - й

Скорей расправиться пришло бы время
С безбожником!

3 - й (*саддукею*).

С тобою я готов
Быть за одно.

1 - й, 2 - й и 4 - й

И я!

Н и к о д и м (*Иосифу*).

К себе пойду я.

С а д д у к е й

Благодарю всем сердцем за такое
Единодушие в правом деле. Но —
Ни слова никому.

1 - й

Что там за шум?

(Невольники несут из города на носилках Прокулу; на других носилках несут Иоанну. Никодим, скрываясь за масляной, уходит в город.)

Явление восьмое

2 - й ф а р и с е й

Сюда несут Пилатову супругу.

3 - й

Кто с нею?

2 - й

Иоанна; муж ее
Зовется Хуза: он домоправитель
У Ирода. Она за Иисусом
С Его учениками, с Магдалиной
В Ерусалим пришла из Галилеи...
И римлян не гнушается она
И входит в их дома.

С а д д у к е й (с низким поклоном).

Привет матроне!

1 - й ф а р и с е й

Поклон, о, Прокула!

2 - й

Живи и здравствуй!

3 - й

Будь счастлива!

4 - й

И мир, и благодать!

П р о к у л а

Благодарю! И мой привет примите.
(Саддукей и фарисеи уходят в город.)

Явление девятое

И о с и ф (идя навстречу Прокуле и знаком останавливая носильщиков).

Я не посмел бы подойти с поклоном,
Когда бы важная меня причина
Не побуждала докучать тебе.

Прокула (носильщикам).

Поставьте здесь под эту масляной
Мои носилки.— Мир тебе, Иосиф!
Привыкла я в приморской Кесарии
К простору синему пустынных волн.
Прибыв сюда на праздник, задыхаюсь
Я в пыльном городе; и за стенами
Мне чистым воздухом полей широких
Хотелось полной грудью подышать;
Но я и здесь тебя готова слушать.

Иосиф

Я знаю, госпожа, ты пылким сердцем
Всегда за правду смело построишь,
И чуткою душою непустишь,
Чтоб праведник невинно пострадал.

Прокула

В любое время и везде, Иосиф,
Я рада встретиться с тобой. И если
Ты к доброму мне делу повод дашь,
Тебе я буду только благодарна.

Иосиф

Ты, несомненно, Прокула, слыхала
Об Иисусе Галилейском.

Иоанна

Ах!

Прокула

Об Иисусе! Слышишь, Иоанна,
О нем и он мне будет говорить!
Который раз сегодня это имя
Звучит в ушах моих! Не за минуту ль

С тобой о Нем беседовали мы?
Я много слышала о нем, Иосиф,
И пламенно Его хотела видеть,
Но не сбывалась моя мечта.
И вот сегодня,— нет тому и часа,—
По узкой улице Он на ослице
Проехал мимо дома моего.
Мне не был виден лик Его сначала:
Понурена была Его глава.
Но с домом, где живу я, поравнявшись,
Возвел Он очи на меня и долго
Остановил на мне пытливый взор.
Ни у кого доныне не видала
Такого я прекрасного лица:
Оно сияло дивным выраженьем
Величья, кротости и тихой грусти.

И о с и ф

Ты только что, прибыв на это место,
Здесь повстречала знатных иудеев.
А перед тем за несколько мгновений
Я, ими не замеченный, услышал,
Как сговорились меж собой они
Его схватить, оклеветать коварно
И осудить на смерть.

И о а н н а

Не может быть.

П р о к у л а

Чем смерть он заслужил?

И о с и ф

Они Его

В преторию на суд должны представить,
Ты знаешь, госпожа, лишь прокуратор

Здесь утверждает смертный приговор...
В твоих руках, о, Прокула, отныне
Жизнь Иисуса. Мужу передашь
Ты, что из зависти, по злобе только
Невинного дерзнули осудить.
Супруг твой — римлянин и не потерпит,
Чтоб римского закона справедливость
Была поругана, чтоб клевета
Над правдою победу одержала.

Прокула

Я мужу передам, что от тебя
Сейчас услышала.

Иосиф

Уж солнце село.
Прости. Мне, Прокула, пора на отдых.
Пойду. Прими прощальный мой привет.

Прокула

Прощай, Иосиф. Добрый вечер! Если
Что новое про Иисуса ты
Разведаеть, то заходи, прошу я,
Ко мне в преторию. Во всякий час
Тебе я буду рада.

Иосиф

Мир тебе! (Уходит.)

Явление десятое

Прокула (Иоанне).

Когда Пилат назначен был сюда,
Я ехала со страхом в Иудею;
Здесь думала лишь варваров найти я,
Непримиримых, мрачных изуверов.

Но вот Иосиф встретился мне здесь,
Сошлась я и с тобою, Иоанна...
Он, как и ты, я вижу, почитает
Того Учителя из Галилеи.
Скажи мне, чем пленил вас Иисус?

И о а н н а

Ах, Прокула, сама Его сегодня
Ты видела... Ужель не ощутила
Ты обаянья образа Его?

П р о к у л а

[Я от тебя не скрою, Иоанна:
Когда на мне остановил Он очи,
Как будто вечность мне в глаза глянула,
И в неземном я взоре том прочла
Такую глубину любви небесной
И полноту такую милосердья,
Что мне по гроб тех глаз не позабыть!]

И о а н н а

И спрашиваешь ты, чем Он пленяет?

П р о к у л а

Я не могу лишь чувству отдаваться;
Рассудком, разумом хочу сознать я,
Чем покоряет Он себе сердца,
Какою силою их привлекает.
Откуда Он? Кто мать Его, отец?
Что знаешь ты про них?

И о а н н а

Из Галилеи

Они. Их город — Назарет. Отец
Давно уж умер. Говорят, что был он
Из рода славного царя Давида;

Он в бедности и родился и жил,
Был плотником и научил и Сына
Тому же ремеслу. И после смерти
Отца один у Матери остался
И плотничьим поддерживал трудом
Марию отрок Иисус.

Прокула

Пютомок

Царей, но темный, незаметный плотник,
Как властвовать Он может над умами?

Иоанна

В сердцах читает Он; все наши тайны
Открыты перед Ним. Он наделен
Великой чудодейственной силой.

Прокула

Я от тебя слыхала, Иоанна,
О чудесах Его; но чудесами
Меня не убедишь. И в Риме также
Мы о чудесных слышим исцеленьях
При храмах Эскулапа иль Изиды.
Мне доводы нужны сильнее этих,
Чтобы уверовать могла я смело
В Его божественность. Но продолжай
Ты имя Матери Его сейчас
Упоминала предо мной. Знакома ль
Ты с Нею и давно ли, Иоанна?

Иоанна

Да, Прокула, Ее давно я знаю
И счастлива, что жребий выпал мне
С ней сблизиться. Нет Женщины прекрасней.
Как в пору вешнюю, когда природа
Как бы торопится явить зарас

Всю полноту своих очарований,
Когда теплом повеет благовонным,
И запестреют первые цветы,
И соловьи по рощам зарокочут,—
Так в образе Марии слил Творец
Все добродетели и совершенства:
В Ней чистота безоблачного утра
И сумерек вечерних тишина,
И ясность нежная луны сиянья,
И непорочность лилий полевых,
И горлицы незлобивость и кротость.
Не даром с белой лилией в руке
К ней прилетал крылатый небожитель.
Пред тем, как стала Матерью Она,
И возвестил рожденье Иисуса.
[С тех пор нередко жены Назарета
Видали,— да и мне самой не раз
Случалось замечать, встречаясь с Нею,—
К колодцу ли с кувшином на плече
Идет Она с горы походкой легкой,
Иль пряжей занята в своем саду,
Или в часы заката на крылечке
С соседками беседу заведет,—
Ее лицо вдруг озарится светом,
Забудет все кругом Она, к кому-то
Невидимому нами устремит
Прекрасный взор, и губы что-то шепчут:
То с ангелами говорит Она.

Прокула

С сердечным трепетом и умилением
Я повесть слушаю твою; она
Загадкою таинственных явлений
И тихой прелестью в душе моей
Затронула неведомые струны:
Хоть чудеса холодный ум смущают,

Но смеем ли мы гордо отрицать
Общенье мира, видимого нами,
С невидимую областью небес?

И о а н н а

Незримое глазам порочным нашим
Доступно неземным очам Марии.]

П р о к у л а

Не знаешь, право, кто из них счастливей:
Мария ли, дав жизнь такому Сыну,
Иль Иисус, любя такую Мать.
[Поведай мне еще о Нем.

И о а н н а

Уж в детстве

Он, говорят, стал чудеса творить:
С ребятами, бывало, птичек лепит
Из глины; у других они, понятно,
И остаются глиной; у Него ж,
Оживши, встрепенутся в малых ручках,
Вспорхнут и с песнью к небу улетят.
Поздней,— уж статным юношей,— однажды
Над чем-то Он работал в мастерской,
Строгал, и стружки в кольца завивались
И падали, на солнце золотясь.
Проходит мимо нищая вдовица
И просит подаянья. Юный плотник
Стал шарить по углам, просил хоть сикля
У Матери, за пряжею сидевшей,
Но в доме ни лепты не оказалось.
Тогда с улыбкой стружку подал Он
Вдовице; и мгновенно превратилась
Та стружка в золото в руках у нищей.]

П р о к у л а

Но главное хочу я знать: чему же
Он учит?

Иоанна

К покаянью Он зовет;
Любить врагов Он нам повелевает
И ближнего, как самого себя.
Платить добром, благотворить Он учит
Тем, кто клянут и ненавидят нас.
Блаженство обещает Он и Царство
Небесное всем, изгнанным за правду,
И алчущим, и жаждущим ее,
И чистым сердцем, кротким, миротворцам
И милостивым всем, и нищим духом.
Он утешенье плачущим сулит.
Он говорит всем тем, кого поносят
И всячески злословят на Него:
«Возрадуйтесь, возвеселитесь, ибо
Награда ваша в небе велика.
Да светит свет ваш пред людьми, да видны
Им будут ваши добрые дела,
Да вознесут они и да прославят
Предвечного Отца на небесах».

Прокула

Твоим речам я внемлю, Иоанна,
И замирает сладостно душа;
Они ласкают, трогают, волнуют,
Мне слышится родное что-то в них,
Как будто мне они уже звучали
Когда-то, где-то, как забытый сон,
Как песня матери над колыбелью...

(Вдали из города, сперва совсем тихо, но постепенно все громче раздается пение учеников Иисусовых*. Уже стемнело.)

* Песнь учеников Иисусовых.

О, Господи! Боже спасенья,
К Тебе я взываю мольбой,

Явление одиннадцатое

Прокула

Но смерклось... Первая звезда зажглась
На небе синем... С трапезой вечерней
Ждет Понтий. Мне давно пора домой.
Какие звуки издали несутся,
В тиши касаясь слуха моего?
Ты слышишь, в городе поют как будто?
Да, там поют: я различаю ясно
Мужские голоса.

Иоанна

То Иисус

Из города в Вифанию идет.
Там Лазарь, друг Его, с двумя сестрами
Живет. Под их гостеприимным кровом
Учителю всегда готов приют.

И жаркие сердца моления
Всегда и везде пред Тобой;
И днем, и в ночное молчанье
Возносятся к небу они.
О, Боже, в ответ на стенанье
Ты ухо Твое преклони!
Во зле находил я усладу,
Душа истомилась моя,
Я жизнью приблизился к аду,
Страшит меня ярость Твоя.
Во рву, в преисподней лежу я,
И смертная сень надо мной,
И, мучась во тьме и тоскуя,
К Тебе я зываю мольбой.
Ты ведаешь, как я страдаю:
Готовы глаза изнемочь,
Я руки к Тебе воздеваю,
О, Боже, весь день и всю ночь.
Услышь этот вопль и моления,
Я нищ, о, Господь, пред Тобой!
О, Боже мой, Боже спасенья,
К Тебе я зываю мольбой!

И Мать Его, пришедшая на праздник,
Теперь гостит у них и поджидает
В доме Лазаря возлюбленного Сына.
Да, это Он идет; я узнаю
Слова псалма царя Давида в пеньи
Двенадцати Его учеников.

Прок у л а (невольникам).

Спешите же, рабы!— О, если б только
Еще хоть раз мне на Него взглянуть!

(Прокую и Иоанну уносят. Сцена некоторое время пуста.)

Явление двенадцатое

(Налево входит Вартимей. Пение из города громче.)

В а р т и м е й

О, наконец! Тебя я вновь увижу!
Пускай с небес на землю пала ночь,
И мрак её мне взоры застилает,
Но Ты, Равви,— незаходящий свет!
Слепым я был, но не глазами только:
Была слепа издавна и душа.
[Она во тьме томилась и страдала,
Я позабыл и правду, и добро,
И только смутное воспоминанье
О непорочной детской чистоте,
Как о давно вдали померкшем свете,
Бессильно теплилось на дне души.]
И вот, свершил Ты надо мною чудо,
И за тобою следом я пошел.
Я услышал Твое святое слово
И ужаснулся мрака своего.

Приди, приди ж, Мессия, Сын Давидов!
Ты, мне глаза телесные раскрывший,
Раскрой теперь духовные мне очи
И душу просвети, о, Раввуни!

*(Преклоняет колени, простирая руки к еще невидимому
Иисусу.)*

*(Песнь слышится уже громко за самым узким проходом в
глубине и продолжается еще по падении занавеса.)*

Занавес медленно опускается.

Коренз
5 июня 1911

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

У Пилата. Перистиль дворца Ирода Великого. Две стены, сходящиеся под прямым углом в глубине сцены. В правой стене две двери: первая, ближайшая к зрителю, на судейский помост (лифостротон или гаввафу), заперта до явления двадцатого; вторая дверь во внутренние покои Пилата. В левой стене, по середине, закрытая занавеской третья дверь, ведущая к выходу из дворца. Между дверьми в правой стене ниша с мраморной статуей. Отступя от стен и параллельно им идет колоннада из нескольких колонн, на которых утверждено перекрытие, образующее навес над проходом между стенами и колоннами; пол этого прохода выше уровня сцены на четыре мраморные ступени, ведущие к каждой из трех дверей. Проход слева ведет к Прокуле, а справа в другие покои. По середине мраморного мозаичного пола фонтан. Отверстие в потолке затянуто легкой тканью, сквозь которую сверху проходит свет. Богатая обстановка: ложе, столы, кресла, скамьи, мраморы, бронза, вазы с цветами, курильницы, светильники, ковры, дорогие ткани. Предраcсветный сумрак.

Явление первое

(Лия, одна, сидит на мраморной скамье и вытирает серебряный кувшин. Вбегает Александр, сильно встревоженный.)

А л е к с а н д р

О, ясный свет моих очей! О, Лия!

Л и я *(пугливо озираясь)*.

Потише, Александр! Остерегайся!

А л е к с а н д р

Нет никого! О, Лия дорогая!

Всю ночь я глаз не мог сомкнуть в волнении...

Я и теперь еще дрожу за нашу

Любовь... Недоброе грозит ей что-то!

Л и я

Мой Александр! О, как страшат меня
Твои слова! В чем дело? Что случилось?

А л е к с а н д р

Вчера, лишь я успел тебе признаться,
И в роще Гефсиманской голоса
Так напугали нас, ты обещала
Свиданье мне в другом пустынном месте.
Туда, я видел, поспешила ты.
Я за тобой поодаль шел, чтоб вместе
Не подглядели нас. И, вдруг, толпа
Мне преградила путь. То были слуги
Первосвященника. Я их узнал
При свете факелов. Не видно было,
Кого вели они; но рассмотрел
Я римских воинов. На меди шлемов
И лат играли месяца лучи
И пламень светочей. Шли эти люди,
Кто с кольями, а кто с мечами... Лия,
Зачем ты не сдержала обещанья
Мне подарить хоть несколько мгновений
В глуши: Иосафатовой долины?
Зачем у моста чрез поток Кедронский,
Под старым кипарисом у гробницы
Меня не дождалась ты?

Л и я

Там ждала я,
Но шум толпы послышался за мной:
Я испугалась и бежать пустилась.
Зачем нам помешали! Ах, зачем
Ты не нагнал меня, мой Александр!

А л е к с а н д р

Потише, Лия! В доме спят. Потише!

Л и я

Не позабуду я вчерашней ночи!
И лунный свет, и тень маслин ветвистых,
Журчанье струй ижданное так долго
Твое, мой милый, первое признание,
Все это сном мне кажется теперь!

*(Из третьей двери, не замечаемая ими, показывается
Иоанна.)*

Но счастье, как всегда, не полно: если б
Мы в нем могли Учителю открыться!
О, дорогой Учитель! Он так добр,
И милостив, и кроток, и приветлив!
О, если бы за нас Он помолился
И брачный наш союз благословил!

А л е к с а н д р

Но, Лия милая, ты позабыла,
Что для рабов не существует брака.
В неволе ты одна моя отрада!
Вплоть до вчерашней ночи мы с тобой
Почти не говорили. Только взором
За каждым я твоим следил движеньем.
Как благодарен я и этой ночи,
И нежному весны благоуханью,
И нашей встрече в одинокой роще
Невольню вылилось мое признание...
Меня не оттолкнула ты, о, пальма
Иерихона, роза Энгадди!

Л и я

О, дорогой, о, милый мой! О, розан
Сарона! Стройный кедр ливанский мой!

Явление второе

Иоанна *(неслышно приблизившись, за их спиной)*.

Привет мой вам, друзья!

(Они в испуге вскакивают. Начинает светать.)

Надеждам светлым

Доверчиво душой вы отдались;

Любовь, как солнце, взор вам ослепила

И вас зовет в заманчивую даль...

(Замечает кувшин и рассматривает.)

Что за изящество! Как здесь сказалась

Искусного художника работа!

[Чеканить так способен лишь один

Среброковач Димитрий из Ефеса

Иль знаменитый Зенодор Арвернский].

Хотя языческий, но все ж прекрасный

Здесь миф изображен: Амур крылатый,

Влюбленный юноша; а вот Психея —

Бессмертная душа, его подруга.

Но я б сказала: Александр и Лия.

Друзья мои! Невольно услышала

Я исповедь доверчивой любви.

Я обладаю нежной вашей тайной.

За то, что мной похищена она,

Я заплачу вам помощь свою:

У Прокулы я буду хлопотать,

Чтоб вам Пилат свободу дал.

Александр

Господь

Вознагради тебя!

Лия

О, госпожа!

Всевышний Бог воздай тебе сторицей

За милости твои!

Иоанна

Моя душа

Скорбит за соплеменников несчастных,
Которым рабство выпало в удел.
И все сыны Израилевы стонут,
Подавлены языческим ярмом;
Но в доме у себя свободен каждый,
А вы, друзья, и дома лишены!

Александр

Не по пусту, конечно, в этот дом
К язычникам ты, госпожа, приходишь
В столь ранний час. Заблещет скоро солнце;
Уже над алтарем Господня храма
Восходят к небу облаком густым
Клубы курений сладких фимиама
И жертвы утренней священный дым.
Сейчас звенящей меди трубным звуком
Левиты возвестят великий день,
Когда опресноки, пасхальный агнец
И травы горькие напомнят нам
О годовщине бегства из Египта.
Мы в этот день должны себя беречь
От осквернения. Как же в дом неверных
Сегодня входишь ты?

Иоанна

Мы в Галилее

Уже давно отстали от закона.
У Ирода в его Тивериаде
В довольстве мы и роскоши живем,
Придерживаясь больше римских нравов,
Чем Моисеева завета. [Только
На праздник Пасхи в Иерусалим
Четверовластник Ирод приезжает

Израилеву Богу поклониться.]
— За мной послала ваша госпожа...

(Слева входит Прокула.)

Явление третье

Прокула

Ты здесь уж, Иоанна! Как я рада,
Что поспешила ты. Недобрый сон
Меня измучил этой долгой ночью.
Как будто в местности пустынной, дикой
Я в сумерки бреду. И вот, вдали
Мерцает свет. Гляжу — и Иисуса
Знакомый дивный образ узнаю.
И тихо, еле слышно издалека
Доносится ко мне Его призыв:
— «Иди за мной!» — Бегу я, что есть духу,
[Но тернии и каменные глыбы
Мне ранят ноги, преграждая путь;
Я все ж бегу, не замечая боли.]
Светлее, ярче образ, ближе, ближе,
Совсем уж близко, вот Он, в двух шагах,—
[Я выбилась из сил, но настигаю...]
Вдруг — пропасть предо мной; внизу, на дне,
[Так глубоко, что взором не измерить,
Во тьме кипит, бурлит, шипит и воет]
Потока бурного водоворот,
А с берега другого, издалека
Зовет и манит светлый образ вновь.
Сквозь шум стремнин опять я голос слышу:
— «Иди за Мной!» — Мечусь в тревоге смертной
Я, как безумная, по краю бездны.
Вот ринулась... Лечу стремглав в пучину
И — просыпаюсь...

Л и я

Это вещий сон!

Прокула

И трижды мне он снился этой ночью.

(Из третьей двери входит Иосиф, сильно взволнованный.)

Явление четвертое

Иосиф

Послушай, Прокула, твоим желаньям
Пришел я с вестью: в роще Гефсиманской
Минувшей ночью схвачен Иисус.

Прокула

Предчувствие меня не обмануло!

Иоанна

О, если б я могла тебе не верить!
— Учитель дорогой!

Л и я

И не найдется
В Израиле заступника Ему?

Александр

О, если б мне иметь Самсона силу!
Так вот кого вела перед собой
Толпа, что мне дорогу преградила!

Л и я

Теперь понятно, от какой толпы
Я ночью, испугавшись, убегала.

(Солнце взошло. За сценой издали слышны доносящиеся из храма звуки труб левитов.)

И о с и ф

Мужайтесь!— Слышите, трубят левиты.
К бессмертному Творцу на небесах
С молитвою прибегнем в час рассвета.
Мы на земле беспомощны и жалки.
Приклонит ухо к нам Он в день печали
И заступленье с помощью пошлет.

(Иоанна и Лия становятся на колени.)

И о с и ф

Боже, всесильной рукою
Столько творящий чудес,
Ты засветил над землею
Светлое солнце небес.
Боже, не только нам в очи
Солнечный свет Ты пролей,—
В сердце, где сумерки ночи,
Так же да будет светлей!

И о а н н а

Дай мне не быть малодушной,
Дай мне смиренной душой
Быть неизменно послушной
Воле Твоей пресвятой.

Дай мне в часы испытанья
Мужества, силы в борьбе!
Дай мне в минуту страданья
Верной остаться Тебе!

Л и я

Солнца лучом озаривший
Смертные очи мои,

Дай мне, людей возлюбивший,
Непрестоящей любви!
В небе во след за ненастьем
Солнцу велевший сиять,
Сердца избранника счастьем
Дай мне всю жизнь озарять.

А л е к с а н д р (преклоняя колени).

Первыми солнца лучами
Ночи рассеявший тьму,
Чистыми дай нам сердцами
Имени петь Твоему.
Труд повседневный, усердный,
Нами творимый в любви
Солнцем Твоим, Милосердный
Господи, грей и живи!

(Встают.)

Пр о к у л а

Утра ль заря золотая,
Солнце ли юного дня,
Тайна ль молитвы святая
Чудно волнуют меня?
Сердце полно умиленья...
Что это? Слезы в глазах?
— Слышны ль земные моленья
Там в голубых небесах?

И о с и ф (Прокуле).

Ужасное свершилось: Иисуса
Судили в эту ночь в синедрионе,
И к смертной казни Он приговорен.

Пр о к у л а

Не даром этот сон мне снился страшный!

Иосиф

Синедрион с восходом солнца снова
Сегодня созван. Наш закон велит,
Чтоб смертный приговор был через сутки
Вновь обсужден. Но судьям невтерпеж
Так долго ждать: они хотят сегодня ж,
До наступленья праздника, добиться
Над Иисусом казни. Нет сомненья,
Что тот же постановят приговор.

Прокула

Еще поспорим мы с синедрионом!
Над неповинностью великий Рим
Не утверждает смертных приговоров.—
Но в сердце все ж волненье и тревога...

(Из второй двери входит Пилат.)

Явление пятое

Пилат

Я вижу, оскверненьем не страшит
Вас дом язычника! Пред самой Пасхой
Встречаю вас у Прокулы в гостях.

Иосиф

Нарушить заповедь одну мне должно,
Чтоб высшую, другую соблюсти.
Предвечный Бог любить повелевает
Нам ближнего, как самого себя.
И та любовь сюда меня приводит.
Я госпожу пришел предупредить,
Что, ослепленный завистью и злобой,
Синедрион великий, к лютой казни

Приговорив Невинного, к тебе
Его на суд представит в это утро.

П и л а т

Кто Он такой?

И о с и ф

О нем не раз, наверно,
Слышал ты: Иисусом Он зовется.

П р о к у л а

Конечно, Понтий, ты не утвердишь
Их приговора. Может ли закон наш
Невинного карать!

(Из второй двери входит центурион.)

Явление шестое

Ц е н т у р и о н

Из Кесарии

Явился вновь назначенный префект
Когорты. Два трибуна легиона
С ним вместе прибыли. Они недавно
Из Рима присланы к нам в Иудею.
Предстать хотят все трое пред тобою.

И о с и ф *(Иоанне)*.

Долг ближнего исполнен, Иоанна.
Здесь делать больше нечего. Пойду.

И о а н н а

Идем. Пора мне к мужу, в Маккавейский
Дворец. Теперь не в пору наше здесь
Присутствие. Простите!

Прокула

До свиданья!

(Иосиф и Иоанна уходят в третью дверь. Александр и Лия за ними. Прокула уходит налево, к себе.)

Явление седьмое

Пилат

Проси сюда префекта и трибунов.
— Центурион, мой верный сослуживец,
Не выношу я этих гордецов
Сенаторов надменное сословье,
Знать золотая, баловни судьбы!
Им счастье дается без усилья.
До них далеко всадникам, второму
Сословью, нам, и потом и трудом
Добившимся чинов, наград и званий!—
Ты знаешь, старый боевой товарищ,
Как трудно пролагать себе дорогу!
И помнишь время прошлое, когда
Вступали в Риме, в юные мы годы,
В блестящие ряды преторианцев.

Центурион

Начальник их, друг кесаря, Сеян,
Всесильный временщик, тебя заметил...

Пилат

Он, как и я, из всадников. На мне
Сказалось его благоволенье.

Центурион

[В трибуны он тебя провел...

П и л а т

А позже

В префекты был я им произведен
В столице Сирии — Антиохии...]

Ц е н т у р и о н

Тебя-то он заметил; ты нередко
Сеяну попадался на глаза.
Меня ж Фортуна только обходила...
И вечно быть центурионом мне!

(За сценой справа, сперва издали и тихо, и все громче шум приближающейся толпы.)

П и л а т

Не унывай, служивый! Я Сеяна
И за тебя успею упросить;
Терпи и жди, и тоже выйдешь в люди...
(Входит Прокула.)

Явление восьмое

Прокула *(тревожно)*.

Что там за шум?

П и л а т

Узнай, центурион.

(Центурион уходит во вторую дверь и впускает префекта и двух трибунов.)

Явление девятое

П и л а т

Приветствую вас, воины, с приездом!
Давно ль из Рима вы?

Префект

Александрийский

Большой корабль недели две назад
Доставил нас в Египет из Путéол.
Туда, как и оттуда, к нам Нептун
Был милостив: лазурной пеленою
Покилось и нежилося море,
Играя в вешнем золоте лучей.
В корму Эол, надувши щеки, веял;
Дней в двадцать плаванья до Кесарии...

(Центурион возвращается.)

Явление десятое

Центурион

Первосвященники и старшины
Со всем синедрионом собралися
Сейчас перед преторией. Они
Какого-то с собою Иисуса
На суд твой привели. Войти сюда
Нельзя уговорить их: оскверненьем
Языческий им угрожает дом.
Они тебя к ним выйти просят.

Пилат

Как бы

Не оскверниться мне дыханьем скверным
Нечистых уст еврейских!

Прокула

Сердце ноет,
Душа болит! О, как меня волнует
Суд, предстоящий Иисусу.— Понтий,
Будь тверд на этот раз, я умоляю.

П и л а т

Ужели в твердости моей сомнение
Есть у кого-нибудь. — Я не пойму,
Что так тебя волнует и тревожит!
Ждет моего суда еврей какой-то:
Когда невинен Он, Его на волю
Я отпущу; а если смертной казни
Достоин, — повелю казнить. Одним
Презренным иудеем меньше будет...

(Префекту и трибунам.)

Вот жизнь моя в проклятом этом крае!
Здесь, что ни день — доука и забота;
Об отдыхе нельзя и помышлять.
— Служебный долг зовет. — Вам поручаю
Беседою развлечь мою супругу.

(Уходит во вторую дверь направо. Центурион за ним.)

Явление одиннадцатое

Префект

Благодарить богов должны бы гости
Твои, что неудачу потерпел
Старик Север Цецина: представлял он
В сенате, чтоб прокураторам провинций
Законом было впредь воспрещено
Брать жен своих с собой. Когда б в сенате
Прошел такой закон, не испытали б
Мы ласки твоего гостеприимства.

(Шум толпы за сценой справа.)

Пр о к у л а *(рассеянно, прислушиваясь к шуму).*
Да, в самом деле. Может быть... Конечно...

2 - й т р и б у н

Когда б всех прокураторов супруги
Подобны были нашей госпоже,
Прекрасной Прокуле, тогда Северу
Сенат тревожить не было б нужды.

П р е ф е к т

Север имел в виду жену Пизона,
Наместника Сирийского, Планцину.

(Шум стихает.)

1 - й

Планцина и Пизон! Да не они ли
Тринадцать лет назад в Антиохии
Наследника Тивериева трона —
Германика коварно отравили?

П р е ф е к т

Да, то они. Повсюду в те года
Недобрые про них ходили слухи.

1 - й

Планцина гордая была не прочь
В дела правленья вмешиваться; было
У ней пристрастье к войсковым ученьям.
Подчас ее видали окруженной
Толпою воинов простых; они
Пред нею не стеснялись. Все водилась
Она с центурионами.

(Опять голоса за сценой справа.)

П р о к у л а *(с напускной веселостью).*
Забавно!

2 - й

Матроны любят узы порывать,
Что женщине назначены природой...

1 - й

Одни во всем вооруженьи в бой
Вступают с гладиаторами в цирке...

(Голоса смолкают.)

2 - й

Другие — ночи напролет проводят
На пиршествах, побившись об заклад
С мужчинами, кто больше выпьет.

1 - й

Знаю
Я и таких, что в тяжбах и в других
Делах судейских сведущи настолько,
Что сами предъявляют иск.

2 - й

А мало ль
У нас любительниц стихов, что сами
Стихи в количестве изрядном пишут...

Пре ф е к т

О качестве не станем говорить.

1 - й

Беда к таким любительницам в гости
Попасть за стол: рта не дадут открыть,
Без умолку, как взапуски, болтают
О том, кто выше из больших поэтов:
Гомер или Вергилий.

2 - й

[Хуже нет,
Как если в философские науки
Ударится матрона.

1 - й

Знал одну я,
Что в роскоши по горло утопала,
Но свитки строгих стойков у ней
Валялись между шелковых подушек.

2 - й

Одна была весьма дурна собой,
Притом в годах преклонных, и любила,
Чтобы за трапезой иль одеваьем
Читали ей «Республику» Платона...
О нравственности ей и воздержаньи
Читают вслух; тут подает рабыня
Любовную записку. Это пишет
Какой-нибудь юнец, все состоянье
Свое продувший в кости и влюбленный
Не столько в прелести матроны, сколько
В ее сестерции. Чтец умолкает.
Поспешно тут же пишется ответ,
И снова, глядя в зеркало, внимает
Почтенная матрона назиданьям
«Республики» Платона.]

1 - й

Я знавал
Наклонную к учености старуху;
У ней был нанятой в дырявой тоге
Бедняга-стойк. В Остию, на виллу
Под сень олив она переезжала,
И стойк следовал за ней в обозе

С цирюльником и поваром в последней
Повозке, в грязь, под проливным дождем.
Везти ему старуха поручила
Любимую мальтийскую собачку.
И вот, дорогой, в тоге у него
Собачка преисправно ошенилась!

Пр о к у л а

Печальный, жалкий образ начертали
Вы римской женщины! Ужели в ней
Лишь низкие, постыдные, смешные
Черты? Ведь не угасли ж навсегда
В ней доблесть, мужество и добродетель?

(Опять шум толпы.)

Пр е ф е к т

В наш век упадка нравов, алчной страсти
К наживе, век поборов и мздоимства,
Когда мы спину гнем низкопоклонно
Пред силою, и тою же спиной
Ворочаемся к слабым, к неимущим,
Когда задачу жизни мы и цель
В корысти только, только в деньгах видим,—
Откуда взяться доблести?

*(Шум за сценой усиливается. Слышно, что толпа уходит.
Голоса постепенно удаляются и затихают.)*

Пр о к у л а *(принужденно, рассеянно).*

Конечно. *(В сторону.)*

Толпа уходит... *(Префекту.)* Может быть...

Пр е ф е к т

Прошло

То время славное и не вернется,
Когда бывало мужество и жен

Уделом, и глубоко добродетель
Таилась в благородной их душе.
Наш век испорчен, люди измельчали,
И к разрушенью клонится наш мир.

(Входят Пилат и центурион.)

Явление двенадцатое

П и л а т

Уф! Легче целый день в бою кровавом
Германцев отражать, чем полчаса
С еврейскою толпою препираться.

П р о к у л а

О, расскажи подробно, Понтий, все,
Что было там за дверью. Я сгораю
От нетерпенья.

П и л а т

Выхожу я к ним.

Смотрю, перед возвышенным помостом,
Внизу на площади шумит народ;
Первосвященник, книжники и члены
Синедриона впереди. Ко мне
По мраморным ступеням стража всходит
И Узника ведет. И Он предстал
Передо мной без обуви, одетый,
Как нищий. Но в убогом этом виде
Величествен казался Он, как некий
Под рубищем скрывающийся царь.
Он не похож на иудея; сходства
В Нем нет ни с кем из остальных людей.
С достоинством, спокойно, без движенья,
Без тени робости или тревоги
Он вдумчиво и прямо мне в глаза

Смотрел. И этот строгий взор как будто
Преследует меня... Я от него
И до сих пор избавиться не в силах.

Прокула

Глаза Его! Возможно ль их забыть!

Префект

Я не видал Его, но все, что слышу
Об этом Человеке, таково,
Что скоро, кажется, души коснется
Утраченная вера в Зевса, Феба
Или Гермеса, шедшего на землю
Под скромным видом нищего еврея!

Пилат

На площади шумели все задорней;
Со всех сторон злобнее все кричали,
И все росла толпа. [Я крик расслышал:
Христом, Царем себя Он называет!
Он развращает наш народ! Он подать
Нам запрещает кесарю платить.

Прокула

Клеветники, лжецы и лицемеры!
Их книжники — недели нет еще —
Поставили ему вопрос лукавый:
— «Достойно ль подать кесарю платить?» —
И Он своим ответом устыдил их,
Сказав им:— «Воздавайте Божье Богу,
А кесарево — кесарю». Иосиф
Мне это передал.] Что ж было после?

Пилат

Что было после?.. Разве я могу,
Как ты, как Иоанна, как Иосиф,

Запомнить слово каждое Его?
И до Него ли мне теперь! Заботы
Есть у меня и поважней.— Пускай
Вот он расскажет.

Ц е н т у р и о н

Ты ушел к себе
В преторию. По твоему приказу
Я Иисуса одного, без стражи,
Привел к тебе. Его спросил ты, Он ли
Царь Иудейский? Но взамен ответа
Вопрос Он тоже задал: от себя ли
Ты говоришь, или тебе другие
О Нем сказали? [— «Разве иудей я!» —
Ты возразил:— «Мне предали Тебя
Первосвященники с Твоим народом».—
Тогда сказал Он...]

П и л а т

Да, припоминаю.
Он мне сказал, что не от мира царство
Его. Итак, для кесаря, для Рима
Не страшен Он и не опасен.

П р о к у л а

Дальше!

Ц е н т у р и о н

Что если бы от мира было царство
Его, то за него бы подвизались
Служители Его, чтоб не был предан
Он иудеям.

П р е ф е к т

Как хитер, однако,
Богopodobный этот проповедник!

П и л а т

И говорил мне, что на то родился
И в мир на то пришел Он, чтобы... чтобы...

Ц е н т у р и о н

Чтоб дать свидетельство...

П и л а т

Да, да, чтоб дать
Свидетельство об истине какой-то.
Смысл этих слов загадочен, таинствен
И темен для меня.

П р о к у л а (центуриону).

Не помнишь ли,
Центурион, что дальше говорил Он?

Ц е н т у р и о н

Что всякий, кто от истины Его
Услышит голос.

П р о к у л а

Истина! Я верю,
Ее откроет Он, научит ей
И миру грешному даст обновенье!

П р е ф е к т

Пустые, громкие слова! Не верю
Всем этим я мечтателям. Их много
На свете в наше время развелось;
По-своему из них толкует каждый
И жизнь, и смерть, и тайну мироздания,
И бытие загробное души.

Но ни один из них лучом познания
Тьмы, нас навек объявшей, не прорежет.
От их учений нам лишь остается
Одно ничтожество, и прах, и тлен.

П и л а т

Да! Что есть истина?— Опять к народу
Я вышел и сказал, что в Подсудимом
Вины не нахожу. Они ж твердили
Настойчиво, что возмущает Он
Народ, уча везде, от Галилеи
До самого Ерусалима. Только
Тут вспомнил я, что Он из Галилеи.
И в ум пришла счастливая мне мысль
К четверовластнику Его направить.
Мы в ссоре с Иродом; так вот прекрасный
Предлог с ним помириться.

Ц е н т у р и о н (*Прокуле*).

В Маккавейский
Дворец толпою к Ироду они
Погнали Иисуса.

П и л а т

Как отрадно,
Что средство легкое нашлось сбить с рук
Докучный долг суда над Иисусом.
В свои покои, Прокула, прошу,
Уйди теперь: матроне не пристало
Присутствовать при деловой беседе.

(Уходят: Прокула — налево, а центурион — во вторую дверь.)

Явление тринадцатое

П и л а т

Вас, воины мои, не поздравляю
Я с жизнью в Иудее. Здесь народ
Строптивый, мстительный, упорный, склонный
К раздорам, проишкам и мятежу.

П р е ф е к т

Не каждый ли народ имеет свойства
Хорошие с дурными вместе? Должно
Из первых пользу выжимать, вторые ж
С терпением умело подавлять.

П и л а т

За двадцать лет перед моим правленьем
Четыре прокуратора успели
Избаловать народ. Свободно он
Богослуженье в храме отправляет;
Здесь иудеев в войско не вербуют.
Щадя их отвращенье к изваяньям
Всего, в чем есть дыхание и жизнь.
Власть Рима в беспремерном послабленьи
Здесь не добилась, чтоб Ерусалим
Был статуями косарей украшен.

1 - й т р и б у н

Да, я не видел здесь изображений
Ни Юлия, ни Августа, ни даже
Божественного нашего владыки
Тиверия — храни его Юпитер!

П р е ф е к т

Великий наш властитель, покоряя
Народы чуждые, нигде досель

В терпимости широкой не касался
Обычаев и верований их.

П и л а т

Назначенный сюда, не мог снести я
Подобного позора и, кормило
Правления рукою властной взяв,
Велел тайком из Кесарии ночью
В Ерусалим, в Антониеву башню
Отнести когорт знаменные отличья —
Значки с изображением священным
Божественного кесаря.

П р е ф е к т

Опасный
И смелый шаг! Позволено да будет
Правителя поздравить мне с такой
Отважною решимостью.

П и л а т

Когда
Увидели с рассветом иудей
Значки когорт между зубцами башни,
[Что высится над площадью широкой,
Где храма жертвенный алтарь курится,
Они густой толпою в Кесарию
С стенами и воплем повалили.
Пять дней и пять ночей они меня
В моем дворце упорно осаждали.
Я, наконец, велел загнать их в цирк.
Их жалобы все громче раздавались.
Когда ж, по знаку моему, сверкнув
Мечами, воины их окружили,
На землю пав и шеи обнажив,—]
Толпа вскричала, что умрет скорее,

Чем надруганье над законом их
Снесет.

Префект

Но прокуратор, нет сомненья,
Поставил на своем?

Пилат (*в некотором смущении*).

Кровопролитья

Не допустил я... Я значки когорт
Велел унести обратно в Кесарию.
И ненавистны стали с той поры
Евреи мне.

2-й трибун

Не очень-то их любят
И в Риме. Помнится, тому назад
Лет десять, было выслано оттуда
Вольноотпущенных евреев тысяч
До четырех.

Пилат

Божественный Тиверий

Такую меру принял по совету
Сеяна, не терпевшего евреев.
Правитель мудрый, дальновидный Элий
Сеян и мне наказывал, меня
Поставив в Иудею, быть построже
С народом здешним. И теперь щиты
Из золота литого, на которых
Тиверия божественное имя
Начертано, я здесь перед дворцом
Развесил.

Префект

Их я с площади заметил,
Входя сюда; украшен ими мрамор
Перил перед твоим судейским креслом.

П и л а т

Что в Риме нового? Здоров ли кесарь?

П р е ф е к т

Стареет.

1 - й т р и б у н

Уж ему восьмой десяток.

2 - й

Все также он страдает лишаями,
И пластыри чернеют на лице.

1 - й

Уж много лет его не видно в Риме.

2 - й

На острове, отшельник венценосный,
Печальный век свой доживает он.

1 - й

В его сады и рощи на Капрее
Немногие к нему имеют доступ.

2 - й

Под сенью портиков и колоннад
Из цветников на берегах скалистых
Любуется он видом на Везувий
И на морской синеющий простор.

П р е ф е к т

Он облысел и сгорбился. Со смерти
Сеяна...

П и л а т

Что? Сеяна нет?

П р е ф е к т

Да разве

Сюда еще не долетела весть
О том, как страшно он погиб?

1 - й т р и б у н

Его

Тиверий в государственной измене
Письмом к сенату обвинил.

П р е ф е к т

Сеяна

Судили.

1 - й т р и б у н

В тот же день он был казнен.

2 - й

Чернь статую его перед театром
Помпея мигом в прах с подножья свергла
Веревками за шею.

1 - й

Труп Сеяна,

Истерзанный, по улицам три дня
Толпа народа волочила.

П и л а т

Боги!

Погиб Сеян! Сеян, мой покровитель!

О, весть ужасная! Кто будет мне
Заступником, оплотом и опорой
Отныне!..

(Из второй двери входит Александр.)

Явление четырнадцатое

Александр

Элий Ламия, легат
Сирийский кесаря, тебе с Капрен
Прислал гонца. Вот, господин, письмо.

*(Вручает Пилату покрытую воском дощечку, на которой
написано письмо.)*

Префект (трибунам).

Идем, друзья. От Ламии посланье,
Конечно, важную приносит весть.
Не будем прокуратору помехой.

(Все, кроме Пилата, уходят во вторую дверь.)

Явление пятнадцатое

Пилат (читает письмо).

«Прошло время, когда, по наущениям Сеяна, иудеи были в немилости у кесаря. Ныне им возвращено благоволение нашего владыки. На острове Капрее получена жалоба иерусалимских граждан на то, что прокуратор Иудеи, презирая их верования и законы, вывесил перед дворцом посвященные кесарю золотые щиты. Августейший повелел мне объявить тебе его гнев и требует, чтобы щиты были возвращены в Кесарию и помещены в храм Августа»...

(Ломает в мелкие куски дощечку.)

Когда б Сеян, заступник мой, был жив,
Не стал бы Ламия, мой старый недруг,
Тиверия велье исполняя,
Мне строк таких писать.— Нашла гроза:
Как молния негаданно-нежданно
Сверкнула весть о гибели Сеяна;
Теперь Владыки мира гнев палящий
Меня разит ударом громовым.
Куда укрыться! Где найти спасенье!
И есть ли в целом свете уголок
Неведомый, далекий, потаенный,
Где б со своей Капреи неприступной
Зловещий, лысый, сгорбленный старик
Рукою дряхлой, сморщенной, но мощной
Не мог меня достать и раздавить?
Нет, не уйти от глаз его всезрящих,
Как от грозы небес не схорониться.
А потому верней и безопасней
Чудовищу во власть себя предать.
Пусть...

(Справа за сценой шум приближающейся толпы.)

— Голоса и шум я слышу... Это
От Ирода еврейская толпа
Ведет обратно Иисуса... Как бы
Ни порешил четверовластник, я
Закон исполню. Иисус невинен.
Сомненья нет. Его я отпущу
И кесарю дам случай убедиться
И в правосудии, и в беспристрастии,
И в твердости наместника его.

(Уходит во вторую дверь направо.)

Явление шестнадцатое

(Входят: Прокула, Александр и Лия слева, а Иоанна — из третьей двери.)

Прокула (Иоанне).

О, наконец! Я заждалась тебя!
— На площади, ты слышишь, Иоанна,
Опять шумит народная толпа.
Конечно, там, у Ирода, была ты?

Иоанна

Да, Прокула, была.

(Шум за сценой стихает.)

Прокула

О, расскажи,
Что было там?

Иоанна

Давно четверовластник
Мечтал увидеть Иисуса...

Прокула

После
Ты это мне расскажешь. Не томи!
Скорей скажи, скорей, что сделал Ирод?

Иоанна

Он приказал к Пилату Иисуса
Назад отвести.

Прокула

Так, значит, у Пилата
Опять в руках и жизнь Его, и смерть?

И о а н н а

Да, Прокула. Теперь супруг твой должен
Постановить решение.

П р о к у л а

Я не в силах,
Неведеньем томясь, сомненьем мучась,
Ждать окончания этого суда!—
В преторию беги скорее к мужу...
Разведай, Александр... Нет, погоди!
Скажи... Скажи ему, что сон мой... Знаешь...

А л е к с а н д р

Готов я, госпожа.

П р о к у л а

Да передай
Ты прокуратору, чтоб не дерзал он...
Чтоб ничего не делал он Тому...
Меня ты понял?.. Праведнику... Боги!
Я вся дрожу... Скажи, что много, много
Во сне сегодня ночью пострадала
Я за Него... Спешите же, Александр!

А л е к с а н д р

Бегу, бегу!..

П р о к у л а

Постой! Не слишком долго
Ты оставайся там. Я изнываю,
Не зная ничего... Скорей вернись,
Или пришли сюда центуриона,
Или кого-нибудь, чтобы нам знать
Про этот суд...

А л е к с а н д р

Все, госпожа, исполню.

(Уходит во вторую дверь.)

Явление семнадцатое

Прокула

Прости мне, что рассказ твой, Иоанна,
Я перебила. Но сама ты видишь,
Я так волнуюсь... Я не нахожу
Себе покоя.— Ирод,— начала ты,—
Давно мечтал увидеть Иисуса.
Теперь рассказывай, что в Маккавейском
Дворце ты слышала.

Иоанна

О, не волнуйся!

Оправданным вернулся Иисус;
[Сомнения нет, что и супруг твой также
Его не обвинит.— Спокойно слушай,
Что видела я там.— Четверовластник
В многоколонном восседал престольном
Чертоге, надушенный, разодетый
В золототканый пурпур и виссон.
Вокруг него курильницы струили
Благоуханный дым. Между колонн
Кругом белели мраморные боги.
В руках рабынь-египтянок прекрасных
Качались тихо, плавно опахала
Над головою Ирода. Сюда,
В обитель лени, роскоши и неги,
Введен был Иисус.

Прокула

Ну, что же? Дальше!

Иоанна

Первосвященники наперерыв
Божественного Узника винули:
В кощунственных речах и в богохульстве,
И в непокорности властям, и в том,
Что дерзостно Себя Он Иудейским
Царем перед народом выставляет.

Прокула

И что же Ирод?

Иоанна

Он внимал небрежно
Наветам фарисеев. К злобе их,
К змеиному их шипу равнодушен
Казался он. Он сам стал задавать
Вопросы Иисусу; обещал
Вернуть Ему свободу, если чудо
Он совершит пред ним. Учитель наш
Ему в ответ не проронил ни слова].

(Новый взрыв голосов за сценой.)

Голоса народа

Варавву! Отпусти Варавву нам!

Прокула

Что там они кричат?

Лия

Мне, госпожа,
Послышалось...

Иоанна

Что, Лия?

Прокула

Говори же!

Лия

Мне кажется, я разобрала имя
Вараввы... Только...

Прокула

Кто такой Варавва?

(Голоса народа еще громче и ожесточеннее.)

О, этот крик! Свирепой черни вопли
Вонзаются мне в уши, как ножи!

Лия

Варавва, говорят, разбойник...

Иоанна

Да,

Да, вспоминаю: в городе недавно
Он возмущенье поднимал. Не так ли?

Лия

И совершил убийство. Он теперь,
Слыхала я, сидит в темнице.

Прокула

Что же

Те крики значили?

(Голоса, до сих пор все усиливавшиеся, начали стихать.)

Л и я

Не понимаю.

П р о к у л а

[Но продолжай рассказ свой, Иоанна.

И о а н н а

И на смех поднял Иисуса Ирод,
Глумиться стал над Ним и потешаться,
А царедворцы дружно изошрялись,
Изобретая шутки и насмешки.

П р о к у л а

Какие низости!

И о а н н а

Уничижив

Его, над Ним наиздевавшись вдоволь,
Приказ дал Ирод воинам своим
Лоснящуюся белую одежду
На Узника надеть, тем знаменуя,
Что смертной в Нем он не нашел вины.]

Я в л е н и е в о с е м н а д ц а т о е

(Из второй двери входит префект.)

П р е ф е к т

Прости меня, о, госпожа: быть может,
Не в пору мой приход. Но чует сердце,
Что из претории вестей ты жаждешь.
Сдается мне, что этот Подсудимый
Успел твое участие возбудить.
Ты видишь в Нем Учителя, Святого;
Не скрою: этой веры в Иисуса
Я не могу с тобою разделить.

Но я твоей сочувствую тревоге
И всей душой жалею о тебе!

Прокула

Благодарю, наш добрый гость, сердечно
Благодарю! Ты верно угадал
Желания мои.— Ты, Иоанна,
Его не знаешь? Это новый наш
Префект из Кесарии.— О, поведай
О том, чему свидетелем ты был.

(Опять крик толпы за сценой.)

Префект

Супруг твой, сидя на судейском кресле,
С высокого помоста к иудеям
Держал такую речь:— «Вы говорите,
Что развращает этот Человек
Народ ваш. Но при вас я это дело
Исследовал. Виновным не нашел
Я Иисуса в преступленьях, в коих
Вы обвиняете Его. Итак,
В угоду вам Его я накажу
И, наказав, верну Ему свободу.

Прокула

Что говоришь ты? «Наказав»? Иль я
Ослышалась?

Иоанна

К чему же наказанье,
Коль никакой не найдено вины?

Префект

Я повторяю только то, что слышал.
Так прокуратор говорил.

Прокула

Постой...

В толк не возьму я... Если Обвиненный
Винновым на суде не признан, можно ль
Наказывать Его?

Префект

Я, госпожа,
Подвластен прокуратору; прилично ль
Мне порицать его иль восхвалять?

Прокула

Забудем прокуратора; я мненье
Твое узнать желаю: допустимо ль
Наказывать Безвинного?

Префект

Заметь,
В угоду лишь толпе он Иисуса
Решил подвергнуть наказанью.

Прокула

Вот как!
Да, сделка с совестью, уступка силе.
Ведь это слабость, малодушье, низость!—
Но говори, что далее случилось?

Префект

Тут вспомнил прокуратор, что у них,
У Иудеев, давний есть обычай
На Пасху одного из заключенных,
Кого народ укажет, отпускать
На волю. [И сказал им прокуратор:
— «Хотите, чтоб на праздник отпустил я

Царя вам Иудейского?» — Толпа
Отхлынула. Народ стал совещаться
Со старцами и книжниками.] Тут
Тобою посланный вбежал невольник.
Я слышал, как супругу твоему
Передавал он про твою тревогу,
Про сновиденье. Жалостью томим,
К тебе участия полный, захотел я
Подать надежду, помощь, утешенье.
Тогда народ потребовал свободы
Какому-то разбойнику Варавве.

Прокула

Так вот что значил этот клик толпы!

Префект

И с этой вестью поспешил к тебе я.

(Вбегает во вторую дверь Александр с бледным, измученным лицом.)

Явление девятнадцатое

Александр

Что видеть мне пришлось!

Прокула, Иоанна, Лия

Да говори же!

Александр

Правитель пред толпой возвысил голос:

Наставника хотел он отпустить.

— «Распни, распни Его!» — они кричали.

Прокула

Смерть крестная!

И о а н н а
Учителя распять!

Л и я
О, горе, горе, горе!

П р е ф е к т
[Продолжай!

А л е к с а н д р
Он говорит:— «Какое зло Он сделал?»
Но громче прежнего они ревели;
И превозмог их вопль. И] прокуратор
Его когорте отдал и велел
Подвергнуть бичеванью.

И о а н н а
Ужас! Ужас!

П р о к у л а
О, горе жгучее! О, вечный стыд!

Л и я
Скорбь без конца! Возлюбленный Учитель!

(Женщины плачут. Опять крики за сценой.)

П р е ф е к т *(в сторону)*.
Хорош, однако, этот твердый, стойкий,
Неколебимый, праведный судья!
И полкогорты было бы довольно,
Чтоб проучить безмозглую толпу!
(К Александру.)
Что ж далее?

А л е к с а н д р

В когорте Севастийской
Почти все воины из самарян,
А самаряне исстари не терпят
Нас, иудеев...

П р о к у л а
Дальше!

И о а н н а
К делу!

А л е к с а н д р
Случай
Удобный выпал им над Иудейским
Царем, хотя б и мнимым, неприятель
Свою сорвать. Там, за дворцом, толпа их
На воинском дворе Его к столбу
Нагого привязала. Бич ужасный
Взвился, со свистом воздух рассекая.
Жестокие посыпались удары,
Терзая тело...

П р о к у л а (затыкая уши).

Замолчи!

И о а н н а
Довольно!

Л и я

О, ужас!

П р е ф е к т
Да, ужасен этот бич!

А л е к с а н д р

Там на дворе терновый есть кустарник.
И ветвь один из воинов сорвав,
Сплел из нее венок. С весельем диким
Им увенчали Узника они.
В Его чело, в виски шипы вонзились;
[Из-под венка страдания рубины —
Пурпуровые выступили капли.]
Другой накинул на плечи Ему
Дырявую багряную хламиду,
А вместо скипетра дал в руку трость.
И перед Ним склонялись на колени
И, трость взяв из руки, по голове
Его они немилосердно били...
И с хохотом и шутками плевали
В Его окровавленное лицо...

П р о к у л а

Злоден!

И о а н н а

Изверги!

П р о к у л а

Беги скорее

К Пилату, Александр, и возвращайся
С вестями к нам!

А л е к с а н д р

Бегу я, госпожа!

*(Убегает во вторую дверь и сталкивается с входящим
оттуда центурионом.)*

Явление двадцатое

Центурион

Свершилось бичеванье. Прокуратор,
Несчастливого увидев, ужаснулся.
Его истерзанный кровавый вид
Разжалобит, он думал, иудеев.
В венке терновом, в багрянице, с тростью
К ним вывел я Страдальца Иисуса.
[И произнес Пилат:— Се Человек!] —
Но лишь народ Его завидел, снова
Поднялся крик:— «Распни Его, распни!» —
И говорят их старцы, что имеют
Закон; что по закону их Он должен
Быть умерщвлен за то, что выдавал
Себя за Сына Божия.

Префект

Так вот как!
Не только «истины свидетель» Он,
Не только «Царь», хотя б и не от мира
Сего, но даже «Божий Сын»! Однако
Высоко метит этот Иудей!

Прокула

Твои слова мне больно ранят сердце
Не верь, но только не глумись!

Центурион

Правитель

От слов «Сын Божий» видимо смутился.
В преторию он вновь вошел, велел мне
И Узника туда к нему ввести.
Казалось, что злосчастный Подсудимый
Благоговейный страх ему внушал.
Чтоб с глазу на глаз с Ним не оставаться,

Мне приказал Пилат не уходить.
[И с дрожью в голосе Его спросил он:
— «Откуда Ты?» — Но лишь молчанье было
Ему ответом.— «Мне ль не отвечаешь»,—
Ему он молвил:— «Иль не знаешь Ты,
Что властен я Тебя распять и властен
Свободу дать!» — И Узник отвечал:
— «Ты не имел бы власти надо Мною,
Когда б то свыше не было дано.
Грех большой посему на том, кто предал
Меня тебе». — И после этих слов]
Опять к народу вышел прокуратор.—
Позволь мне распахнуть вот эту дверь.

(Открывает первую дверь направо. Гул голосов слышнее.)

Отсюда виден весь лифостротон.
Смотри, как жарко с кресла своего
С толпою препирается правитель.
Теперь еще уверенней, чем прежде,
Еще упорней ищет отпустить
Он Узника.

(Прокула подходит к двери. Иоанна и Лия — за нею.)

Явление двадцать первое
Г о л о с а д д у к е я (за сценой).

Когда Его отпустишь,—
Ты кесарю не друг!

Г о л о с 1-го фарисея
Затем, что всякий
Дерзающий царем себя назвать,
Противник кесарю!

Иоанна

Смотри, как вздрогнул
И стал белее снега прокуратор.

Прокула

Трибуну знак он подал...

Центурион

То велит он
Опять к народу вывести Иисуса.

Иоанна

Да! Вот претории раскрылись двери...
Его ведут!..

Лия

О, ужас!

Прокула

Боги! Что

С Ним сделали они!

(Чтобы не лишиться чувств, прислоняется к колонне. Иоанна и Лия стараются не подпускать ее к двери.)

Префект

Невыносимо

Ей на несчастного смотреть!

Лия

Заприте

Скорее эту дверь!

(Центурион запирает дверь.)

И о а н н а

Не надо к двери
Пускать ее!

П р о к у л а

В себя я прихожу...
Мне лучше... Мне... Пустите, ах, пустите!..
Зачем меня вы держите?..

(Дверь снова отворяется. Стремительно вбегает Александр, хватая со стола кувшин с лоханью и бросается к фонтану зачерпнуть воды. Дверь остается открытой.)

Я в л е н и е   д в а д ц а т ь   в т о р о е

Г о л о с   П и л а т а   (н а с м е ш л и в о) .

С е   Ц а р ь   в а ш !

П р о к у л а

Я слышу голос Понтия! Пустите!

И о а н н а

Молю тебя, не подходи к той двери!

Г о л о с   н а р о д а :

1 - й

Возьми, возьми!

2 - й

Распни Его!

3 - й

Распни!

Лия

Что делаешь ты там? Зачем вода?

Александр

Воды велел подать наш господин.

(Убегает.)

Явление двадцать третье

Голос саддукея

На смерть!

Голос 1-го фарисея

На крест!

Голос 2-го

Возьми Его!

Голос 3-го

Распни!

Голос Пилата (с горькой насмешкой).

Царя ли вашего распну?

Прокула

Ты слышишь?

То говорил мой муж...

Иоанна

О, успокойся!

О, Прокула, поберегись!

Голос 1-го фарисея

Не знаем

Царя мы!

Г о л о с 2 - г о
[Нет у нас царя!]

Г о л о с 3 - г о

Не нужно

Царя нам!

Г о л о с с а д д у к е я

Царь у нас единый: кесарь.

П р о к у л а (*вырываясь*).

Пустите!.. Прочь!.. Пустите к этой двери!
Пустите же! Все, все хочу я видеть!

(*Крики смолкают.*)

Г о л о с П и л а т а (*после молчания*)

Я умываю руки в знак того,
Что неповинен я в крови невинной.
За Праведника вам держать ответ!

Г о л о с н а р о д а

Пусть кровь Его на нас и детях наших!

Занавес быстро падает.

Павловск
12 января 1912 г.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Дом и сад Иосифа Аримафейского у занимающей всю сцену справа высокой городской стены, сплошь заросшей плющом и зеленью. От этой стены в глубине под прямым углом тянется наискось через всю сцену влево каменная ограда сада, отделяющая его от дороги, которая невидимая зрителю, по ту сторону ограды и вдоль ее, ведет от выхода из городских ворот, видимых своею верхней частью на заднем плане за оградой и городской стеной над образуемым ими углом. Слева дом Иосифа выступает лишь небольшой пристройкой с плоской крышей под пестрым шатровым навесом. На этой крыше два дивана, стол, кожаная корзина со свитками Ветхого Завета. Сиденья и стол покрыты дорогими коврами. Дом примыкает к вышеупомянутой ограде. С крыши ведут каменные ступени на площадку, примкнутую к той же ограде. Тут каменная скамья. Стоящему на площадке ограда приходится почти на высоте плеч, так что ему видна дорога. С площадки в сад спускаются несколько ступеней. В углу справа в глубине водоем. Между ним и ступенями на площадку и на крышу в ограде калитка, ведущая на дорогу. Справа на авансцене ход в глубину сада. В саду вазы, скамьи, цветы. Около полудня. Солнечная погода.

Явление первое

(Иосиф сидит на кровле, читая свиток закона. Никодим медленно всходит к нему по ступеням.)

И о с и ф

А, это ты, мой старый друг! Как рад я,
Что, наконец, опять ко мне зашел
Ты, Никодим! Садись, садись вот здесь,
Поближе, так. Давно, давно хотелось
Мне по душе с тобой поговорить.
Поверишь ли, в последние недели
Я, добрый друг, тебя не узнаю:
[В тебе таится что-то; ты рассеян,

Сдвигаешь брови сумрачно, молчишь,
Не отвечая часто на вопросы,
И всех сторонишься. О, друг мой, брат.]
Откройся мне, скажи: что, что с тобою?

Н и к о д и м

Иосиф, друг мой! Верно угадал
Ты, что во мне упорно и жестоко
Два борются начала...

И о с и ф

Вижу, вижу.

Н и к о д и м

Всегда и раньше ум боролся с сердцем;
Но никогда борьба глухая эта
Меня не мучила так нестерпимо,
Как в эти дни — нет, даже и не дни —
В часы, протекшие с минувшей ночи...

И о с и ф

Что ж? Над Учителем внезапный суд
И смертный приговор...

Н и к о д и м

Не только это.
Ужасно то, что я... что я...

И о с и ф

Так что же?

Н и к о д и м

Ужасно то, что я — не понимаю.
О, как мучительно — не понимать:
[Я сам себя не раз ловил на чувстве,

Что смутное питаю упование
На Иисуса. Мне подчас казалось,
Что это Он — обещанный Мессия,
Что свергнет Он языческое иго,
Освободит Израильский народ,
Прославится, воссядет на престоле
Давидовом и с высоты Сиона
Над нами будет царствовать во век.
Но вот настал день радости священной,
Канун великой Пасхи иудейской —
И рухнула последняя надежда!
Иосиф, друг мой, ты, наверно, помнишь:
Назад тому три года тайно я
К Нему пошел глухою, темной ночью.
Но знать не можешь ты, зачем пошел я;
Так выслушай.— Со всею силой веры]
Давно, уж с ранних лет вникаю я
В закон, в преданья, в заповеди Божьи.
Чем глубже в мудрость их я погружаюсь,
Тем все ясней, все явственней, все ярче
Обозначается передо мной
Та ложная стезя, которой наши
Законники и книжники ведут.

И о с и ф

Куда ж ведут они?

Н и к о д и м

Куда — не знаю!

Не к Богу только.

И о с и ф

Что? И это ты,
Израилев учитель, иудейский
Начальник, ты, ты, Никодим, дерзаешь
Произнести такое слово?

Никодим

Да,

Дерзаю потому, что Моисеев
Закон, пророчества, преданья старцев
И совокупность нашего ученья
Мне слишком, слишком дороги и близки.
В них правда вечная, в них жизнь, в них
Бог!

Но только в них одних, не в толкованьях
Священников, законников, левитов.
Ужели вера есть у этих членов
Синедриона, этих фарисеев
И саддукеев?

Иосиф

У кого ж она?
Кто ж верует?

Никодим

Кто?— Дети, только дети.
Я и себя ребенком малым помню.
Как я тогда глубоко верил в Бога!
К Нему любовью чистой и горячей
Пылало сердце детское мое,
Он надо мной парил в безбрежном небе,
Его нетленной синевой меня
Он осенял, меня тогда любил Он.
Ему молился я,— нет, не молился:
Тогда еще не научили люди
Меня Ему молиться. В эту высь
Рвался к Нему душою я и плакал,
Да, плакал в несказуемом восторге
Отрадными, счастливыми слезами,
И в тех слезах общенье находил
С моим Создателем.— Скажи, Иосиф,

Не каждый ли из нас переживал
Такие чувства в отрочества годы?
Теперь ответ: чему же обучают
У нас детей?

И о с и ф

Какой вопрос! Чему?
Конечно, вере в истинного Бога,
Его закону, заповедям Божиим...

Н и к о д и м

Нет, не тому, Иосиф, не тому!
Нет, измышленьями сухого знания
Уже давно у нас подменены
Святой закон и заповеди Божьи;
У нас царит обрядность вместо веры,
А вместо Господа — синедрион.

И о с и ф

Опомнись, Никодим! Что говоришь ты?
Божественную истину и веру
Священники незыблемо хранят.

Н и к о д и м

Священники?! Да вдумался ль, Иосиф,
Ты в то, что с нею сделали они,
С божественною истиною этой?
Они ее упрятали в Святая
Святых за пышнотканую завесу
И, в серебро и золото заковав
И драгоценными убрав камнями,
Заволокли куреньем фимиама.
Вот, вот что с истиной они свершили!
[Ты зришь ли Бога своего, Израиль?
Ему ты внемлешь, избранный народ?
Не видишь и не слышишь?— И не нужно!

Тем истина у нас сохранней, тем
Незыблемей, верней и безопасней
Мы Божье откровенье соблюдаем.]
Народ! Он проклят! И пускай невеждой
В законе будет он. С него довольно
Уплаты десятин и тонких правил
О том, как очищенье совершать,
И приношений, и даров, и жертв,
И почитанья строгого субботы.

И о с и ф

Друг Никодим, спокойней, без боязни
Теперь я слушаю тебя. Сперва мне
Почудилось, что пошатнулся сам
Ты в вере в Божью истину святую;
[И страхом за тебя, мой верный друг,
Болезненно душа затрепетала.]
Но вижу, ты, как прежде, в вере тверд.
[За бедный наш простой народ скорбишь ты,
И скорбь твою всем сердцем я делю.]
— Послушай: здесь сейчас меня застал ты
За чтением Исаяи-пророка.
Раскрой же свиток,— нет, не тот,— другой,
Вот этот.— Дай! Смотри внизу страницы,
Вот здесь: «К чему Мне множество всех
ваших

Кровавых жертв? Так говорит Господь.
Я всесожженьями онов и туком
Откромленных пресытился тельцов.
Не нужно Мне всей этой крови агнцев»...

Н и к о д и м

Иосиф, друг, не странно ль? Вот ответ
На мысль мою. Всевышний Сам устами
Пророка Своего вещает нам,
Что обветшало прежнее служенье.

И о с и ф

Да, верю я; не далеко то время,
Когда не в городе царя Давида,
Когда не в этом пышном храме только,
Но где бы ни было под небесами
Создателю миров, Отцу, как дети,
Поклонниками истинными мы
Повсюду поклоняться будем в Духе
И истине.

Н и к о д и м

Опять взыграло сердце,
Твоим речам внимая. Узнаю
Слова святыя Иисуса. Верю
Душою всей, умом и сердцем верю,
Что Он с небес на землю послан Богом,
Чтоб с нами новый заключить завет.
Он, Он — давно обещанный Мессия,
Сомненья нет!.. — И вдруг, лишь только вспомню
Синедрион, полночный суд, Пилата,
Допрос и этот смертный приговор, —
Как у стрелой настигнутой орлицы
Беспомощно поникнут крылья веры,
И в глубь и мрак сомнений я паду.

И о с и ф

Не унывай, друг верный мой! Надейся
И жди! Не будем дерзко предрешать
Божественную волю Провиденья.
(*Входит слуга.*)

Явление второе

С л у г а

Готова трапеза!

И о с и ф (Никодиму).

Друг, оставайся
И трапезу со мною раздели!

(Все трое уходят налево.)

Явление третье

(Справа, из глубины сада входят Симон, Руф и Вартимей
с садовыми орудиями.)

С и м о н (утирая пот).

Как солнце горячо в открытом поле!
Еще вчера с вершин Ливана ветер
Навеял холода и пахло снегом;
Безоблачная ночь была свежа,
А уж сегодня к полдню стало жарко.

Р у ф

На крыльях ласточек летит весна!
Смотри, отец, уж две из них хлопочут
Пюд крышею у старого гнезда.
Который год они сюда летают!
А здесь, под вазой, алый гиацинт
Готовится раскрыть, пригретый солнцем,
Своих кудрей румяных завитки.

С и м о н

Да, снова нам Всевышний посылает
Отрадную, счастливую весну!
Пючуяли ее тепла дыханье,
Из муравы вытягиваясь к небу,
Стеблей прекрасных белоснежных лилий.
Что стоило б им к празднику расцвеств!

Так любит их хозяин! Нет, до завтра
Не зацветут.

В а р т и м е й

Какое счастье! Снова
Прозревшими глазами вижу я
Красу и блеск, и прелесть мира Божья,
И ласточек, и солнце, и цветы!

С и м о н

[Да, Вартимей! С заоблачного неба
Призрел Господь на слепоту твою,
И нашему Учителю позволил
Твои глаза избавить от нее.
А на земле, как и в надзвездном небе,
Заботливый и щедрый благодетель
Помог нужде и бедности твоей.
Хозяин добрый наш! Благословенно
Его да будет имя! Сколько слез
Он сердобольною отер рукою!
Не счесть убогих, сирых и вдовиц,
Которым Он оказывает милость.

Р у ф

Не много сыщется в Ерусалиме
Таких господ, как наш Иосиф. Он
Да Никодим, его приятель верный,
Тот самый, что на кровле с ним сейчас
Беседовал, во всем синедрионе
Пю доброте сердечной не найдут
Себе подобных.

С и м о н

Да, не мог хозяин
Избрать себе достойнейшего друга.]

(Стук в калитку.)

Стучится кто-то там.— Руф, отпри!
(Руф отпирает калитку. Входит Иоанна.)

Явление четвертое

Иоанна

Хозяин дома? Я по делу.

Симон

Дома

Хозяин, дома, госпожа! Тебе
Всегда он рад. Теперь он с Никодимом
За трапезой.

Иоанна

А! Старый Симон! Здравствуй!—
С недобрыми вестями от Пилата
Я прихожу. Как больно мне, друзья,
Быть предвозвестницей великой скорби.

Симон

О, госпожа, мы все готовы слышать.

Руф

Позволь узнать, в чем дело, госпожа?

Вартимей

Не с Иисусом ли беда случилась?

Иоанна

Ты угадал. На крест он осужден.
Здесь, этой улицей, в ворота эти
Его сейчас должны вести на казнь.

Р у ф

Нет, это невозможно!

С и м о н

Как? Учитель!

В а р т и м е й

Не может крестною позорной смертью
Он умереть!

Р у ф

Прости нас, госпожа!
Но эта весть такой вселила ужас
В моей душе, что не могу я верить.

В а р т и м е й

Он — Праведник! Он чудеса творит!

С и м о н

Ни на какое зло Он не способен!

Р у ф

Его на казнь! И на какую казнь!

И о а н н а

О, если б я сама могла не верить,
Что это правда, что еще сегодня
Свершится казнь!

В а р т и м е й

О, Господи, зачем
Глаза мои несчастные прозрели?
О, если бы ослепнуть им опять,
Чтобы не видеть мне Его мучений!

С и м о н

А помнишь, Руф, дней пять назад, когда
У входа в храм я под узцы ослицу
Держал, пока с нее слезал Учитель,
Мне посмотрел в глаза Он и сказал,
Что и другой ждет от меня услуги.

Р у ф

Да, помню, помню; я еще ответил,
Что неизменно все Его слова
Сбываются. Ну, как теперь им сбыться!

*(На кровле появляются Иосиф и Никодим; Симон, Руф и
Вартимей принимаются за садовые работы.)*

Явление пятое

И о а н н а

Вот и хозяин ваш! *(Всходит по ступеням.)*

И о с и ф

Чей это голос?

А, Иоанна! Гостья дорогая!

(Сходит ей навстречу на площадку.)

Ты из дворца? С какими же вестями?

И о а н н а

С недобрыми. По долгом колебании
Их приговор правитель утвердил.

Н и к о д и м

Все кончено.

И о а н н а

Уж воины готовят
Орудие позорнейшей из казней.
К тебе я прямо из дворца Пилата
Пришла по просьбе Прокулы. Она
В таком отчаяньи! Она просила
Ей передать, что здесь увидим мы.

(Справа за сценой шум приближающейся толпы. Симон, Руф и Вартимей бросают работу. Симон подходит к калитке и смотрит в нее на улицу. Руф — за ним. Вартимей взбегают по ступенькам и смотрит через стену.)

Явление шестое

С и м о н

Ведут! *(Крик.)*

Р у ф

Вдали по улице, я вижу,
Толпой валит народ.

В а р т и м е й

Несется пыль...
Вот воины, а впереди глашатай.

И о а н н а

[Ах! Слышишь, издали, как шум приборя
Мятежных волн, бегущих к берегам,
Доносится толпы народной говор.]
Я вся дрожу, Иосиф. Ближе... Ближе!
О, если бы не слышать и не видеть!

И о с и ф

Мужайся!

И о а н н а

Боже Вышний, дай мне силы!

Н и к о д и м

Молитесь!

Г о л о с г л а ш а т а я (за сценой справа издали, протяжно,
нараспев).

Иисус Назарянин,
Царь Иудейский!

В а р т и м е й

Вот кричит глашатай.

С и м о н

Да, слышу, слышу!

Н и к о д и м

О, жестоковыйный
Израильский народ! Народ строптивый!
Сыны погубили, вы позабыли,
Оставили вы Бога! Ярый гнев
Его не научил вас покоряться
Безропотно святой Господней воле.
[Когда Он вывел из Египта вас,
И расступилось море перед вами,
Когда пустыней мрачною вы шли,
И ваш пророк и вождь при блеске молний
Под грозные раскаты грома, в туче,
На высоте дымящейся горы
Беседу вел с Творцом сорокадневно,
Вы, вы тогда что делали в долине?
Из золота вы отлили тельца
И вокруг него неистово плясали
И в мерзостных бесчинствовали играх.

Вас пощадил Создатель и простил.
Чем вы Ему воздали за пощаду?]
Он посылал пророков вам и мудрых,
И праведных, а вы? Вы гнали их
Из града в град, бесчестили, камнями
Их побивали и казнили их.
Дополните же ныне меру ваших
Отцов! Один, последний остается,
Всевышним посланный с небес на землю
К вам с проповедью мира и любви.
Как Моисей вознес змию в пустыне,
На крест вы Иисуса вознесете.
Но знайте: не отпустится во веки
Ни вам, ни детям вашим этот грех!

(Шум толпы, все приближавшийся и усиливавшийся во время речи Никодима, теперь уже слышен на сцене за оградой справа.)

И о а н н а *(хватая за руку Иосифа)*.

Вот Он! Смотри!

И о с и ф

Пророчество свершилось:
«Он Человек, издевавший болезнь
И весь покрытый ранами... Отторгнут
Он от земли живых... За преступленья
Народа Моего на смерть ведется!»...

С и м о н

Он изнемог под тяжестью креста...

В а р т и м е й

Он обессилел...

Р у ф

Пошатнулся...

Иоанна

Ах! (Крик.)

Симон

Упал! Учитель наш!

(Поспешно убегает в калитку.)

Явление седьмое

Голос саддукея (за оградой).

Вперед!

Голос 1-го фарисея (за оградой).

Иди же!

Голос центуриона (за оградой, сострадательно).

Он выбился из сил...

Вартимей (Руфу; перебегая на левый край площадки,
смотрит через ограду).

Себе отец твой

Взвалил на плечи крест.

Голос центуриона (за оградой).

Уж если поднял

Ты крест, так и неси его вослед

За Осужденным.

Голос 2-го фарисея (за оградой).

Встань!

Голос 1-го (за оградой).

Вставай!

Г о л о с 3 - г о (за оградой).

Не время
Теперь' валяться в прахе!

Г о л о с саддукея (за оградой).

Ха! Других
Спасал, а Сам Себя спасти не можешь!

И о а н н а

О, эти фарисеи!

Р у ф

Кровопийцы!

В а р т и м е й

У, изверги!

Г о л о с центуриона (за оградой, сострадательно).

Вы, кто-нибудь из стражи,
Да помогите же Ему с земли
Подняться.

Н и к о д и м

Римлянин, центурион,
Хоть верит в идолов, а человечней,
Чем верящие в истинного Бога
Евреи!

Г о л о с глашатая (за серединой ограды).

Иисус Назарянин,
Царь Иудейский!

(Говор народа слышен уже за серединой ограды, все пода-
ваясь влево.)

Р у ф

Вслед за Ним отец мой
Несет Его тяжелый крест. Так вот
В чем предреченная была услуга!
Сбылись Его слова!

В а р т и м е й

Не одного
Учителя ведут на место казни:
Гляди, Ему вослед еще один
Идет под крестной ношей осужденный.

Р у ф

А вот другой и тоже тащит крест.

В а р т и м е й

Кто эти двое?

Р у ф

Я узнал их: это
Сообщники мятежника Вараввы.

И о а н н а

Смотри, Иосиф, опершись на руку
Любимого Его ученика,
Идет за Сыном Мать Его, Мария.
О, горе матери насквозь пронзает
Ей, как мечом, истерзанное сердце!

И о с и ф

Скорбь матерей всего земного мира,
Скорбь за детей своих, Твоею скорбью
Освящена отныне и навек!—
Пойдем за Ней!

Иоанна

Пойдем, пойдем, Иосиф!

(Поспешно спускаются и уходят в калитку. Руф за ними.)

Явление восьмое

(Вартимей рыдает, облокотясь на стену.)

Никодим *(глядя вслед шествию, преклоняет колени).*

И Божий гнев

Не разразился!.. Ангелам небесным
Не повелел Господь слететь на землю,
Из рук злодеев вырвать Иисуса!..
Он ко кресту в Своем венце терновом
Через мгновенье будет пригвожден!..
Обещанным царем Он не воссядет
В Сионе...

Голос глашатая *(за сценой, слева).*

Иисус Назарянин,
Царь Иудейский!

Занавес

Картина вторая

У Пилата. Богатый покой. По середине несколько широких мраморных ступеней ведут к арке, за которой триклиний — глубокое полукруглое помещение под сводом. По обе стороны арки по двери. Среди триклиния богато накрытый, уставленный яствами и питьями стол. Обилие цветов. Дорогая посуда. Вокруг стола возлежат на ложах из слоновой кости: Пилат, префект и оба трибуна. Прокула сидит на ложе напротив Пилата. Сумрак, позволяющий, однако, довольно ясно различать предметы. Постепенно становится все темнее. Александр и невольники прислуживают.

Явление первое

1 - й трибун

И трех часов с полудня не прошло,
А солнце скрылось.

2 - й

Сумрак необычный
Окутал землю.

1 - й

Все мрачней и гуще
Таинственная мгла.

Префект (*насмешливо*).

Вся тайна в том,
Что временно луна затмила солнце.

Прокула

В безоблачном оно померкло небе
В тот самый час, когда на лобном месте
Казнь началась.

Явление второе

Голос (*за сценой очень далеко, протяжно и заунывно.*)

Молитесь о казнимых!

1 - й трибун

Опять!

2 - й

Опять зловещий этот голос!

1 - й

Что это значит?

П и л а т

Здесь обычай есть:

Покуда казнь свершается, взывает
Ко гражданам левит с высокой башни,
Чтоб за казнимого они молились.

П р о к у л а

Еще не поздно, Понтий. Время есть
Еще тебе загладить грех великий.
Ты приговор твой можешь отменить.
Пусть Александр, иль кто-нибудь, поспешно
Туда, на эту страшную Голгофу
К центуриону сбегает. Молю
Тебя, молю всем, что всего дороже
Тебе на свете! О, пошли его!
Пусть передаст он там твое веленье,
Чтоб задержали, чтоб прервали казнь.

П и л а т

Ты просишь невозможного. Ты судишь
По-женски. Непристойно приговоры
Постановлять и снова отменять.
Власть твердая того не допускает.

П р о к у л а

Но, Понтий, сам считаешь неповинным
Ты Осужденного.

П и л а т

Тут есть причины,
Которых женский не охватит ум.
Тут государственная польза. Впрочем,

Какое дело может быть тебе,
Матроне римской, до Того еврея?

Прокула *(тихо Александру)*.

Как долго медлит Лия! Александр,
Узнай, ужель еще не воротилась
Она с вестями? Я давно услала
Ее туда.

Александр

Я справлюсь, госпожа!

(Уходит направо.)

Явление третье

Префект *(тихо Пилату)*.

Все помыслы ее к той страшной казни
Прикованы. Но надо попытаться
Ее развлечь веселою беседой.

Пилат

Послушаем и мы. *(Невольникам.)* Полней вина
Налить гостям!

Голос *(за сценой)*.

Молитесь о казнимых!

1-й трибун

Как нагоняет на душу тоску
Унылый голос этот!

2-й

У египтян

На пиршествах разряженным гостям

В чертог веселья мумию приносят —
Напоминая о грядущей смерти.
Так этот голос заунывный нам
О неизбежности конца вещает.

(Здесь Прокула, до сих пор не обращавшая внимания на пирующих, прислушивается к словам 2-го трибуна.)

1 - й

Смотрите! Все чернее тьма кругом.

2 - й

День превратился в ночь.

1 - й

Едва могу я
Предметы различать.

П и л а т

Подать огня!

(Невольники зажигают светильники.)

П р е ф е к т

При пламени светильников как ярко
Сияют изумруды в ожерелье
У нашей госпожи!— Пришла на память
Мне Лоллия: когда с ней развелся
Внук и наследник кесаря, она
Без всякого труда нашла другого,
Не слишком знатного супруга. Я
На брачный пир был позван. На невесту
Навесили на сорок миллионов
Сестерций изумрудов и жемчужин.

П и л а т (смеясь).

Ужели мог ты с точностью такой
На глаз ее убранство оценить?

П р е ф е к т

Нет, в жемчугах и драгоценных камнях
Я не знаток; она сама на пире
Высчитывала каждому охотно
Их стоимость.

(Входит справа Лия, за ней Александр.)

Я в л е н и е ч е т в е р т о е

П р о к у л а

Ах, Лия, наконец!
Иди сюда! Скорей, садись поближе,
Здесь на скамью у ложа моего.

(Говорит с ней вполголоса.)

П р е ф е к т

Когда, плывя к далекой Иудее,
Я покидал родные берега,
И за кормой в лазоревом тумане
Тонули рощи и сады Путéол,
Казалось мне, что ждут меня лишенья,
Что, сродников утратив и друзей,
От родины оторванный, здесь буду
Я жертвой одиночества и скуки.
Но вот, еще не минул день прибытья
В неведомую чуждую столицу,
А мне уж кажется, что дома я.

2 - й т р и б у н

Как в Риме, как у нас на Палатинском
Холме, мы слышим речь родную: те же
Перед глазами пышные чертоги,
А в довершенье — ласковый прием.

1 - й

Могли ли думать мы, что в Иудее
Нас угостят лукулловским обедом!

П р е ф е к т

Чего, чего здесь нет из яств отборных.
Мозги павлиньи, языки фламинго,
И еж морской, и устрицы Тарента,
И куры нумидийские, и рыба,
Которой родина — Эвксинский Понт...

1 - й т р и б у н

А как ласкает взор разнообразье
Плодов; из рога изобилия словно
Их высыпали нам: тут и гранаты,
И вишни, и египетские фиги,
И яблоки, и сливы из Дамаска.

2 - й

Но лучше всяких лакомств и плодов
Живительная в этих кубках влага —
Хиосское и кипрское вино;
Оно шипит и пенится, и жажду
Нам утоляет, и волнует кровь.

П р е ф е к т

Товарищи, я кубок поднимаю
За прокуратора!

1 - й т р и б у н

Его здоровье!

2 - й

За нашего хозяина!

П р е ф е к т

Я пью.

За благородную его супругу!

1 - й т р и б у н

За Прокулу я кубок осушаю!

2 - й

И я!

П и л а т

Вам, войны, благодаренье
И за меня, и за мою супругу.

П р е ф е к т

Лишь наша госпожа ни до чего
И не дотронулась из яств обильных.
Непечатый, налитый до краев,
Пред нею блещет кубок драгоценный.

П р е ф е к т

Средь множества невольниц в этом доме
Наверно есть искусницы плясать.
Сирийская прославленная пляска
Под сладостные звуки флейт и лир
Развеселит печаль твоей супруги
И, может быть, тоска ее пройдет.

П и л а т

Пусть пляшущие явятся рабыни
И плясуны сирийцы.

Пр о к у л а (тихо Лии).

Что за пытка!

Ах, Лия, Лия! Слушая тебя,
Я чувствую, что острое железо
Гвоздей как будто в руки мне и ноги
Вонзается. В истерзанной груди
Мое смертельной мукой сердце рвется.
Все помыслы и чувства все мои
Там, у Него, у страшного креста...
А здесь и этот смех, и эти речи!..
Уйти бы мне, чтобы не слышать их.

Л и я

О, потерпи еще, молю тебя!—
— Они не знают, что творят... Уходом
Супруга ты разгневаешь... Пьбудь
С гостями... Притворись, прикинься
Веселой, беззаботной, госпожа!

(Входят пляшущие сирийские рабы и рабыни.)

Явление пятое

Пр о к у л а

Я не могу! Не в силах больше я...

(Раздается музыка из сада. Музыкантов не видно.)

О, если бы не видеть этой пляски...
Ах, уведи меня куда-нибудь!

Л и я

Молю тебя, сberi остаток силы,
Бери с Него пример! Терпи, как Он!

(Сирийская рабыня пляшет.)

П р е ф е к т

Под звуки томные лидийской песни
Как упительны ее движенья!

1 - й т р и б у н

Какая нега!

2 - й

Сколько выраженья!

П р е ф е к т

В истоме сладостной стан изогнув,
По влажному морскому лону словно
Плывет она.

1 - й т р и б у н

Бессмертные Хариты
С ней не могли б в изяществе сравняться.

2 - й

При виде нежных прелестей ее
Самой завидно стало б Терпсихоре,
Одной из девяти сестер Парнаса.

П р е ф е к т

Но как бледна! Она дрожит всем телом,
И в помутившихся глазах у ней
Читаю я какой-то страх смертельный.

П и л а т

Чего-нибудь повеселей! Теперь
Пусть пляшут все.

Г о л о с (за сценой).

Молитесь о казнимых!

1 - й т р и б у н

Опять!..

2 - й

О, благодатное вино!
И суеверный страх с ним позабудешь.

1 - й

И этот мрак зловещий нипочем!

(Сирийские рабы и рабыни пляшут.)

П р е ф е к т

Он пляшет, как во сне, как в исступлении,
И ужас на лице, как и у ней.

1 - й т р и б у н

Так хищный зверь выслеживает жертву!..

2 - й

Она летит на легких крыльях ветра,
Едва касаясь мраморного пола.

1 - й

Вот, он настиг!

П р е ф е к т

Нет, вырвадась она.

2 - й т р и б у н

Так от Плутона мчалась Прозерпина...

П р е ф е к т

Или сабинянки от римлян...

(Ослепительная молния. Оглушительный удар грома. Подземный гул. Землетрясение. Стены и колонны колеблются.)

2 - й т р и б у н

Боги!

(Бежит, спотыкается, падает и лежит в оцепенении.)

П р е ф е к т *(тревожно).*

И молния, и гром, и гул подземный!

(Спешит к выходу в сад и опирается на колонну.)

П и л а т *(роняя кубок).*

Земля колеблется! *(Вскакивает).*

1 - й т р и б у н *(падая на колени).*

Мы погибаем!

(Сирийская рабыня с раздирающим душу воплем убегает; сириец — за ней. Порыв завывающего ветра. Огни гаснут. Непроницаемый мрак. Долгое мертвое молчание. Потом сразу яркий дневной свет.)

Явление шестое

П р е ф е к т

Что это было?

П и л а т

Не во сне ли мы?

1 - й т р и б у н

В себя я не приду.

Кровь стынет в жилах.

Прокула (медленно вставая, с величием).

Ужели вы не поняли еще?

Ужель сердца у вас окаменели?

О, Понтий! Боязливо, малодушно

Ты Неповинного послал на смерть.

Знай, римский прокуратор Иудей,

Наместник кесаря и друг его,—

Водою мира целого не смоешь

С себя ты той чудовищной вины!

Он, Праведник, Он, посланный нам с неба,

Он, солнце истины и Божий Сын,

Повис, простертый на кресте позорном.

И вы дивитесь, что померкло солнце,

Что молнии во мраке заблестали,

Что разразился грозный гром небес,

Что в ужасе тряслись земные недра.—

Я верую! Мне сердце говорит:

Он испустил последнее дыханье.

Свершилось!— Господи, Его страданье

Грех мира дольного да искупит!

Занавес быстро падает.

Павловск. Страстная пятница

23 марта 1912

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сад Иосифа Аримафейского. Слева более половины сцены занимает высокая скала с ведущими на ее вершину высеченными в камне ступенями. Скала заросла кипарисами, плодовыми деревьями, в полном внешнем цвету, и кустами. На одной трети высоты в скале уступ, образующий площадку, посреди которой служащий сиденьем камень. У подошвы скалы полукруглая каменная скамья. Справа в глубине видны городские стены. На первом плане справа каменистый пригорок со ступенями. Ночь.

Явление первое

(Иосиф сидит на уступе скалы. Молча входят и поднимаются на вершину скалы три мироносицы. Входят Руф и Вартимей и располагаются у ног Иосифа.)

Иосиф

Всех нас влечет к себе гробница эта.
Единая объединила нас
Печаль и скорбь... И льются наши слезы,
И множится к Усопшему любовь.
(Из глубины входят Александр и Лия.)

Явление второе

Иосиф

— Кто там идет? Шаги я будто слышу.
Ах, это Лия с Александром.— Вы
Приходите сюда грустить и плакать
На дорогой безвременной могиле?

А л е к с а н д р

Мы поднялись пораньше, чтоб до света
С ней сбегать за город, в поля...

Л и я

Росою

Обрызганных я нарвала цветов —
Душистых первоцветов весны, чтоб ими
Усыпать холм могильный...

И о с и ф

Вас туда

Теперь, порой ночной, и не подпустят.
Дождитесь дня: не долго до рассвета.

А л е к с а н д р

Кто, господин, не пустит нас ко гробу?

И о с и ф

Да, — вы еще не знаете, что стража
К нему приставлена. Тяжеловесный,
Приваленный к дверям гробницы камень
Печатами скреплен синедрона.

Л и я

К чему печати!

А л е к с а н д р

Стража! Для чего?

И о с и ф

Первосвященники и старцы наши
Боятся, чтобы тело Иисуса
Ученики средь ночи не украли

И не сказали бы потом, что Он
Воскрес из мертвых.

А л е к с а н д р

Он и после смерти
Покоя фарисеям не дает!

И о с и ф

Еще два дня назад я б не поверил,
Что здесь, в моем саду уединенном,
Скалистый этот холм, где я себе
Последнее пристанище готовил,
Невинного Страдальца приютит.

Л и я

[Быть может, это грех, но я и в праздник
Все об одном и том же помышляю:
Из памяти изгнать я не могу
Тот страшный роковой канун субботы;]
Малейшие подробности его
Упорно я в уме перебираю.

Р у ф

Я, как и ты, все вспоминаю их.
Вот, подошли за Ним мы к месту казни;
Отец мой крест Его сложил на землю,
И воины, Учителя раздев,
Его на нем нагого распростерли.
Еще досель все у меня в ушах
Стук молота как будто раздаётся,
Ударами вгоняя гвозди, руки
И ноги палачи Ему пронзили...
И хлынула кровь алая из ран...

Л и я

Я помню, на божественном лице
Смертельная тут выразилась мука.

Ни жалобы, ни стона, ни проклятья
Не вырвалось из уст Его. Он очи
Возвел на небо и взывал к Отцу,
Моля у Бога Вышнего прощенья
Тем, кто не знают, что творят.

В а р т и м е й

И оба

Злодея, распятые с ним, ругались
Над Праведником. Но один из них,
Раскаявшись, стал унимать другого
И говорил ему: «Иль не боишься
Ты Бога? Мы с тобой осуждены
За дело; Он же никакого зла
Не сделал». И Учителю моленье
Принес он: «Помяни меня, Господь,
Когда приидешь в царствие Твое!»

Р у ф

А помнишь ты, что Иисус ответил?

В а р т и м е й

Возможно ль этого не помнить, Руф!
В ответ ему сказал Учитель: «Ныне ж
Со мною будешь ты в раю».

И о с и ф

Во тьме,

Царившей долгих три часа с полудня,
При факелах, зажженных палачами,
Я Мать Его увидел у креста;
И ученик Его любимый тут же
Стоял, скорьбь несказанную Ее
Деля. Когда заметил их Страдалец,
Он тихо молвил Матери: «Вот — сын Твой»,
Потом ему сказал: «Вот — Мать твоя».

И этот ученик усыновленный
Мать нареченную к себе увел.

А л е к с а н д р

Я на Голгофе не был и не знаю,
Как кончились страдания Его.

Р у ф

Ах, слово каждое Его глубоко
Запечатлелось в памяти моей.
Я слышу и теперь, как возопил Он:
«О, Боже Мой! О, Боже Мой! Зачем
Меня оставил Ты?»

В а р т и м е й

Предсмертной мукой
Терзаемый, Он слабо вскрикнул: «Жажду!»
И уксусом напитанную губку
Один из воинов, ее на трость
Наткнув, Ему поднес, из состраданья,
К запекшимся, хладеющим устам.

А л е к с а н д р

А в это ж время во дворце Пилата
Шел пир, и тоже утоляли жажду!

Р у ф

И, уксуса вкусив, Он простонал
Пред смертью: «Совершилось! Отче, в руки
Твои дух предаю»...

В а р т и м е й

И, отстрадавшей
Поникнув головою, предал дух.

*(Молчание. Все в глубокой благоговейной грусти опускают
головы. Справа входит Симон со снопом лилий.)*

Явление третье

С и м о н

Вот, господин мой добрый, полюбуйся:
Средь этой тихой, теплой ночи сразу
Все лилии на грядках расцвели.

*(По знаку Иосифа Александр сходит с площадки, берет
лилии у Симона и несет их Иосифу.)*

И о с и ф

Душистый сноп Его любимых, чистых
В ночи расцветших, непорочных лилий
Да будет приношением моим
Ко гробу отстрадавшего Страдальца.
[Мне войны не станут возбранять
Могильный холм Его убрать цветами.]

Л и я

Коль подойти нельзя ко гробу ближе,
Домой бы нам вернуться, Александр.

И о с и ф

Идите с миром, уходите.— Лия,
У Симона оставь свои цветы.
Мы их снесем поутру на гробницу.—
— И вам, друзья, сном подкрепиться б надо.
Идите. Здесь, в уединеньи, я
На предрассветную молитву стану.

(Все уходят. Иосиф один.)

Явление четвертое

Иосиф

Пускай на век Твои сомкнулись очи,
И плотию уснул Ты, как мертвец,
Но светит жизнь из тьмы могильной ночи,
Сияя солнцем в глубине сердец.
Живительно, и действенно, и ново
В сердцах у нас Твое бессмертно слово:
Любви к Тебе душа у нас полна,
А где любовь, там смерть побеждена!

(На вершине скалы слева показывается центурион.)

Явление пятое

Центурион

Ты здесь! А я к тебе спешил, Иосиф.

(Сходит к Иосифу.)

Иосиф

Ты шел ко мне? И твоего прихода
Причиною — мой бездыханный Гость?

Центурион *(озираясь)*.

Одни ли мы? Никто нас не услышит?

Иосиф

Нет никого.

Центурион

Из воинов моих,
На страже бывших у могильной двери,
Один в тревоге бледный прибежал
В преторию ко мне с чудесной вестью:

Лишь наступила полночь, всколебалась
Земля вокруг надгробного холма.
И кто-то светлый, дивный, лучезарный,
Слетев с небес падучею звездою,
От двери гроба камень отвалил
И сел на нем; белее снега было
На вестнике бесплотном одеянье,
А сам он, словно молния, блистал.

И о с и ф

Что слышу?

Ц е н т у р и о н

Воины на землю пали,
Затрепетав от страха; их объял
Смертельный, ледящий ужас. Долго
В себя они не приходили. Тот,
Что поспешил ко мне, передавая
О виденном, дрожал, как лист. Ко гробу
Я торопливыми пошел шагами,
И отваленным камень я нашел,
Печати же на нем остались целы,
Я в гроб проник...

И о с и ф

Послушай, там ли тело
Замученного нашего Страдальца?

Ц е н т у р и о н

Пойдем со мной, и ты увидишь сам.

И о с и ф

Идем скорей!

*(Торопливо поднимаются на скалу и скрываются налево.
Справа медленными шагами входит Никодим и садится на
скамью.)*

Явление шестое

Н и к о д и м

Мне не найти покоя!
Обманутый несбывшейся надеждой,
Я день и ночь брожу с своей тоской,
[В больной, израненной душе и холод,
И пустота... И сон бежит от глаз.
Ах, тщетны были вера и надежды!]
Не Он, не Он обещанный Мессия,
А ждать другого — силы нет в душе. *(Рыдает.)*

(Справа входит Иоанна с алавром в руках. Брезжит рассвет.)

Явление седьмое

И о а н н а

Ах, Никодим! *(Садится рядом с ним.)*
Нам только и осталось,
Что сокрушаться, плакать и рыдать.
На гроб иду я, как другие жены
Из Галилеи; тело Иисуса
Я благовоньями хочу помазать.
Вот, масти здесь из мирры и алая.
— Последний долг Ему ты оказал;
У Иоанна в доме говорили:
С Иосифом ты снял Его с креста?

Н и к о д и м

Да, я исполнил этот долг печальный,
Мы лестницу приставили к кресту.
Гвоздь извлекал я из Его десницы;
Бессильно за плечо ко мне упала

Его рука. Главой окровавленной
Склонился на меня Он; и колот
Мое лицо Его венки терновый.
И мне почудилось, я ощутил
Прощальное Учителя объятие.
На память мне приходят неотступно
Мгновенья эти; только их я вспомню —
Невольно слезы катятся из глаз.

И о а н н а

И за одно с твоими проливаю
Я и свои...

(За сценой в глубине слышна пастушья свирель.)

Но чу! Свирель пастушья!
То стадо гонит за город пастух.
Ах, как люблю я эти звуки! В пору
Безоблачного детства переносят
Они меня. Когда свирель я слышу,
На память мне приходит ночь одна
На родине моей. Об этой ночи
Ребенком малым слышала нередко
Я пастухов бесхитростную повесть.
Они ночную стражу содержали
У стада. Ангел им предстал; [и слава
Господня осияла их. И страх
Напал на пастухов. И ангел Божий,
Их ободряя, молвил им: «Не бойтесь!
Великую я возвещаю радость
И вам, и людям всей земли: родился
Спаситель вам. И вот вам знак: в пещере
Найдете вы младенца в пеленах;
Он в яслях возлежит». И появилось
На небе много ангелов святых;
Они зывали: слава в вышних Богу,
Мир на земле, благоволение людям!»

— И смолкло все, и в небе свет погас,
И ангел Божий отлетел]. По слову
Его они пошли и увидали
И ясли и спеленатого в них
Прекрасного Младенца Иисуса,
И радостную Мать Его, Марию.

Н и к о д и м

Да! Не забудет мир святую эту
Ночь в Назарете!

И о а н н а

В Вифлееме.

Н и к о д и м (*быстро вставая*).

Что?

Что? В Вифлееме?

И о а н н а

Да.

Н и к о д и м

Но в Назарете
Родился Иисус.

И о а н н а

Нет, ты не знаешь:
В то время перепись по всей земле
Велел из Рима сделать кесарь Август,
И каждый шел в свой город записаться.
Тогда из Назарета в Галилее
Мариин муж, Иосиф, в Иудею
Пошел, в Давидов город Вифлеем:
Из дома был Иосиф и из рода
Царя Давида.

Н и к о д и м

О, когда б ты знала,
Как горестно мне стало, Иоанна,
От слов твоих: рожденья в Вифлееме,
И царских прав Давидова наследья —
Лишь этих двух примет недоставало
Для исполненья вещей прорицаний,
И ныне все сошлись на Иисусе.
Но вместо радости и ликованья
Надгробные нам слезы суждены.

И о а н н а

От двери гроба кто отвалит камень?
Ты, Никодим?..

*(Слева на вершине скалы показываются и сходят вниз
Иосиф и центурион. Светает, небо розовеет.)*

Я в л е н и е   в о с ь м о е

И о с и ф

Его во гробе нет!

И о а н н а

Что говоришь ты?

Н и к о д и м

Где же Он, Иосиф?

Ц е н т у р и о н

Кругом всю местность обыскали мы,
Но тела не нашли.

И о с и ф

Мы увидали
Лежащие во гробе пелены;

Особо свернутый, не с пеленами,
Но в стороне от них, лежал и плат,
Которым голову Ему повили
Вчера мы с Никодимом.

И о а н н а

Поспешим
Ко гробу.

Н и к о д и м

Я с тобою, Иоанна.

*(Иоанна и Никодим поспешно поднимаются на скалу и
скрываются налево.)*

Я в л е н и е д е в я т о е

Ц е н т у р и о н

Я был свидетелем Его страданий,
Когда Он на кресте изнемогал.
И, видя смерть Его, я всей душою
Уверовал, уверовал глубоко:
Воистину Он Божий Сын!

*(Входят справа Симон с цветами Ли, Руф и Вартимей.
Все в тревоге.)*

Я в л е н и е д е с я т о е

С и м о н (Иосифу).

Мой господин, к тебе я с важной вестью:
Ты знаешь ли, что камень отвален,
Что взяли тело...

И о с и ф

Знаю, Симон, знаю
И, как и вы, дивлюсь.

В а р т и м е й

Кто ж это сделал?

И о с и ф

Не ведаю.

Ц е н т у р и о н

Ученики, быть может,
В глухую ночь, когда вздремнула стража,
Его похитили?

И о с и ф

Но для чего?

С и м о н

Ученики на это не способны.
— [Уж до восхода солнца не далеко;
Минул покой субботы: нам пора
В саду за труд обычный приниматься.]

И о с и ф

Не долго же вы спали в эту ночь.

С и м о н

Мы, господин, и не ложились. Только
Нас отпустил ты, там, у входа в сад,
Послышались шаги нам за стеною.
Я выглянул в калитку; в полутьме,—]
Тогда еще светать не начинало,—
Узнал я Иоанна, рыбака
Из Галилеи...

В а р т и м е й

[Это Иисусов
Любимый ученик...

Р у ф

Живет у самых
Ворот, насупротив калитки сада
Он через улицу, наискосок
От дома твоего...]

С и м о н

Он шел от гроба
Взволнованный... Мы от него узнали,
Что камень отвален, что гроб открыт
И что исчезло тело Иисуса...

Р у ф

Тогда мы сами ебегали туда
И не нашли Его.

С и м о н

Вот полевые
Цветы, что Лия принесла; что делать
Мне с ними?

И о с и ф

Отнеси их, Симон мой,
На гроб; уж там и лилии мои.

*(Симон всходит на вершину скалы и скрывается налево.
Никодим возвращается.)*

Явление одиннадцатое

Иосиф

Иди, мой друг, порадуйся со мною.
Сбываются Учителя слова:
Уже нашелся истинный поклонник,
Каких себе Отец небесный ищет.
Припомни, наш Наставник незабвенный
Предсказывал, что, вознесенный, Он
Всех привлечет к Себе: и вот, язычник
В Нем Сына Божия признал; неверный —
Уверовал. — Да, будет, будет стадо
Единое при Пастыре едином.

Центурион

[Когда свершалась казнь Его, мои
Четыре воина Его одежды
Между собою поделили. Был
Еще хитон, весь тканый, а не сшитый.
Они его не стали раздирать,
А жребий бросили; и он достался
Тому, кто ночью прибежал ко мне
Донести о виденном у двери гроба.
И я хитон у воина купил.

Никодим (с живостью).

Иосиф, помнишь, у царя Давида
В псалме поется: «Меж собою делят
Они Мои одежды и о ризе
Моей бросают жребий»...

Иосиф

Помню, помню;
Еще одно пророчество сбылось. —
От Иоанны слышал я, что этот
Хитон, теперь тобой добытый, соткан
Руками Матери Его.

Никодим

К Марии

Пошла теперь поспешно Иоанна,
В дом рыбака, любимца Иисуса.

Иосиф (Никодиму).

А слышал ли ты, друг, что в то мгновенье,
Когда последний вздох Он испустил,
Расселись стены храма, и завеса
Раздралась с верху до низу; и взорам
Левитов и священников Святая
Святых явилось. И Ковчег Завета,
Которого под страхом смертной казни
Не смеют видеть даже и они,
Предстал пред их смущенными глазами.

Никодим

Да, знаменательно явленье это.
Нельзя в нем не увидеть указанья,
Что обветшало прежнее служенье,
Что новый нам даруется завет,
Что Иисус, ниспосланный на землю,
Нам от Создателя его несет.]
О, Иисус! Отверженный Он камень,
Но камень, легший во главу угла.
Он — камень преткновенья и соблазна!
О, Иисус! Я видел в Нем Мессию,
Я видел в Нем великого Царя,
Я ждал Его победы над врагами,
Я славы ждал, ждал блеска, торжества...
И что же? Царь мой — тернием увенчан,
Его престол — залитый кровью крест,
Его победа — смертная истома,
А торжество, и блеск, и слава — гроб...

*(Справа вбегают Иоанна и три мирноносицы; все в белых
одеждах и сияют от счастья.)*

Явление двенадцатое

Иоанна, три мироносицы (в голосе звучит восторг).

Он жив!

(Общее движение. Местность озаряется первым лучом взошедшего солнца. Небо все розовое.)

Иосиф

Великий Боже!

Центурион, Руф, Вартимей

Ах!

Никодим

Ты бредишь!

Возможно ли?

Иосиф

Предчувствие мое!

Иоанна

Восстал Он!

Центурион

Не во сне ли я?

Никодим

Откуда

Ты с этой вестью?

Руф, Вартимей

Кто тебе поведал?

И о а н н а

От Матери Его иду я к вам.
Вчера, как солнце за горы зашло,
От милого Ей гроба воротилась
К Себе Мария, в Иоаннов дом,
И в горнице Своей в ночи безгласной,
Одна о Сыне плакала Она.
Внезапно дивным светом озарилась
Вся горница; и видит пред Собой
Мария Сына Своего. Ей мнилось,
Что это сон иль чудное виденье,
Но перед Нею Сам Он во плоти,
Лишь просветленной смертных, светозарней,
И ароматом веет от Него
Смешенья мирры и алая. Руки
К Нему в порыве счастья протянув,
Еще боясь увериться, Мария
И волосы, и плечи, и ланиты
Возлюбленного Сына осызает;
И дорогой, знакомый слышит голос:
— «Не плачь, не плачь, о, Матерь, надо Мною.
Из гроба Я восстал; прославлен Я,
И вознесу, прославлю и Тебя,
И всякого, кто с верой и любовью
Тебя отныне сердцем возвеличит».
И с этими словами Он исчез.

(Иосиф с Иоанной всходят на вершину скалы. Она уходит.)

Н и к о д и м (на коленях).

Прости, мой Бог, лукавому сомненью,
Прости, что вера немощна моя!
Всеведущий, души моей Зиждитель,
От века знаешь Ты, как ум-мучитель
И гордого познания змея
Отравую нам сердце наполняют,
Его язвят, и жалят, и терзают.

Но ныне, Боже, верой осеня,
Ты маловерного прости меня.
— Не одному себе молю прощенья,
Но всем, кто те же горькие мученья,
Подъемля жизни повседневный труд,
В грядущие века переживут.

В а р т и м е й

Он, как жених из брачного чертога,
Из гроба вышел! Радостно с небес
Сияет солнце. Будем славить Бога!

*(На вершине скалы слева появляются Симон, Александр и
Лия. У каждого в руке по лилии.)*

Явление тринадцатое

С и м о н, А л е к с а н д р, Л и я
Воскрес Христос!

В с е

Воистину воскрес!

Л и я

От галилейских жен, от Магдалины
Весть дивную мы знаем. Их глазам
Под старым кедром в тишине долины,
В рассвета бледный час предстал Он Сам.

*(За холмом раздается тихое пение псалма [произносимого
Иосифом в 20 заключительных стихах]; оно слышно посте-
пенно все правее.)*

Явление четырнадцатое

(*Никодим, Симон, Руф, Вартимей и Центурион всходят на вершину скалы и скрываются налево.*)

А л е к с а н д р

Из тех, кто, слову Господа внимая,
За Ним ходили, многие пришли,
И гроб украшенным цветами рая,
Душистыми лилеями нашли.
Цветы рассыпаны сверх плащаницы,
И, по цветку взяв набожной рукой,
Идут ученики и ученицы
И псалмопевца песнь поют толпой.

(*Симон, Александр и Лия уходят налево.*)

И о с и ф (*один на вершине скалы*).

Тебе, Воскресшему, благодаренье!
Минула ночь, и новая заря
Да знаменует миру обновленье,
В сердцах людей любовь горя.
Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славы несказанной.

Хвалите сонм бесплотных сил
И ангельские лики:

Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.

Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!

Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный!
Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки!
Воскрес Христос! Христос воскрес!
И смерть попрах на веки!

(Пение слышно громче, продолжаясь и по падении занавеса.)

Занавес опускается как можно медленнее.

Павловск. На Святой.
6 апреля 1912 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Патент на благородство. <i>Евгений Осетров</i>	3
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из цикла «У берегов»

«Задремали волны...»	19
Затишье	20
«Вы помните ль?..»	21
«Умолкли рыдания бури кипучей...»	22
«Затишье на море...»	23
«Озеро светлое...»	24
У озера	25
На Иматре	
I. «Ревет и клокочет стремнина седая...»	26
II. «Над пенистой, бурной пучиной...»	26
У Балтийского моря	
I. «Здесь не видно цветов...»	28
II. «Не вчера ли, о, море...»	28
III. «Ты безмолвно, затихшее море...»	29
Элегии	
I. Орианда	30
II. Осташево	31

III. В Крым	33
IV. Из Крыма	34

Из цикла «Библейские песни»

Псалмопевец Давид	36
Царь Саул	38
Легенда про Мертвое море	39
Сфинкс	40
Из Апокалипсиса	
I. «Стучая, у двери твоей...»	41
II. «Я новое небо и новую землю...»	42
Притча о десяти девах	43

Из цикла «Послания и стихотворения на разные случаи»

На пороге жизни	
I. «Дверь распахнулась...»	45
II. «Что корабль под всеми парусами...»	46
А. Н. Майкову	
I. «Опять твое раздалось пение...»	47
II. «Твоя восторженная лира...»	47
А. А. Фету	
I. «Отважно пройдена дорога...»	49
II. «Есть помыслы, желанья и стремленья...»	49
Я. П. Полонскому	51
На смерть графини А. А. Мойра	52
Вдовцу	53
И. А. Гончарову	54
Жениху	55
А. Г. Рубинштейну	56
Графу П. Д. Бутурлину	57
На двухсотлетие со дня рождения М. В. Ломоносова	58

Из цикла «Мечты и думы»

Серенада	62
Ты победил, Галилеянин!	64
«Опять снизошло на меня вдохновенье...»	65
«Поймете ль вы те чудные мгновенья...»	66
Отдохни	67
«Уж гасли в комнатах огни...»	68
«Взошла луна...»	69
Разлука	69
«Я засыпаю...»	71
«Я не могу писать стихов...»	72
«Нет! Мне не верится, что мы вспоминанья...»	73
«Мне снилось, что солнце всходило...»	74
Молитва	75
На Страстной неделе	76
В дождь	77
«О, не гляди мне в глаза...»	78
«Говорят мне...»	79
«Любовью ль сердце разгорится...»	80
«О, люди, вы часто меня язвили так больно...»	81
В детской	82
В разлуке	83
«О, как люблю я этот сад...»	84
«Родного севера картина...»	85
«Когда креста нести нет мочи...»	86
«Бывают светлые мгновенья...»	87
«Угасло дитя наше бедное...»	88
«Блаженны мы, когда идем...»	89
«О, если б совесть уберечь...»	90

Из цикла «Времена года»

«Повеяло черемухой...»	91
Сирень	92
«Вчера соловьи...»	93
Летом	94

«Я нарву вам цветов к именинам...»	95
«Как жаль, что розы отцветают!..»	96
«Смеркалось; мы в саду сидели...»	97
«Улыбкою утра пригретые снова...»	98
Ели	99
«Красу земли сгубил жестокий...»	100
«Зарумянились клен и рябина...»	101
«Последней стаи журавлей...»	102
Зимой	103
Ландыши	104
Времена года	105

Из цикла «На чужбине»

Венеция	
I. Надпись к картине	106
II. Баркарола	106
III. Мост вздохов	108
IV. «Скользила гондола моя над волной...»	109
V. «Помнишь, порою ночью...»	109
VI. «На площади Святого Марка...»	110
«Растворил я окно...»	113
Рафаэль Санцио	114
Колокола	115

Из цикла «Севастиан-Мученик»

Посвящение Королеве Эллинов Ольге Константиновне	116
Строфы	117

Из цикла «Гекзаметры»

I. «Любо глядеть на тебя...»	139
II. «Счастье ж твоим голубям!..»	139
III. «Завтра вот эти стихи...»	140

«Сонеты к Ночи»

I. «Что за краса в ночи благоуханной!..»	141
II. «За день труда, о, ночь...»	142
III. «Здесь, в тишине задумчивого сада...»	142
IV. Люблю, о, ночь, я погружаться взором...»	143
V. «Нет, не туда, о, ночь, в плененном созерцанье...»	143
VI. «Она плывет неслышно над землею...»	144
VII. «Какой восторг! Какая тишина!..»	145
VIII. «О, лунная ночная красота»	145
Будда	147

Из цикла «В строю»

Умер	150
----------------	-----

Из цикла «Солдатские сонеты»

I. Новобранцу	154
II. Часовому	155
III. Пред увольнением	155
IV. Полк	156
V. Порт-артурам	157
VI. Кадету	158
VII. Юнкеру	158
Вечер в Египте	160

ПЕРЕВОДЫ

Из Фр. Рюккерта	
«О, нет, за красоту ты не люби меня...»	163
Три птицы	164
Из Елены Энгельгардт	
Жизнь песни	165
Из Сюлли-Прюдомма	
I. Просьба	168

II. Глаза	168
Из маркиза де-Фудра	
Сонет	170
Из Альфреда де-Мюссе	
«Не забывай! Когда заря рассвета...»	171
Из Виктора Гюго	
Надежда на Бога	172
«Здесь, о Гликарья, здесь, о царица, Асандра супруга...»	173
Из Стеккетти	
«Когда спадут листья, и ты пойдешь...»	174
Из Шекспира	
Король Генрих IV (Ч. II, акт IV, сцена IV)	175
От переводчика	175
ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ. Драма в четырех действиях и пяти картинах .	187

Р69 К. Р. (Константин Романов)
Избранное: Стихотворения, переводы, драма/Сост. и авт. предисл. Е. И. Осетров.— М.: Сов. Россия, 1991.— 336 с., 1 л. портр.

Когда на страницах «Вестника Европы» в 1879 году появилась подпись под стихами — К. Р., едва ли все читатели пребывали в неведении относительно принадлежности криптонима. Не только в столице, но и в провинции знали, что великий русский князь Константин Константинович Романов (внук Николая I) пишет и переводит стихи, состоит в переписке с Чайковским, Фетом, Майковым, увлекается Гете...

При жизни К. Р. выпустил трехтомное собрание сочинений, многочисленные отдельные издания. Его перу принадлежат прекрасные переводы западно-европейских классиков, интересные критические статьи.

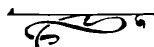
В настоящий сборник вошли избранные стихотворения, ряд переводов, драма «Царь Иудейский».

Р 4702010102—100 КБ 23—1991 № 033
М-105(03)91

84 (2)1

ISBN 5—268—01248—7

Константин
Романов

Избранное

Редактор

А. А. Целищев

Художественный редактор

Н. Д. Викторова

Технический редактор

Е. В. Кузьмина

Корректор

А. Э. Лазуткина

ИБ № 6321

Слано в набор 08.07.91. Подп. в печать 25.11.91. Формат 70×108/32. Бумага тип. № 2 (на прикл. офс. мел.). Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,79 (в т. ч. прикл. 0,09). Усл. кр.-отт. 15,14. Уч.-изд. л. 11,38 (в т. ч. прикл. 0,03). Тираж 50 000 экз. Заказ 2190. Цена 3 р. 50 к. Изд. внд. ЛХП-176.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

В 1992 году
издательство «РУССКАЯ КНИГА»

выпустит книгу избранных статей
«ЗАПИСКИ ОТШЕЛЬНИКА»
выдающегося русского мыслителя К. Н. Леонтьева.

Жизнь Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891) удивительна неожиданными поворотами. Родился он в семье помещика в Калужской губернии, окончил медицинский факультет Московского университета. Участвовал в Крымской войне, десять лет был на дипломатической службе. Несколько лет жил в монастыре на Афоне. В 1887 году постригся в монахи, умер в Троице-Сергиевой лавре.

К. Н. Леонтьев — автор девятитомного собрания сочинений. Огромную известность приобрели его философско-религиозные статьи. В сборник «Записки отшельника» вошло лучшее из публицистического наследия и философского наследия — статьи о роли славянства в мировой культуре, о национальной самобытности русского народа, о православии.